

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №23, апрель 2026 года

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

16+

- 1 – Любовь Никонова: «Под знаком праздника» - стихи, стр. 2;
2 – Степан Торбоков: «Приход весны» - стихи, стр. 3;
3 – Владимир Черноусов: «О самом заветном» - стихи, стр. 4;
4 – 90 лет со дня рождения Николая Рубцова - память, стр. 5;
5 – Николай Миронов: «Военный след в судьбе» - проза, стр. 8;
6 – Нина Бобрышева: «Покоя не дают воспоминанья» - стихи, стр. 12;
7 – Николай Миронов: «Воевали... не за медали...» - стихи, стр. 13;
8 – Александр Макастревич: «Точка опоры» - проза, стр. 14;
9 – Елена Трухан: «Память в сердце и в граните» - публицистика, стр. 18;
10 – Сергей Тихонов: «Я не слышал удара» - стихи, стр. 18;
11 – Литературоведение: «Отдам ему печаль свою», стр. 19;
12 – Мария Стародубцева: «Как распознать любовь» - проза, стр. 20;
13 – Юрий Проскоков: «Ковыли седые» - проза, стр. 25;
14 – Евгения Шкаева: «Не говори о счастье влопыхах» - стихи, стр. 26;
15 – «Маяку – 25 лет» - «Разговоры за чашечкой чая», стр. 28;
16 – Любовь Хабарова: «Биография» - стихи, стр. 28;
17 – Наталья Миллер: «Белые снега укрыли землю» - стихи, стр. 29;
18 – Виктор Савинков: «На Третьем внутреннем прекрасная погода» - стихи, стр. 29;
19 – Владимир Шишкин: «И опять по Божьей воле» - стихи, стр. 30;
20 – Галина Бастрыгина: «Литературному клубу «Маяк», - стихи, стр. 31;
21 – Любовь Сбытова: «Мой отец» - стихи, стр. 32;
22 – Анатолий Гуляев: «Пожар» - проза, стр. 32;
23 – Надежда Калашникова: «Мама, здесь камни поют» - фантастика, стр. 33;
24 – Анатолий Гуляев: «Земляне в кавычках» - публицистика, стр. 35;
25 – Дмитрий Семёнов: «Земляне в кавычках» - фантастика, стр. 36;
26 – Людмила Танкова: «Сказка – ложь, да в ней намёк» - публицистика, стр. 39;
27 – Николай Подсевалов: «Не суди и не будешь судим» - стихи, стр. 40;
28 – «Союз любителей поэзии «Кузбасский родник» - публицистика, стр. 42;
29 – «Староверы и древлеправославие!» - история, стр. 43;
30 – «Русские всполохи» - публицистика, стр. 46;
31 – Отзывы о книге А.Н. Гуляева «Русские всполохи» - публицистика, стр. 51;
32 – Александр Танков: «Исторические предпосылки образования СССР в контексте книги А.Н. Гуляева» - публицистика, стр. 52;
33 – Надежда Кудрявцева-Кузнецова: «Узаконенный обман или литературное мошенничество?» - публицистика, стр. 54;
34 – «Размышления о большом и мелком!» - публицистика, стр. 56.

«Дни Любви Никоновой»

ООО Редакция «Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».
Юридический адрес редакции: 653013, РФ, Кемеровская область-Кузбасс, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.
ИНН/КПП 4223044383/422301001
ОГРН 1064223028572 от 27.12.2006
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС12-1286 от 12.02.2007 г. Управления Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу
р/с 40702810900000001744
«БСТ-БАНК» АО
к/с № 3010 1810 000 000 000 706
БИК 043209706
р/с № 40702810900000001744
ОКПО 97770147
ОКАТО 32437000000
ОКТМО 32737 000
ОКФС 16
ОКОПФ 12300
ОКВЭД 22.1, 22.11, 22.12, 22.13, 22.15, 51.47.2, 58.13.1
Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.
Директор/гл. редактор: Гуляев Анатолий Николаевич
тел.: 8 906 987 1955; e-mail: tanckova.lyudmila@yandex.ru
Технический редактор: Танкова Л.А.
Время сдачи в печать 23.04.2026г.: по графику – 14.00; фактически – 14.00.
Дата выхода 28. 04. 2026 г.
Адрес типографии: АО «Советская Сибирь», г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1 «Г».
Газета распространяется на территории Кемеровской области.
Объем 14.0 п.л.; Заказ № 1785; Тираж 1000 экз.
Цена свободная.

«Под знаком праздника»

30 января 2026 года сотрудники литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского при поддержке Кемеровского отделения Союза писателей России организовали литературные чтения «Дни Любови Никоновой», посвящённые 75-летию юбилею известного кузбасского поэта, прозаика, педагога и Году единства народов России. Культурно-образовательное событие, ставшее традиционным, прошло в онлайн-формате на странице музея Ф. М. Достоевского в ВКонтakte.

Тема чтений — «Под знаком праздника» — предполагала выразительное исполнение одного из стихотворений Любови Никоновой о праздничном настроении, подарках жизни и жизни как подарке, доброте и доброжелательном отношении друг к другу, о «встречах, похожих на подарки», о божественных знаках судьбы, о любви, радости и счастье — вечных источниках праздника жизни.

В «Днях Любови Никоновой»-2026 приняли участие 35 представителей образовательных и культурных учреждений, творческих сообществ, а также друзья и коллеги писательницы, почитатели её литературного таланта из Новокузнецка, Юрги, с. Атаманово, с. Новопестерево, пос. Яя, пгт. Итатский.

Самыми активными участниками стали МБОУ «Атамановская средняя образовательная школа», МБОУ «Гимназия №10 имени Ф. М. Достоевского» и театральная студия «БИС» МАУ ДО «Дом детского творчества №1». А самыми юными чтецами — ученики 1 класса «А» МБОУ «Лицей №104» (Новокузнецк).

Елена Трухан

Любовь Никонова

Мост духовный

Над тёмной пропастью огромной
Он существует, мост духовный.
Ступи... Не бойся, что непрочен,
Что он воздушен, этот мост,
Что путь рискованный — бессрочен
И пролегает выше звёзд...
Не верю обольщениям грубым,
Что впереди ждёт встреча с чудом.
Не верю в вымысел превратный,

Что за хождение над тьмой
Дар воздаянья благодатный
Вдруг изольётся предо мной...
Иной источник твой, отвага,
Смысл упований чист и прост:
Вполне достаточен для блага
Сам этот путь, сам этот мост.

1993 г.

Гора Нерукосечная в период смуты

Стремясь физически
преодолеть простор,
Прошли мы много ровных мест и гор.
Но, совершая путь небесночный,
Приблизились к Горе Нерукосечной.

И здесь утратили само понятие «даль» —
Была пред нами только вертикаль.
В её столпе стояла Матерь Божья.
И бедный люд молился у подножья.

Вздыхалась гарь
с ближайших пепелищ.
Народ был жалок, голоден и нищ.
Измученный, обобранный до нитки,
Спасти его делал слабые попытки.

Воителей, учёных и вождей
Он не имел в сплошной среде своей.
Все те, кого вскормил он и вспоил,
Давно ушли под сень чужих светил.

Царило горе в плачущей толпе.
Лишь Богородица, стоящая в столпе,
Пронизанная высшими лучами,
Смотрела вниз скорбящими очами.

Могла ли что-то предпринять Она?
Не знаем. Но Она была верна
Печальному народу-сироте,
Взывавшему к небесной высоте...

Всё это длилось несколько минут.
Потом открылся снова наш маршрут.
И друг сказал почти без изумленья:
«Зачем такие странные виденья?».

Не могу подтвердить я,
что осень — в бреду,
Не могу я сказать,
что она — в лихорадке.
Кто болезни в Божественном
видит саду,
Бьётся сам зачастую в припадке.

А здоровье души — изливается вширь
Иль восходит в просторные выси,
Где бессмертные силы
читают Псалтырь
И плывут абсолютные мысли.

И оттуда приходят дожди и снега
И меняют земное убранство.
Как лампы, в рябинах горят берега.
Свет покровский вступает
в пространство.

И проникнуты свежим
сознаньем мира.
Принимает природа с любовью
Этот пушкинский праздник
осенней поры —
Русский холод, полезный здоровью.

Бабушка

«Зимний снег с меня да не ставал.
Летний дождь с меня да не ссыхал...».

Русское причитание

Я вижу, как в апреле или в мае,
я вижу, как осеннею порой
с корзиною она
в сыром тумане
из лесу возвращается домой.

Как вязнет, задыхаясь, по сугробам
с охапкою соломы иль сенца.

И дождь, и снег горят огнём суровым
в морщинах её доброго лица.

Давно осиротели эти вёрсты.
Давно она устала от ходьбы.
Но превращаются все зимы и все вёсны,
как прежде,
в травы,
в ягоды,
в грибы...

И снег, и дождь верны ей,
как и в прошлом.
Сменяясь, выбирая нужный срок,
они струятся преданно и просто
на тихий неприметный бугорок.

Был вечер на окраине страны.
Грачи летели в сторону Луны.
И мать следила старыми очами
За этими летящими грачами.
И было не светло и не темно.
И всё вокруг почти обнажено,
Поскольку осень поздняя хотела,
Чтобы пространство странно опустело.

Лишь стая птиц бестрепетно текла
Над кровлями пустынного села —
Расходуя намеченную силу,
К ночному шла холодному светилу.
И матушка стояла на крыльце
С невыразимой грустью на лице.
Её оставив осенью одну,
Летела птичья стая на Луну.

В вечернем воздухе так пристально
свечение тихого селца...
Там у заборчика на привязи
оставил кто-то жеребца.
Когда совсем сгустились сумерки
и скрыли дровни и коня,
пацан проказливый и умненький
вдруг выпрыгнул из-за плетня.

Не знаю, почему, но сразу же,
как соучастники, мы с ним
переглянулись понимающе
с лукавым замыслом одним.
В повозку сели мы — и тронули!
Село осталось позади.
Лишь вился узкий след за дровнями
да кто-то крикнул: «Погоди!».

Когда не привлекут внимания
ни лес,
ни люди,
ни река, —
волнуй меня, воспоминание
об этом беге рысак!

О вопиющем своеволии,
о похищении коня,
об этом мальчишке, с любовью
глядевшем сбоку на меня!

В обожжённой степи —
вечный запах полыни,
Если б тучке пролиться
сюда молодой!
В обожжённой степи
след барашка на глине
Напоил меня тёплой горьковатой водой.
С ощущением последнего поцелуя,
Ничего не прося
у судьбы своей вновь,
Он потом засыхал,
обнажённо пустуя,
Будто сердце, истратившее любовь.

В системе кризисных неравенств,
Несовместимых величин
Я Вам решительно не нравлюсь,
Не нравлюсь Вам не без причин.

Похожи встречи на подарки.
Но что претит Вам с давних пор? —
Быть может, скрытый дух бунтарки
Иль схимницы смиренный взор?

Летят кометы и болиды.
И ловят пепел их и пыль
Общественные пирамиды,
По грудь ушедшие в ковыль.

Всё завтра зарастёт бурьяном.
Но вам и мне ещё дано
Духовное с материальным
Принять, как целое одно.

Утихнут наши несогласья.
И ровно зашумит в крови
Прилив неслыханного счастья,
Желанной, сбывшейся любви.

г. Новокузнецк

Степан Торбоков

Степан Семёнович Торбоков — замечательный шорский кайчи и поэт, неутомимый собиратель шорского фольклора.

Степан родился в семье шорца-охотника в декабре 1900 года в с. Тагдагал (ныне г. Осинники). С детства полюбил охотничье ремесло: уходил с отцом в тайгу на несколько месяцев. Она стала для него вторым домом. По возвращении домой из тайги охотников встречали шумно, устраивали праздник — той. Степан любил эти вечера, сам был хорошим певцом и исполнителем народного шорского эпоса. Пел он и свои песни, родившиеся в его сердце где-нибудь на привале у костра.

Очень привлекала будущего поэта игра на шорском инструменте — кайкомусе. Именно из звучания этого инструмента родилась первая колыбельная, сочинённая Степаном для маленького братишки. Песню эту стали петь все матери в Тагдагале.

Ещё до революции Степан окончил церковно-приходскую школу. После гражданской войны он стал уполномоченным сельсовета, организовал в Шории потребкооперацию, заведовал народным домом. Открыл курсы ликвидации безграмотности в г. Мыски. После окончания учительских курсов в Красноярске Степан начал работать учителем в посёлке Тенеш. В 37 лет он поступил на географический факультет Томского университета и окончил его в 1943 году, заочно.

Затем в течение четверти века Торбоков учительствовал в школах сёл Кинерки, Рябиновка, Тайлеп. Все эти годы он писал стихи, собирал и записывал песни, легенды, сказки шорского народа. Стихи поэта без всяких публикаций находили дорогу к сердцам людей. Из уст в уста передавали их из одного улуса в другой.

В начале сороковых годов впервые стихи Степана Семёновича были переведены на русский язык хакасским поэтом А. Кильдичаковым и опубликованы в газете. В пятидесятые годы собиратель шорского фольклора начал сотрудничать и переписываться с литераторами Новосибирска и Горного Алтая. В шестидесятые он познакомился с переводчиком своих стихов — поэтом из Абакана Г. Сысолятиным. Позднее переводом его стихов занимались М. Небогатов, В. Махалов.

Вышли в свет три сборника стихов Торбокова: «Белая берёза» (1960 г.), «Пихточка» (1960 г.), «Струны кай-комуса» (1967 г.). Множество стихов поэта печатались в газетах «Сельская жизнь», «Кузбасс», «Кузнецкий край» и других. В 1995 году в Новокузнецке вышел сборник шорского фольклора, собранного Торбоковым.

Поэта, сказочника, собирателя шорского фольклора чтят и помнят все, кто хоть однажды соприкоснулся с его творчеством.

Приход весны

Теплее воздух с каждым днём.
Весны дыханье чую в нём.
В овраге пенятся ручьи.
Им воробей кричит: «Вы чьи?».
Скворец — откуда взялся он?
Завёл затейливый трезвон.
«Потише! Выжил из ума!», —
Ворчит, бранит его зима.
А солнце, словно ей назло.
Ещё сильнее припекло.
И ветер южный над тайгой
Легко проплыл волной тугой.
На миг замедлил я шаги:
Смолой запахло из тайги!
Шумите, воды! Пой, скворец!
Бурану, холоду — конец.
Пусть дни и ночи напролёт
Зима-старушка слёзы льёт.
Рассыпь, весна, свои лучи,
По наковальне бей, стучи!
К штурвалу трактора присев,
Встречай с колхозниками сев.
В полях, в охотничьей избе
Все рады, гостьюшка, тебе.
Не пред тобою ли скала
Папаху белую сняла?

Рабочий люд

Всё мы можем, всё умеем,
Всякий труд для нас хорош.
На земле добро мы сеем —
«Что посеешь, то пожнёшь».

В каждом деле без заминки
Настойм мы на своём:
Проторим в тайге тропинки,
Песню сложим и споём.

Наша сила, если надо,
Даже скалы сокрушит.
Для врагов она преграда,
Для друзей — защитный щит.

Дружат с нами лом и лейка,
Сцены блеск и стройки шум,
По плечу нам телогрейка
И бостоновый костюм.

Вот какой мы, люд рабочий!
Наших дум живой костёр
Озаряет сумрак ночи
И космический простор!

Ягоды поспели

Увлекла интересная книжка.
Вдруг в открытом проёме окна
Появился соседский мальчишка
Смоль волос и зубов белизна:
«Дядя, с нами в тайгу не пойдёте?
Что, боитесь, медведишка съест?».
— Нет, встречались уж с ним на охоте.
Мало знаем мы ягодных мест.
Что поделаешь? В сторону книжку.
Взял ведро, выхожу из дверей.
Мой ходатай несётся вприпрыжку:
«Кто по ягоды, живо, быстрее!».
Собралась ребятшек ватага,
В жарком воздухе звон голосов.
За извилистой кромкой оврага
Гуще сумрак таёжных лесов.
Словно в воду, в траву забродим.
Вот по грудь, вот уже с головой.
Чей-то пёс заливается лаем,

Потерялся в чащобе густой.
У меня на примете малинник.
«Налетай!», — ребятишкам кричу.
Весел, счастлив я, как именинник.
Всё, что им, то и мне по плечу.
Кто сказал: никуда я не годен?
Кто сказал: за спиной шестьдесят?
Нет сегодня ни ям, ни колдобин.
Никаких стариковских преград!
На десяток годов, а не на год
Я моложе с ребятами стал.
Рву душистые бусинки ягод.
Светом солнца их зной напитаю.
Отдохнуть поманила опушка!
Вдруг «ку-ку» донеслось из хвои.
Ах, коварная птица-кукушка
Сосчитала все годы мои ...
Перезвонами крика и смеха
Отзывается лес в тишине.
Толи просто услышал я эхо,
Толи детство откликнулось мне?

Южная гостя

Липа! Цветет белоснежная липа
В зелени новой, медвяна, пышна,
Нежная липа у рельсов Южсиба!
Как прижилась в этом крае она?

Липа в горах Алатау ... Ведь чудо!
Липе не страшен сибирский мороз!..
С Волги-реки или с Дона — откуда,
Кто её в шорскую землю привёз?

Было преданье про кама Коргуша:
Кам её вез на крылатом коне ...
В липовой роще гудит — только слушай
Тысячный рой на басовой струне.

Белая липа, тайги украшение,
Нет, ты не гостя из южных лесов!
В рощах и колках твои поколения
Старше Мрассу и древней ледников.

С каждым отростком
и семечком каждым
Липа по времени держит пути.
Сколько должно быть
в ней жизненной жадности,
Чтоб через тысячи лет к нам прийти!

Таёжная речка

Ты берёшь свое начало
В пихтаче, у хмурых скал,
Там, где скачет одичало
Гордый баловень-марал.

Пусть расскажет звонкий, чистый,
Твой весёлый голосок,
Как из струйки серебристой
Вырастает ручеёк.

Где берёзка стала свечкой
И застыла на бегу,
Не ручьём уже, а речкой
Я назвать тебя могу.

Уж не детство предо мною —
Юность, полная огня,
Неспокойною волною,
Силой радует меня.

Перекатов глядя спины,
Мчишься, сердце веселя,
Ждут вдаль тебя долины
И Хакасии поля.

Там с неведомой рекою
Ты сольёшься навсегда,
Станет тихой, голубой
Эта пенная вода.

Но не в том ли и отвага,
Чтоб не злесь и не скорбя,
Всю отдать себя на благо
Людям, жаждущим тебя?

Я рад своей судьбе

Ворвался, помню, грозный ветер,
Великий вихрь творил набег:
Стволы разламывал — не ветки,
Течение изменял у рек.

Тот ветер завершился тишью,
Счастливой тишью для труда.
К простому человеку, вижу,
Заходят солнце и мечта!

Как много горя пережили
Народ и каждый человек!
Знать, потому такая сила
Пожить светлей свой краткий век.

Я рос голодным сиротою,
Бескрылой будто птицей рос.
Теперь согрет страной родною
И всем другим мой равен рост!

Я о свободе и не ведал,
Я угасал в своей глуши.
Теперь моя земля медведя
Для дум открыта и души!

Мне памятен мой дымный одаг,
Грязь, безысходность, сон — как бред.
А ныне кажется, что вот я —
Родился вновь на этот свет!

В штанишках рваных, босоногий,
Я досыта отведал зла.
Теперь
— не нищий, не убогий,
Ещё б года вернуть назад!

Но не вернуть года обратно,
И потому душа порой,
Пусть мимоходом, пусть невнятно,
Но вспомнит,
Вспомнит мрак былой.

Не вспомнить невозможно, ибо
То юность свежая была.
Жизнь нынешняя, счастливая,
Пораньше, раньше бы пришла!

Но все равно я рад!
За новый
Строй жизни и за жизнь потом
Тружусь и в бой идти готов я!
Уже сражаюсь я — стихом.

Владимир ЧЕРНОУСОВ

Черноусов Владимир Тарасович родился 17 февраля 1954 года в деревне Волеги Пермской области. Проживал в большой семье в посёлке Менделеево. После окончания 8 классов поступил в Пермский механический техникум по специальности «Сварочное производство». По окончании техникума служил в армии в войсках госбезопасности в в/ч «Кремлёвский полк» г. Москвы. После службы в армии окончил Пермский политехнический институт по специальности ПГС. Работал в Новокузнецке по специальности на предприятиях: НКАЗ, НАСК и «Сибшхтострой». Дополнительно закончил СибГИУ. Получил второе высшее экономическое образование.

Стихи писал с юных лет. Свои стихи размещал в районной и армейской газетах. По выходу на пенсию у него появилось больше времени для творчества. Начал публиковать стихи в различных российских издательствах, а также на портале Союза российских писателей «Стихи.ру». Издал в 2019 году книгу стихов «Разноцветье» в издательстве Союз писателей г. Новокузнецка. Опубликовал стихи в издательстве РСП г. Москвы в альманахах «Наследие-2024», т.7, и «Поэт года-2023», т.14. А также в альманахе «Устьинская россыпь» за 2018–2024 годы.

Российским союзом писателей за вклад в развитие современной литературы был награжден юбилейной медалью «Александр Пушкин-225».

О самом заветном

Я с Россией судьбою обвенчанный

Я пойду наугад перелесками,
По нескошенным травам росистых лугов,
Мне берёзки предстанут невестами,
Прячась робко в фату облаков.
Опьянённый просторами синими,
Может, где-то в полях я во ржи утону
И вернусь, чтобы спеть о России
У костра, тихо тронув струну.
Я, с Россией судьбой обвенчанный,
Убегу за рассветами в светлую даль.
Над рекою, во храме бревенчатом,
Позабуду про боль и печаль.
Растворюсь в зное жаркого лета,
Упаду с неба каплей дождя,
Но вернусь, чтобы песня допета
Под гитару была у костра.

Уходили девчата на войну

Посвящается маме, участнице ВОВ

Мама, прости, если я не вернусь,
Слёзы утри и не смей больше плакать.
Знаешь, что встретить я смерть не боюсь,
Горько мне видеть в глазах твоих слякоть.
Лучше, родная, ты мне улыбнись,
Дай поцелую в солёные губы,
Чтобы запомнить такой на всю жизнь.
Слышишь, зовут уже медные трубы.
Встану с подругами новыми в строй.
Времени нет, чтоб поправить обмотки,
И не беда, что уходим мы в бой,
Одну на троих, получая винтовки.
Я добровольно решила сама
Встать на защиту родного народа...
Ало горела на травах роса
В чёрный сентябрь сорок первого года.

Признание

*В год семьи любимой жене
и всем семейным парам.*

Тёмною ночью мне не уснуть.
Рад несказанно я этому, боже.
Голову ты положила на грудь.
Нет для меня груза в мире дороже.
Светлых волос накрывает волна.
Солнечным ветром дыханье по коже.
Словно с небес для меня ты сошла.
Каждым движеньем волнуешь до дрожи.
Я не смыкаю в ночи своих глаз.
Прежде не верил. Так не бывает.
Снова влюбился и, как в первый раз,
Голову сносит в преддверии рая.
Есть притяжение в слове жена.
Радость и беды делим мы вместе,
Рядом с тобой моя жизнь, как весна.
Я без тебя, словно праздник без песни.

Бабье лето

Последним полночным трамваем
Звенит бабье лето в окно.
И птиц отлетающих стая
Уносит с собою тепло.

Рябины костёр догорает
Холодным прощальным огнём.
Давай посидим, дорогая,
За щедро накрытым столом.

Неспешно о прожитом вспомним,
Наполнив бокалы вином,
Мы вечером долгим и поздним,
Давай погустим о былом.

Без слёз и словарного блуда,
В мерцанье луны за стеклом
Поверим все чувства друг другу
О самом заветном, простом.

В причастии таинства света
Откроется суть бытия,
И музыка бабьего лета
Затихнет с осколками дня.

Прости за мой короткий слог

Прости за мой короткий слог,
Что для тебя в расширенном формате
Лавину чувств я передать не смог
На трепетном листе бумаги.

И умирая, и рождаясь снова,
Банальность презирая и кляня,
Вселенную сжимаю я в три слова,
Три слова: «Я люблю тебя!».

Я к Кремлёвской стене прикоснусь

Я к Кремлёвской стене прикоснусь,
Стены древние трону рукой,
И снова предстанет мне Русь,
И наполнит мне сердце покой.

В синем небе плывут облака,
Как дозорами встарь корабли,
Чтобы мир уберечь от врага,
Чтобы жить нам в согласьи, любви.

Синева, синева, синева.
Сад Тайницкий колышет листвою.
И горят в синеве купола
У церквей над священной землёй.

Светят ярче, чем огненный горн,
Звёзды башен Кремля с вышины.
И курантов малиновый звон,
Словно пульс у великой страны.

Кузница Сибири

В долине гор под небом синим,
На берегах Томи-реки,
Старинный город — кузница Сибири,
Расправил плечи гордые свои.
Через столетия в доменные печи
Из горнов предков жаркий уголёк
Передаваясь, как при эстафете,
Огни большого города зажгёт.
Расцветай

И краше становись из года в год.
Пусть юный май
Наполнит силой каждый взлёт.
Новокузнецк,
Ты запеваешь и творец.
Тебе венец
Из тысяч яростных сердец.
Истоки города — вокзалы.
И растекаясь вширь и вдаль,
Гостей спешат встречать кварталы,
Где кров людей, что варят сталь.
Где берег левый, берег правый,
Два брата-странницы-реки,
Ковали славу для Державы,
В сибирской кузнице Руси.
Расцветай
И краше становись из года в год.
Пусть юный май
Наполнит силой каждый взлёт.
Новокузнецк,
Ты запеваешь и кузнец.
Тебе венец
Из тысяч яростных сердец.

Дыхание веков

Сияет поздний луч на небесах,
Тяжёлых туч пронзив покров.
На выщербленных древностью камнях
Колышет мох дыхание веков.

Софийского собора купола
Окутаны вечерней тишиной.
Огни большого города, дела,
Остались за Кремлёвскою стеной.*

И чудится: оружием блещет рать,
Великий Невский вскинул длань вперёд:
Изгнать с Руси окованную тать
В железный хлам и завершить поход.

В просторных храмах места нет, чтоб встать.
Свечей в молитвах тает чёрствый воск.
На сечь уходят мужики и знать,
И путь их осеняет Иисус Христос.

**Новгородский кремль*

Сельский рынок

За что люблю я сельский рынок?
За то, что с ближних деревень
Везут товар в больших корзинах,
В коробках валом дребедень.

Гогочут гуси в тесных клетках,
И кура прямо на руках
Снесёт яйцо вам незаметно,
Забыв про ложный стыд и страх.

Томится сало в корке специй,
Мясной разложен ладный ряд...
Эквивалентом мудрых лекций
Вдыхаешь сельский аромат.

И все родня, семья большая,
Где повод есть для мелких ссор,

Где каждым нервом принимаешь
Народный русский разговор.

Купальщица

На разных с тобой мы дорожках,
Ты гонишь волну пред собой.
Очерчены ластами ножки,
Купальником облик тугой.

Откуда явилась такая
В суровые наши края,
Мечта мужиков заводная,
Какие пленила моря?

Ваятель большое искусство
Вложил, создавая тебя.
Венеру Милосскую, грустно,
Поставить в сравнение нелзя.

В серебряной пене и брызгах
Мелькаешь над светлой водой.
И я до предельного близко
Любуюсь такой красотой.

Крановщица

На скрипучем тротуаре
Лихо девица с вершок
Прямо, влево и направо
Отмеряет в такт шажок.

Зыбко доски под ногами
На колдобинах лежат.
Брызжет грязь под каблуками,
Брызги в стороны летят.

Быт наладить сразу сложно,
Не построить за день град.
На бумажке, разве можно,
Нацелив за то наград.

А пока по тротуару,
По тому, какой он есть,
Путь один у девы к крану,
За штурвал скорее сесть.

И, повиснув с облаками,
Между небом и землёй,
Из кабины в хрупкой раме
Управлять большой стрелой.

И предстанет её взору
Контур стройки непростой,
Словно птице сквозь просторы
Путь знакомый в край родной.

По командам: «Майна!», «Вира!»,
«Стрелкой влево!», «Ход вперёд!»
И других ещё, квартира
Будет собранная влёт...

И в таком солидном деле
Страха нет в девичьем теле.
Победить в крови мандраж
Помогает макияж!

90 лет со дня рождения Николая Рубцова

Николай Рубцов родился 3 января 1936 года в селе Емецк Емецкого района Северного края.

В 1937 году родительская семья переехала в Няндому. В 1939 — 1940 годах отец Рубцова Михаил Андрианович работал начальником Няндомского горпо. В январе 1941 года Михаил Рубцов выбыл с семьей из Няндомы в Вологодский горком партии. В Вологде Рубцовых застала война.

Летом 1942 года умерли мать и младшая сестра Рубцова, отец был на фронте, и детей распределили в интернаты. Тем же летом 6-летний Николай написал своё первое стихотворение.

Николай и его брат вначале попали в Красовский детский дом, а с октября 1943-го и до июня 1950 года Николай жил и учился в детском доме в селе Никольском Тотемского района Вологодской области, где он окончил семь классов школы.

В автобиографии, написанной при поступлении в Тралфлот в 1952 году, Рубцов писал, что отец ушёл на фронт и погиб в 1941 году.

Но на самом деле Михаил Андрианович (1899 — 1962 гг.) выжил, после ранения в 1944 году вернулся в Вологду и в том же году женился вторично, жил в Вологде. Из-за утери документов в Красовском детдоме он не смог найти Николая и встретился с ним только в 1955 году.

С 1950-го по 1952 год Николай Рубцов учился в Тотемском лесотехническом техникуме.

С 1952-го по 1953 год работал кочегаром в Архангельском траловом флоте треста «Севрыба», с августа 1953-го по январь 1955 года учился на маркшейдерском отделении в горно-химическом техникуме Минхимпрома в Кировске Мурманской области. В январе 1955-го не сдал зимнюю сессию и был отчислен из техникума.

В начале 1955 года девятнадцатилетний Рубцов устроился слесарем-сборщиком на завод в Приютине.

С марта 1955 года был разнорабочим на опытном военном полигоне. В октябре был призван в армию, после учебного подразделения проходил срочную службу дальномерщиком на эсминце «Острый» Северного флота (в звании матроса и старшего матроса) с 1955-го по 1959 год.

Вступил в ряды ВЛКСМ. В 1957 году во время отпуска жил в Приютине, где написал стихотворения «О собаках» и «Морские выходки». 1 мая 1957 года состоялась его первая публикация (стихотворение «Май пришёл») в газете «На страже Заполярья».

В 1958 году стихи Николая Рубцова были опубликованы в коллективном сборнике «На страже Родины любимой», а в феврале следующего года — в первом номере флотского альманаха «Полярное сияние».

Отслужив четыре года в ВМФ, Ни-

колай Рубцов демобилизовался в октябре 1959 года.

После демобилизации жил в Ленинграде, работал попеременно слесарем, кочегаром и шихтовщиком на Кировском заводе.

Начал заниматься в литобъединении «Нарвская застава», где познакомился с молодыми ленинградскими поэтами Глебом Горбовским, Константином Кузьминским, Эдуардом Шнейдерманом. Был особенно близок с Горбовским.

«Когда Николай вдруг узнал, что я — недоучка и в какой-то мере скиталец, бродяга, то проникся ко мне искренним уважением. Не из солидарности неуча к неучу... а из солидарности неприкаянных, причём неприкаянных сизмальства...», — вспоминал Глеб Горбовский.

В 1962 году Николай Рубцов получил аттестат о среднем образовании после сдачи программы за 10-й класс (в интернате он окончил только семилетнюю школу). В июле 1962 года с помощью Бориса Тайгина выпустил свой первый машинописный сборник «Волны и скалы».

В августе 1962 года Рубцов поступил в Литературный институт им. М. Горького в Москве, попал на курс к писателю Николаю Сидоренко, ректору института.

Во время учёбы Рубцов познакомился с Владимиром Соколовым, Станиславом Куняевым, Вадимом Кожинным и другими литераторами, чьё дружеское участие не раз помогало ему и в творчестве, и в делах по изданию стихов. С пребыванием в институте вскоре возникли проблемы, однако поэт продолжает писать, и в середине 1960-х у него вышли первые сборники.

«Октябрь» стал первым журналом, где в 1964 году была опубликована первая в Москве подборка стихотворений Николая Рубцова.

В 1966 году журнал «Юность» опубликовал в шестом номере, наряду с такими поэтами, как Белла Ахмадулина, Олег Чухонцев, Рыгор Бородулин, подборку стихов Рубцова: «Русский огонёк», «В горнице», «А, между прочим, осень на дворе...».

В 1969 году Рубцов окончил Литературный институт и был принят в штат газеты «Вологодский комсомолец».

В 1968 году литературные заслуги Рубцова получили официальное признание, и ему в Вологде была выделена однокомнатная квартира № 66 на пятом этаже в пятиэтажном доме № 3 на улице, названной именем другого вологодского поэта — Александра Яшина.

Писатель Фёдор Абрамов называл Рубцова «блистательной надеждой русской поэзии».

В Вологодском музее Николая Рубцова хранится завешание поэта, найденное после смерти: «Похороните меня там, где похоронен Батюшков» (поэт

XIX века был похоронен на кладбище Спасо-Прилуцкого монастыря, сильно повреждённом в советское время).

Николай Рубцов был похоронен в Вологде на Пошехонском кладбище.

history.ru

Николай Рубцов при жизни почти никому не был известен, да и потом интерес к его лирике стал появляться не сразу и не у всех. Однако со временем этот интерес возрастал.

Этому способствовали особый душевный свет и простота его стихов, делавших их понятными для очень далёких от литературы людей, и песенность многих произведений поэта: иногда Рубцов сам придумывал музыку, а некоторые его стихи стали песнями благодаря бардам.

Лирика поэта во многом шла в противовес главным веяниям времени.

Поэты-шестидесятники наравне с политиками хотели строить новую жизнь. Их героями были горожане — экзальтированные, гордые, шагающие в ногу со временем. В их стихи нередко попадали новостные сводки и технические новинки.

Рубцов же в основном воспевал деревню и порой неприметную, ценную самим своим существованием жизнь обычного человека.

Его поэзия не учит, не обличает, не призывает — она лишь показывает мир таким, каким его видит сам автор, высвечивая в череде будней то, что можно и не заметить.

Умение слышать и понимать русскую природу, принимать жизнь такой, какая она есть, находить прекрасное в обыденном, видеть суть вещей в повседневном — вот то, что определяет поэтический мир Рубцова.

В истории русской поэзии XX века нет судьбы более трагичной и загадочной, чем жизнь Николая Рубцова. Поэт, которого современники называли «вологодским Есениным», не только повторил трагический путь своего великого предшественника, но и оставил после смерти множество неразрешённых вопросов.

Юные годы поэта были омрачены войной. Родившийся в 1936 году в глухой архангельской деревне, Николай Михайлович в пять лет потерял мать, пережил смерть брата и сестры, скитался по детским домам.

Эти тяжёлые испытания нашли отражение в первых стихах сироты, выведенных на обрывках бумаги.

Удивительно, но именно в детдоме проявился его поэтический дар — в одном из них Рубцов сочинил своё первое стихотворение о погибшей матери, которое стало началом творческого пути.

Его стихи, пронизанные тоской по утраченной деревне и простым человеческим ценностям, резко контрастировали с официальной советской поэзией.

Сегодня, перечитывая стихи Нико-

лая Михайловича, невозможно отделаться от мысли, что он каким-то образом предвидел свою судьбу. Его поэзия полна предчувствий, тревожных образов и пророческих видений.

culture.ru

Вологодская «малая родина» и Русский Север дали Рубцову главную тему будущего творчества — «старинную русскую самобытность», которая стала центром его жизни, «землёй священной», где он чувствовал себя «и живым, и смертным».

Его первый сборник «Волны и скалы» появился в 1962 году в самиздате, вторая книга стихов, «Лирика», вышла в 1965 году в Архангельске уже официально. Затем были изданы поэтические сборники «Звезда полей» (1967 г.), «Душа хранит» (1969 г.), «Сосен шум» (1970 г.). Готовившиеся к печати «Зелёные цветы» появились уже после смерти поэта.

После его смерти были опубликованы сборники «Последний пароход» (Москва, 1973 г.), «Избранная лирика» (Вологда, 1974 г.), «Подорожники» (Москва, 1975 г.), «Стихотворения» (1977 г.).

Поэзия Рубцова, предельно простая по своей стилистике и тематике, связанная преимущественно с родной Вологодчиной, обладает творческой подлинностью, внутренней масштабностью, тонко разработанной образной структурой.

В творчестве Рубцова соединились черты романтической и философской лирики, классические и фольклорные традиции, любовь к прошлой и настоящей России.

В селе Никольском с 1996 года действует Дом-музей Н. М. Рубцова (в здании бывшего детского дома); именем поэта названа улица, на которой находится музей, а также сельская средняя школа.

Детство

Мать умерла.

Отец ушёл на фронт.

Соседка злая

Не даёт проходу.

Я смутно помню

Утро похорон

И за окошком

Скучную природу.

Откуда только —

Как из-под земли! —

Взялись в жильё

И сумерки, и сырость...

Но вот однажды

Всё переменялось,

За мной пришли,
Куда-то повезли.
Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск паромы,
И крик «Скорей!»,
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

Вот говорят,
Что скуден был паёк,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, —
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонёк.

До слёз теперь
Любимые места!
И там, в глуши,
Под крышею детдома,
Для нас звучало
Как-то незнакомо,
Нас оскорбляло
Слово «сирота».

Хотя старушки
Местных деревень
И впрямь на нас
Так жалобно глядели,
Как на сирот несчастных,
В самом деле,
Но время шло,
И приближался день,

Когда раздался
Праведный салют,
Когда прошла
Военная морока,
И нам подъём
Объявлен был до срока,
И все кричали:
«Гитлеру капут!».

Ещё прошло
Немного быстрых лет,
И стало грустно вновь:
Мы уезжали!
Тогда нас всей
Деревней провожали,
Туман покрыл
Разлуки нашей след...

litres.ru

Николай Рубцов родился в семье, в которой сразу все было нескладно. Отец — секретарь партийной ячейки, мать — глубоко верующий человек. Из-за несхожести их взглядов в доме постоянно возникали скандалы. Детей было четверо.

Как ни странно, для Рубцова годы, проведённые в детдоме, стали чуть ли не самыми счастливыми в жизни. Был хоть как-то, но обустроен. Рядом находились пускай не по родству, но по духу близкие люди.

Детский дом находился в селе Никола. Именно это село поэт будет потом считать своей малой родиной, в него он будет возвращаться в самые тяжёлые времена своей жизни.

«Здесь великолепные (или мне толь-

ко кажется) холмы по обе стороны широкой реки Тошмы, деревни на холмах... леса, небеса! У реки, вернее, над рекой, сразу у въезда в Николу, под берёзками — разрушенная церковь. Тоже великолепная развалина! В этой местности когда-то я закончил семь классов (здесь для души моей родина)...», — писал Рубцов уже будучи взрослым.

Его друзья по детскому дому рассказывали, что в годы войны часто делили одно одеяло на двоих или троих, спали на тюфяках. Еды почти не было (на день давали 50 граммов хлеба и похлёбку), была одна воспитательница на всех. Младших помогали воспитывать старшие дети.

Учителя вспоминали, что «Коля был хрупким мальчиком с чёрными глазами и располагающей к себе улыбкой», хорошо играл на гармошке, был сообразительным, читал много книг, выделялся какой-то особой непосредственностью и доверчивостью по отношению к миру.

Для стихов Рубцова характерна предельная автобиографичность, до так называемой «голости души».

Стихотворение «Детство» написано пятистопным ямбом с перекрёстной рифмовкой (как и большинство рубцовских стихов). В стихотворении нет ни изысканных метафор, ни излишних эпитетов и гротеска. Всё сведено почти что до разговорной речи, но именно это даёт словам возможность легко проникнуть в каждое сердце.

Поэзия

Сквозь ветра поющий полёт
И волн громовые овалы
Корабль моей жизни плывёт
По курсу
к демобилизации.

Всю жизнь не забудется флот,
И вы, корабельные кубрики,
И море, где служба идёт
Под флагом Советской Республики.

Но близок тот час, когда я
Сойду с электрички на станции.
Продолжится юность моя
В аллеях с цветами и танцами.

В труде и средь каменных груд,
В столовых, где цены уменьшены
И пиво на стол подают
Простые красивые женщины.

Всё в явь золотую войдёт,
Чем ночи матросские грезил...
Корабль моей жизни плывёт
По морю любви и поэзии.
1959 г.

Как когда-то в подростковом возрасте Александр Блок грезил не поэзией, а пароходами и морями, мечтал стоять за штурвалом, так и Рубцов в юности решил стать моряком. По окончании семилетки он отправился поступать в мореходку. Из-за низкого роста его не взяли.

Рубцов поступил в лесотехнический

техникум, и страсть к морю постепенно стала сменяться стихами.

В 1959 году поэт вернулся из армии, где служил матросом на Северном флоте. В Ленинграде, где Рубцов поселился после демобилизации, он посещал литературную студию, заводил первые поэтические знакомства, был полон надежд. Поэт был очарован городской жизнью: парками, садами, шумными литературными спорами, интересом к себе девушек. В письме к брату Рубцов рассказывал, как с полочки покупал пиво и мороженое, ходил в кино и театры.

«Всё в явь золотую войдёт, чем ночи матросские грезил...», — это редкий пример оптимизма в рубцовских стихах, вера в то, что все его мечты сбываются, что будущее не обманет.

Ах, отчего мне...

Ах, отчего мне
Сердце грусть кольнула,
Что за печаль у сердца моего?
Ты просто
В кочегарку заглянула,
И больше не случилось ничего.
Я разглядеть успел
Всего лишь чёлку,
Но за тобою, будто за судьбой,
Я выбежал,
Потом болтал без толку
О чём-то несущественном с тобой.

Я говорил невнятно,
Как бабуся,
Которой нужен гроб, а не любовь,
Знать, потому
Твоя подруга Люся
Посмеивалась, вскидывая бровь?
Вы ждали Вову,
Очень волновались.
Вы спрашивали: «Где же он сейчас?».
И на ветру легонько развевались,
Волнуясь тоже,
Волосы у вас.
Я знал
Волненья вашего причину
И то, что я здесь лишний, —
Тогда знал!
И потому, простившись чин по чину,
К своим котлам по лужам зашагал.

Нет, про любовь
Стихи не устарели!
Нельзя сказать, что это сор и лом.
С кем ты сейчас
Гуляешь по Форели?
И кто тебя целует за углом?
А если ты
Одна сидишь в квартире,
Скажи: ты никого к себе не ждёшь?
Нет ни одной девчонки в целом мире,
Чтоб про любовь сказала: «Это ложь!».
И нет таких ребят на целом свете,
Что могут жить, девчонок не любя.
Гляжу в окно,
Где только дождь и ветер,
А вижу лишь тебя, тебя, тебя!

Лариса, слушай!
Я не вру несколько —
Созвучен с сердцем каждый звук стиха.
А ты, быть может,
Скажешь: «Ну и Колька!».

И рассмеёшься только: ха-ха-ха!
Тогда не сей
В душе моей заразу —
Тоску, что может жечь сильнее огня.
И больше не заглядывай ни разу
К нам в кочегарку!
Поняла меня?

«Ты спрашиваешь, почему я так и не написал письмо, хотя обещал. А мне интересно знать, не всё ли равно тебе, напишу я или нет. В общем, короче. Перехожу с прозы на стихи, коими для меня удобней выражать мысли. А также и чувства...», — так писал Рубцов, отправляя некоей Ларисе М. посвящённые ей строки.

В Ленинграде Рубцов работал то слесарем, то кочегаром, то шихтовщиком на Кировском заводе.

Дружил и влюблялся, был в шумных компаниях, выпивал. Очень переживал из-за своего неумения общаться с девушками, из-за отсутствия у себя светского лоска.

В «Ах, отчего мне...» чувствуется не только простота, но и певучесть стиха: большое количество сонорных звуков, открытых слогов, отсутствие трёхзначных стыковок согласных.

Сам Рубцов был очень музыкален. Он самостоятельно освоил аккордеон, гармошку и балалайку, а когда их не было под рукой, то, как вспоминали его знакомые по общежитию Литинститута, отбивал ритм, стуча пальцами по столу или по какому-нибудь другому предмету. Сохранилась запись, на которой Рубцов под аккомпанемент гитары поёт «В горнице моей светло...».

«Ах, отчего мне...» — стихи о юношеской любви простого парня-работячего к простой девушке.

Аналогов этому стихотворению в русской поэзии нет: в нём напрочь отсутствует стилизация или хотя бы какая-то литературная игра, зато есть приближённость к разговорной речи. Большое количество восклицаний, коротких фраз, просторечий делают стихи эмоциональными и ёмкими. Всё так, как в обычной жизни, всё моментально узнаваемо.

Звезда полей

Звезда полей, во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь,
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Памяти друга

Уместилась жизнь вполне
В его милой Сарбале...

На всякую жизнь довелось посмотреть,
Пожить довелось мне повсюду. И всё же
Я вырос вот в этом посёлке таёжном
И в нём начинаю тихонько стареть.
И если живу от него вдалеке,
То в памяти всюду его воскрешаю.
Ну как ты, Россия, такая большая,
Смогла уместиться в одном уголке?!

П. Майский

Майский (Мертвцов) Павел Николаевич родился 9 мая 1937 года в Центральном руднике Красноярского края. Детство провёл в селе Сарбала Калтанского городского округа. Окончил СМи (СибГИУ) в Новокузнецке. Увлекался классической борьбой, джазом (тромбонист). Начал работать горновым на Кузнецком металлургическом комбинате в Новокузнецке. Был избран внештатным секретарём горкома ВЛКСМ. Павел Николаевич являлся одним из основателей и руководителей творческого объединения молодёжи Новокузнецка.

Работал инженером-проектировщиком доменных печей в «Сибгипрометзе», главным инженером проекта Запсиба. Ушёл с работы в связи с переходом на творческую работу.

Лауреат государственной премии Совета министров СССР. Окончил Литературный институт им. Горького в Москве, член Союза писателей СССР с 1981 года, член правления Союза писателей СССР.

Павел Николаевич занимался изданием книг в Кемеровском областном издательстве и центральном издательстве «Советский писатель», публиковался в периодической печати, участвовал в телевизионных программах. Создатель творческого коллектива соратников по публикации новых произведений. Издал несколько сборников своих избранных произведений под редакцией В.А. Галактионова. Дружил с дипломатом, писателем и общественным деятелем И.С. Алексеевым, с автором юмористических произведений А.А. Трушкиным, с композитором Б. Емельяновым, с правнуком великого русского поэта А.С. Пушкина Григорием Пушкиным. Более всего его связывала дружба с советским поэтом Егором Исаевым, учителем, другом и названным братом.

С 1989 года жил с семьёй в Краснодаре, приезжая на лето в родное село Сарбала, где он отдыхал и творчески работал до середины сентября. Дача его была пристанищем для творческих людей, однако не всех Павел Николаевич привлекал. Он был шепетил в дружбе и не учитывал положение и статус человека. Он был из той когорты людей, которые признавали только чистое творчество.

Мне повезло быть знакомым с Павлом Николаевичем лично. Он был моим наставником в литературной деятельности. Однажды, когда я попросил его охарактеризовать положение нашей литературы, он, задумавшись на несколько секунд, начинал проводить анализ творчества в нашей области, в стране. Каждое его слово было взвешено, ответы были лаконичны и лишены всяких эмоций. Такие минуты общения предопределяют твоё направление в жизни, наполняют смыслом и ценностью.

Прочитав мой рассказ «Вынужденный жить», он заставил писать продолжение, затем познакомил с А.А. Трушкиным, и мои рассказы обрели нового рецензента и наставника. Павел Николаевич при встрече со мной называл меня «писатель Миронов». Признаться, слышать подобные слова от такого, довольно не шедшего на похвалу человека, было своеобразным шоком.

К сожалению, Павел Николаевич ушёл из жизни 14 февраля 2026 года.

Николай Миронов

Николай МИРОНОВ

Родился 1 января 1962 года в пос. Сарбала Кемеровской области. Вместе с родителями переехал в посёлок Малиновку. Заочно учился на историческом факультете Томского университета. С 1980 по 1982 гг. – служба в Вооружённых Силах СССР, затем учёба в горно-строительном техникуме Межауреченска. Работал на разрезе «Осинниковский». Затем перешёл на шахту «Алардинская» электрослесарем подземным, где работает по сей день. Литературным творчеством занимается с 2009 года. Регулярно печатается в городской газете и в коллективных сборниках, выпускаемых клубом «Кедр». Член Союза кузбасских писателей, является руководителем поэтического клуба «Кедр» г. Осинники. Участник поэтических, бардовских фестивалей. Выпустил две книги стихов, прозы, песен: «Рассвет» и «Здесь, под звёздной россыпью».

Военный след в судьбе

Мой дед, Миронов Егор Корнеевич, прошёл четыре войны.

Родился он в 1897 году, где, мне неизвестно, но проживал в Оренбургской тогда губернии, в Бузулукском уезде в селе Елдаркино. Он был по тем временам человеком набожным, но всегда говорил своим детям и внукам: «Бог есть, но попом не верьте».

Может быть, такой склад его характера и его обострённое чувство справедливости определили его судьбу – он прожил 85 лет в сознании и до конца жизни читал книги, причём часто просил взять книгу Фурманова «Чапаев». Он был знаком с легендарным командиром и частенько рассказывал о нём.

Конечно, он тогда был солдатом, но по стечению обстоятельств их дивизия была прикомандирована к Чапаевской дивизии, и он, мой дед, будучи телефонистом штаба дивизии, лично проложил телефонную линию и лично передал телефонную трубку Чапаеву в руки. Так состоялось их знакомство. Хотя ранг их был разным, но уровень секретности их сблизил: дед давал подписку о неразглашении разговоров, которая подразумевала очень строгие меры. Шутки в этом деле не допускались.

Начнем всё по порядку.

Рука Господня

Первая мировая война

Дед был призван на войну в 1916 году.

Полк, куда он был призван, стоял под Перемышлем. Война здесь приняла позиционный характер. Позиции и наши, и германские были хорошо разведаны и даже изучены, поэтому артиллерия немцев вела довольно прицельный огонь.

Наши артиллеристы отвечали, но редким огнём. К этому времени у наших войск сказывалась нехватка в боеприпасах – промышленность царской России работала уже со сбоями и не ахти как. Боеприпасы имелись, но их берегли на крайний случай. Германцы, как называл их дед, чувствовали себя вольно и могли безнаказанно обстреливать наши позиции.

В один из таких артобстрелов дед, будучи молодым парнем, всё-таки не успел добежать до блиндажа: буквально в двух шагах в борт окопа воткнулся снаряд и не разорвался. Немецкая педантичность тоже давала сбои и в промышленности.

Дед долго смотрел на жёлтый до необыкновенности снаряд и не мог даже пошелохнуться. Снаряд мирно торчал из борта окопа и, казалось, он здесь был целую вечность и просто служил украшением в серой солдатской жизни. Однако это было обманчиво.

Неделю назад в соседнем окопе, со слов деду, снаряд разорвался, и от солдата остались лишь куски тела. Их собрали в плащ-палатку, и солдата похоронили невдалеке от позиций.

Сейчас снаряд был вроде мирным, но дальнейшее было непредсказуемым. Предупредив своих сослуживцев о неразрывавшемся снаряде, дед пошёл доложить о снаряде своему начальству.

Это был первый, как говорил дед, случай руки Господней, которая отвела от него беду. Вот так действуют небесные силы, для которых наша земная жизнь как игра, в которой они могут изменить всё.

Ленин и Керенский

Встреча с этими известными людьми для моего деду, Егора Корнеевича, прошла обыденно и, можно сказать, блекло.

Полк моего деду был на переформировании и пополнении около Петербурга. Солдаты, как и большинство офицеров-окопников, не совсем разбирались в тонкостях политической обстановки.

Дед рассказывал, что сначала состоялась встреча с В.И. Лениным и его выступление перед полком, потом, через некоторое время, перед ними выступил А.Ф. Керенский. Я тогда не уточнил, когда состоялись эти выс-

тупления, но то что они были – факт.

Дед не отличался многословием, а тем более манерой привирать для значимости, но о факте встречи с такими людьми говорил с гордостью. Так вот, когда я узнал о таких неординарных встречах, я не отвязался от него, пока он не рассказал мне об этом со всеми подробностями.

К моему некоторому разочарованию, дед был не сильно впечатлён от них. Это позже имя Ленина, вождя мирового пролетариата, стало чем-то запредельным, а тогда он был для солдат просто политиком, который агитировал массы на свою сторону.

«Я стоял вдалеке от Ленина, как и потом от Керенского, – говорил дед, – потому мало что мог разобрать из слов обоих ораторов». Но эмоциональность и убедительность Ленина его больше прельстила. После этих выступлений офицеры сказали, что пойдём воевать за советскую власть, и полк всем составом влился в ряды Красной Армии.

Чапаев

Когда дивизия моего деду воевала с белоказаками на Урале, он имел встречу с легендарным красным командиром дивизии Чапаевым Василием Ивановичем. Прежде чем состоялась эта встреча, дед ещё раз испытал руку Всевышнего. В чём это зак-

лючалось, я сейчас вам поведаю. Служил дед в дивизии штабным телефонистом. Должность эта была почётная для солдата и не всякого брали туда.

По распоряжению командования фронта их дивизия была прикомандирована к Чапаевской дивизии для усиления боевых действий. Дед, выполняя приказ, бежал по полю в расположение этой дивизии, прокладывая телефонный кабель. Линия соприкосновения с белыми была довольно далека, но вдруг что-то ударило его прямо под сердце.

Резкий удар был такой силы, что дед остановился, а потом скрючился от нестерпимой боли. Когда он приподнял гимнастёрку, то увидел уже нарастающий синяк и образующуюся припухлость, а на земле увидел мирно лежащую пулю от винтовки.

По-видимому, пуля была на излёте и не имела убийной силы — это и спасло моего деда от неминуемой смерти. Встретясь пуля и дед метров на двести ближе, неизвестно, как бы всё закончилось и, возможно, для деда всё оказалось бы намного печальней.

Отдышавшись, дед продолжил прокладку телефонной линии. Вскоре замелькали кавалеристы, и дед направился к ним, выясняя, где находится штаб Чапаевской дивизии. Прокладывая телефонную линию по штабу, дед увидел комдива Чапаева, стоящего перед картой в окружении подчинённых.

Роста Чапаев был небольшого, можно сказать, маленького, особенно на фоне своих гигантов подчинённых. Отрапортовав как принято, дед соединился через позывные со штабом своей дивизии и, как он говорил с гордостью, лично передал трубку в руки Чапаеву. После выполнения задания дед отправился в медчасть, где получил квалифицированную помощь. Услышав рассказ, врач сказал, что солдату повезло, наложил повязку, и дед отправился в расположение своей дивизии.

«Чапаев, — говорил дед, — на коне не ездил, а передвигался на автомобиле по своим частям».

Что ещё мне запомнилось, так это то, что существовала строгая дисциплина и отсутствовало мародёрство. «Был приказ», — говорил дед, — у населения даже иголки не брать». Он говорил это настолько серьёзно, что я даже на секунду не усомнился в этом, тем более, что костяк дивизии состоял из профессиональных, можно сказать, солдат и офицеров.

Когда дед смотрел фильм про Чапаева, где главную роль играл актёр Бабочкин, случай мародёрства со стороны чапаевцев он никак не комментировал, видать, всякое было в то время, но вот что о своей дивизии он говорил, я это помню и даже горжусь этой солдатской чистоплотностью. Был порядок и в то время, но, видно, к сожалению, не везде.

Деникинский фронт

Про деникинский фронт дед особо не рассказывал, но помню его рассказ про прорыв мамонтовской конницы по тылам красной армии: он с негодованием говорил, что мамонтовцы живых людей закапывали в землю. Дед говорил об этом с таким негодованием, что на такое только могли пойти изверги. Притом это было сказано человеком с таким боевым опытом и повидавшим на своём веку всякое. Вот тебе и облик мамонтовских вояк.

Борьба с белополяками

Отпустим хронологическую последовательность и не будем вдаваться в дальнейшее передвижение дедовской дивизии, а лишь скажем о том, что судьба закинула его на Украину.

Там, где нецелесообразно было прокладывать телефонный кабель, дед отправлялся вестовым на лошади. Причём ввиду важности донесения или приказа солдат отправляли вдвоём, такая была инструкция. Чем это мотивировалось, можно понять: если один погибал, второй должен был уничтожить пакет или доставить его по назначению, в зависимости от обстоятельств.

Вот так в один из знойных дней лета двое вестовых прибыли в расположение штаба полка дивизии с приказом. Был конец лета, и на яблонях висели такие яблоки, что сами просились в рот, будто говорили: «Возьми меня и съешь». Напарник подбил моего деда слазить на яблоню. Набирали яблок в гимнастёрку.

Неожиданно запел снаряд и разорвался где-то далеко за ними. Это насторожило деда. Запел второй снаряд и разорвался перед ними, уже гораздо ближе. Дед окликнул товарища: «Нас заметил наблюдатель и берёт в вилку» (вилка — способ добиться прицельной артиллерийской стрельбы). Товарищ выразил сомнение, но дед был настойчив и уже авторитетен.

Они слезли с деревьев, к которым были привязаны кони, и пошли к штабу. Только они немного отошли, как запел третий снаряд и разорвался как раз около этих яблонь. Деревья с корнем улетели по сторонам, а от лошадей остались лишь куски мяса.

Дед пожалел, что не успели отвязать коней и увести на безопасное расстояние. Артиллерийский наводчик хорошо знал своё дело, и они мгновенно лишились своих коней. Война не щадила этих трудолюбивых и умных животных.

Тачанка

Полк, где служил дед, воевал на Западной Украине и занимал оборону на N-ском направлении. Конница у белополяков была мощная и сильная. В окопах были все, вплоть до ко-

мандира полка.

Конница шла лавиной — такой натиск вызывал оцепенение даже у бывалых вояк. Трёхлинейки лежали на брустверах наизготовку, но у многих они были уже потными от рук. Команды «Стрелять!» не было.

Поневоле занервничаешь, когда на тебя летит на такой скорости лавина коней, а на них всадники с отточенными, как бритва, клинками, готовые расплосковать тебя до половины за один взмах. Тут надо выстоять и не дрогнуть, не запаниковать.

Вдруг на флангах их окопов размеренно и деловито появились две тачанки. Они на всём ходу развернулись и без промедления, уверенно и со знанием дела открыли огонь из пулемётов по приближающейся коннице.

Их огонь назывался кинжальным, так как на выходе он образовывал конфигурацию подобно кинжалу. Проскочить этот кинжальный огонь можно при определённой плотности нападавших, неопытности и невзаимодействии пулемётчиков.

Эти пулемётчики были профессионалы и друг друга понимали на расстоянии. Через пять минут с конницей было покончено, как говорил дед, они не сделали ни одного выстрела. Лишь немногим из нападавших повезло уйти живыми. Всю работу пулемётчики выполнили блестяще, продемонстрировав все возможности тачанки, её способность маневрировать и занимать выгодные позиции. Весь полк был в восторге от асов войны.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов

Деда призвали на Великую Отечественную войну в 1942 году в августе-месяце. Этот год, как принято считать у военных, был самым тяжёлым для нашей Родины. Дело в том, что профессиональная армия очень сильно поредела, и чтобы восполнить нехватку, стали призывать возрастных людей. На тот момент моему деду исполнилось уже 45 лет.

Призвали на фронт и его сына, моего дядю, Миронова Ивана Егоровича, который учился в командном училище г. Новосибирска. Проучившись два года, он, как и многие его однокурсники, получил звание младшего лейтенанта и назначение на Сталинградский фронт, где командовал взводом разведки. Через полгода он был ранен в живот, выполняя разведзадание, был доставлен в медсанчасть, но скончался от ранения в военном госпитале.

После войны к родителям Ивана Егоровича приехала медсестра и рассказала, где его похоронили. В 1943 году под Витебском был убит сержант артиллерии Маринин Александр Семёнович, старший брат моей матери. Отец её, мой второй дед Маринин Семён Владимирович, был ранен в руку

и был комиссован по ранению с войны. Про то, как встретил войну, по счёту уже третью, мой дед не рассказывал, но говорил моему отцу, что 1942 год был очень неудачным для нашей армии.

В конце войны дед имел несколько контузий, воевал в составе гидророты. Это подразделение занималось очисткой колодцев, которые «цивилизованные» немцы усиленно травили.

Случай, о котором мне поведал дед, он опять относил к всевластной руке Господней. Занимаясь зачисткой колодца, солдаты пошли на обед, и когда противник начал неожиданно артобстрел, переждали его и отправились завершить работу. Каково же было их удивление, когда на месте колодца они увидели большую воронку — снаряд угодил точно в колодец.

По всей вероятности, немцы взяли колодец в координаты и, зная, что его будут чистить, решили уничтожить всю команду. В одном они ошиблись: у русских обед начинается не в 12 часов, а тогда, когда все захотят есть. Вот и спасла всех русская неординарность.

Японская война

Когда закончилась война, и часть, в которой воевал дед, отпраздновала Победу, солдат не отправили домой, как все этого хотели, а, выждав некоторое время, посадили в теплушки и повезли на Восток.

Каково было нашим сибирякам проезжать мимо родных мест в неизвестность, словами не опишешь, но все были люди военные, приказ есть приказ. Никто не говорил, куда их везут, но разве скроешь от бывалых вояк истинную цель поездки — все понимали, что предстоит война с Японией. Наша армия раньше воевала с японцами на озере Хасан и на реке Халхин-Гол.

После такого противника, как Германия, война с Японией не вызывала тревогу, но и радости не доставляла. Война есть война, а после победы она энтузиазма не приносила.

Приехав на Восток, вступили на территорию Маньчжурии. Ещё несколько дней пути, и заняли боевые позиции. Какое же было у солдат удивление, когда на следующий день объявили, что Япония капитулировала и война закончилась. Сдержанность в эмоциях говорила о том, что это были настоящие вояки, которых удивить чем-то было трудно.

Правительство СССР не поскупилось и наградило всех участников медалями «За победу над Японией». Так закончилась четвёртая по счёту война Миронова Егора Корнеевича, моего деда, в которой, по его словам, он не сделал ни одного выстрела.

Вечная слава и память героям, которые не щадили себя в борьбе за независимость нашей Родины!

Сложные времена

**Памяти
Анатолия Алексеевича Трушкина,
короля юмора,
посвящается**

Вот, говорят, настали сложные времена. А что в них сложного? Сами создаём эти сложности. Загнали себя в эти заботы, погрязли в них. Просто надо жить, просто.

Я всегда придерживаюсь этого, вот и живу как у Христа за пазухой. Николай, сосед мой, купил машину в кредит, квартиру, чего-то там из мебели. Как платить, так бежит в банк, просит отсрочку. Мне этого не надо. Живу просто, на свои кровные.

Мне часто звонят, кредит предлагают. Я сразу говорю: «Давайте! Давайте побыстрее! Мне, говорю, опохмелиться край как надо, колосники горят, их потушить срочно надо! Давайте побыстрее кредит, давайте!». Они трубку сразу бросают. Перезваниваю. Иногда по полчаса звоню. Не берут трубку. Так и хожу незакредитованный.

Развелось много ленивых. Пойдёшь, дрова у них поколешь, уголь в углярку покидаешь, картошку потяпаешь. Потом опохмелишься, и жизнь становится замечательной.

Недавно дом взял. Недорого. А зачем мне дорогой? Одному-то. Сейчас так модно стало жить, по одному. Потому что просто, без забот.

Вон знакомый Артём, олигарх по нашим деревенским меркам. Так у него жена, несколько любовниц и детей не считано, не познано. Жена сначала считала их, любовниц и их детей, потом запуталась. Сейчас их делит по территориальному присутствию. Эта

та, что в том районе живёт, а эта, что в этом. Так на карте и метит их красными флажками. Сейчас карта, что у полководца в боевых операциях. Каждый день флажки добавляет. Откуда знаю? Племянник мой в охране у Артёма. Жена Артёма его завербовала через постель, вот он ей всё и докладывает.

Коррупция. Разъедает верхние эшелоны. У меня всё просто. Жены нет. Ушла. Дети выросли. Наверное. Может, и определились. Недавно одного видел на плакате. Кандидат в депутаты. Вот они, гены-то плохие. Сказываются. А какой, помню, пацан простой был, честный. У-у-у-у...

Сейчас решил я бизнесом заняться. А что?! Как сезон — я по грибы. А ещё раньше — колба. Витамины. Народ сейчас за здоровый образ жизни, вот и подсел на натурпродукты. Берут. Не успеваю в лес ходить. С колёс всё уходит. Обленился народ, обленился. Молодёжь или за компьютером, или в боулинг. Я, бывалоча, без всякого боулинга из рогатки столько бурундуков набивал! У-у-у-у! Сдавал в заготконтору. А сейчас и бурундуков стало мало. Исчезали вместе с зайцами.

Вон, сосед Иван, охотник был, сейчас только на уток. Потому что нет зверя. Весь вывелся. Исчез. Скоро внуки будут зайцев только на картинках видеть. А где их взять? Медведей больше зайцев стало. А надо проще — отобрать у всех ружья и снегоходы. Пусть, как раньше, на лыжах. И организму полезнее, и животным убежать можно. Сколько этот бардак будет длиться? Непонятно. Только, думается мне, долго ещё. Не хотят простоты, не хотят.

Вон, начальник, как начнёт выступать, как начнёт говорить! Говорит, говорит, а потом так странно начинает по сторонам смотреть. Удивляется, что все сидят и слушают. Не уходят. Он сам, порой, забывает, о чём говорил и на чём остановился. Ищет глазами, чтобы кто подсказал. А как тут ему подскажешь, если никто не знает, о чём он говорил. Так и продолжает свою речь, сам не зная с чего. Со стороны как будто выступление китайца перед русскими без переводчика. Когда заканчивает, то хлопают долго, с пониманием. Всё-таки человек на такой должности! Не хухры-мухры. Серьёзный. Сложно живём, сложно...

Телевизор не смотрю. Раздражает. Когда выступал Владимир Вольфович, то смотрел его выступления. Потому что просто и понятно, и весь курс, как раньше говорили, партии и правительства, был выстроен чётко и понятно. Знал, куда идти и кого вести...

А эти, так называемые, артисты. Женщины всё к наготы стремятся. Поражают и шокируют. Какие там песни, какой текст, какая мелодия. Так и мелькают то груди, почти обнаженные, то бедра и выше там... Тут не до текста. В такт и в ритм и ближе, ближе к телевизору. А они на это и настраивают. Поют о том, сами не зная о чём. На одежду у них в основном уходит много и времени, и денег. Много. Раньше много времени уходило на текст и музыку, сейчас на одежду и внешний вид.

Клипы по своей «красочности» шокируют. Чтобы посмотреть и брякнулся от избытка «чувств». Поэтому не смотрю, берегу остаток здоровья. Хотя юмор

люблю. Всегда смотрю. Но и юмор не тот, совершенно не тот. Раньше Анатолий Алексеевич Трушкин два-три слова скажет, и весь зал покатывается от смеха. Александр Иванов как выступал! У-у-у! Строго и с каменным лицом, как на партийном собрании КПСС, а весь зал смеялся. А сейчас и слова вроде те же говорят, на русском языке, и гримасничают, но совершенно не смешно, не так, как у наших королей юмора, не так. Раньше прибежишь и не с начала смотришь, а всё понятно и смешно, а сейчас?! Включил недавно телевизор, а юмористическая передача уже идёт, выступает артистка Елена, не помню, как её, и всё одно и то же:

«Ну, возьмите меня, ну, возьмите».

Куда должны были её взять, хромую и с таким, извиняюсь, примитивным лицом, так для меня и осталось загадкой. Проще надо, проще...

Хотелось бы, чтобы на детей не легла эта сложность. Ведь как учебники пишут. Будто для человека с уже высшим образованием. Такими словами, с таким хитросплетением, что диву даёшься, как ребятишка будет это понимать. Вот и нервная система страдает от этой сложности.

Раньше технический текст читаешь, как букварь, всё ясно и понятно. И издавали тех, кто мог донести просто и легко. Сейчас — плати деньги, и не посмотрят на заковыристый текст, напечатано. Дети страдают и учатся без энтузиазма. Сложно для них, сложно. Хочу призвать всех к простоте как ключу к пониманию.

В простоте лежит и смысл, и истина, к ней и надо стремиться.

Случай из детства

**Посвящается Прокопьевичу
(Н. П. Лукошину)**

«Прокопьевич, — мужики-шахтёры часто обращались в обеденный перерыв к своему бригадиру в шахте, — расскажи про войну...».

Конечно, рассказы Прокопьевича любили за его ораторское умение заинтересовать слушателей, за не обычные сюжеты, тем более что тема Великой Отечественной войны для многих поколений была святой. Новички уже были слышаны об обеденных историях и придвигались к бригадиру, настаивали не пропустить ни единого слова из рассказа. Военная тема будоражила воображение. Прокопьевич живо откликался и, восторгаясь, приступал к рассказу:

«Ну, во-первых, я был малышом и не мог понимать всё происходящее...».

Скажем, что пацанёнка того звали Петёшкой Макашовым.

А дело было так...

Вдали от нашего села были слышны разрывы и пулемётные очереди. Одиночные выстрелы вписывались в гамму оружейных выстрелов, и это многообразие длилось второй час, привлекая нас, пацанов села, своей необычностью. Когда ещё можно было увидеть настоящий бой, с применением орудий, наверное, и танков, вживую!

Поэтому мы, сельские пацаны, залезли на колокольню и из всех сил пытались разглядеть сражение. Однако кроме тёмных клубов гари, поднимавшихся в чистое июльское небо, мы ничего не могли видеть.

Там шёл бой, и в этом не было сомнения. По календарю был июль 1941 года, шла война с фашистской Германией, и это чувствовал в определённой степени каждый житель СССР.

Через несколько часов в деревню стали втягиваться наши части, вернее, то, что от них осталось после сражения.

На повозках везли раненых, легкораненые шли рядом, шокируя нас окровавленными бинтами на фоне пыльных гимнастёр. Колонна красноармейцев хоть и выглядела уставшей, но строй сохранялся.

В колонне в фуражках шли командиры, некоторые из них двигались на конях. Замыкала колонну пара лошадей, которая тащила пушку небольшого калибра на колёсах. По селу шли, молча, почти без остановок.

Остановились у колодца и стали запасаться колодезной водой. Набирали её во фляжки, ёмкости походной кухни, просто пили из ведра по очереди.

Женщины наши выносили им каравай хлеба, сало, корчаги с молоком. У каждой кто-то был на фронте, и женщины справедливо рассуждали, что кто-нибудь и её бойцу окажет такое же внимание.

Красноармейцы хоть и выглядели уставшими, но видно было, что боевой

дух у них не сломен. Некоторые даже посмеивались друг над другом. Приискакала на лошадях разведка и кратко что-то доложила командиру колонны. Поступила команда на дальнейшее движение, и защитные гимнастерки заколохались на улицах села. Через некоторое время солдаты прошли село и по развилке дорог направились в густой лес по левой дороге.

Мы, пацаны, сопровождали колонну, а когда наши углубились в лес, то остановились и долго глядели вслед красноармейцам...

Когда вернулись, увидели, что по селу громыхает танк, он зацепил один из сараев. Танк дёрнулся и на мгновение застыл на месте. В следующее мгновение водитель танка добавил газу, и машина вырвалась из цепких лап бревенчатого строения. Сарай слегка повело, но он устоял, и лишь курицы в нём всполошились от возмущения.

Танк рванул по деревенской безлюдной улице, обдавая выхлопом соседние хаты и доехал до деревенской площади. Из верхнего люка танка вылез танкист и, достав бинокль, долго смотрел куда-то вдаль. Потом посмотрел по сторонам уже без бинокля и довольный увиденным спрыгнул на землю. Слой дорожной пыли недовольно встрепенулся и постепенно успокоился.

На борту танка был нарисован чёрный с белыми обводами крест. Танкист был в чёрной форме и, одёрнув её, поправил ремни.

Так мы, жители белорусской деревни, впервые увидели немецких оккупантов вживую вблизи.

По-видимому, это был немецкий офицер. Он сделал несколько шагов и поманил к себе стоявших неподалёку мальчишек-подростков.

Тем временем из танка вылезли ещё два танкиста в такой же чёрной форме, но, судя по «богатству» формы, ниже по званию первого. Стали обследовать танк на предмет целостности. Было видно, что они устали, и пот на их лицах был тому подтверждением.

Стоял жаркий июль 1941 года.

У Петьки Мокашова, которому исполнилось пять лет, жизнь протекала как и раньше, за тем исключением, что после ухода отца на фронт досталось больше работы по домашнему хозяйству, да ещё и воду приходилось носить из колодца, подменяя старшего брата Николая.

Брат был на два года старше, и Петьке приходилось ему подчиняться. Мать горевала и с тяжёлым вздохом делала женскую и мужскую работу.

Такая участь коснулась всех в селе, и все одинаково испытывали тягости и лишения.

Шла война.

Колька хоть и звал Петьку «салагой», к брату относился уважительно. Вот и в тот момент Колька заслонил собой Петьку, который рассматривал приехавших немцев из-за спины брата.

Тем временем офицер более настойчиво поманил к себе пацанов и достал из боковой планшетки плитку шоколада. Разломив её на несколько частей, он стал предлагать шоколад подошедшим ребятишкам.

«Битте», — говорил он на своём непонятном языке и протягивал шоколад детям.

Колька тоже взял кусочек и, разломив его, дал брату. Петька стал есть шоколад и от удовольствия аж зажмурился. Вкусный был шоколад, очень вкусный.

Тем временем двое других танкистов тоже достали плитки шоколада и стали угощать подступивших ребят.

За танком прибыли две бронемашин, из них стали вылезать пехотинцы в форме мышинного цвета. Они разминали затёкшие от сидения ноги и весело направились к колодцу за водой.

Старший из пацанов, Федька Монич, подошёл к танку и стал трогать на-

гретое железо.

Таких машин они никогда не видели, поэтому робость уступила место любопытству и, глядя на него, другие ребята обступили танк.

Танкисты проявляли снисходительность, и пацаны, осмелев, даже залезли на танк.

Петька тоже не отставал от всех и через несколько минут был на самой башне танка. Азарт и эйфория охватили его.

Немцы весело смеялись и подбадривали ребятишек. Было забавно и для ребят и, похоже, для танкистов. Первый танкист, немецкий офицер, достал книжку и стал в ней что-то выискивать. Потом на ломаном русском языке стал выпрашивать у ребят, в каком классе они учатся, как учатся.

Особенно было смешно, когда офицер говорил с одобрением: «Карашо».

Ребятишки совсем осмелели и уже бесцеремонно трогали детали танка. Танкисты лишь одобрительно смеялись.

Офицер неожиданно задал ребятам вопрос: «Карашо, зольдате где шёл?» Петька с Николаем жили на окраине села и видели отступление наших солдат.

Петька, находясь на люке танка, был выше всех и стал показывать направление отхода. «Туда они пошли», — детская ручонка доверчиво замахала в сторону леса.

Танкист дал Петьке ещё кусочек шоколадки и ссадил его с танка. Офицер сразу посерьёзней и стал отгонять ребятишек от танка.

Головная машина взревела, за ней заработали две другие, и они рванули в направлении отхода наших. Поднявшаяся пыль постепенно улеглась, и лишь клубы пыли стояли там, где двигались три немецкие машины.

Вскоре они исчезли в дальнем лесу.

Колька в сердцах дал подзатыльник брату: «Трепач».

Через некоторое время в направлении исчезнувших машин послышалась беспорядочная винтовочная стрельба, пулемётные очереди и разрывы гранат. Несколько раз сработали несколько орудий, а потом работало, по всей вероятности, только одно.

Разрывы гранат говорили о том, что наши продолжают отчаянно сопротивляться, и неизвестно было, на чьей стороне победа.

Часа через два всё стихло, и только отзвуки законченной битвы дрожали на стенах деревенских домов. Спустя некоторое время оказалось, что это не только отзвуки.

На деревенских улицах появился танк, который тащил на буксире бронетранспортёр. Судьба другого бронетранспортёра, по всей вероятности, была решена в бою.

Немцы выглядели удручёнными и уставшими и проехали деревню без остановок.

Петька с Колькой смотрели на уходивших немцев по-ребячьи с любопытством, но близко не подходили.

Петька, глядя на немцев, вспомнил про шоколад, и его привкус вызвал в нём зависть к чему-то хорошему. Это чувство тяжёлым камнем осело в душе.

Он пошёл домой, и воспоминания о шоколаде постепенно стали исчезать, поглощаться хозяйственными делами и заботами.

После ухода отца мамка заставляла его кормить то кур, то гусей, то поросят. Вот и сейчас мать строго посмотрела на пришедших ребятишек и моментально распределила им наряды. Колька пошёл за водой к деревенскому колодцу, гремя ведрами, а Петька отправился кормить гусей со злющим гусаком, который всё время старался его ушипнуть. Приходилось ходить с хворостиной, предусмотрительно хранящуюся в сенцах.

Вооружившись хворостинкой, Петька смело понёс ведро с кормом к корыту. Гусак внимательно смотрел на него, при этом медленно вытягивал шею. Зная повадки гусака, парнишка отгреб его прутом по шее, чем охладил воинственный пыл нападавшего. Гусак загоготал и отлетел в сторону. Петька продолжал наотмашь бить птицу.

«Что, получил, гусиное отродье?», — победоносно взглянув на ретировавшегося гусака, Петька вывалил корм в корыто.

«Жрите», — сказал он вслух и пошёл за кормом для кур.

Мимо него стремительно пробежал Колька и, выйдя из калитки, двинулся по улице к окраине села. Это заинтересовало мальчишку и он, забыв про всё, пошёл следом. Брат зашёл в сарай, стоявший на отшибе. Подошли другие ребята. Петька заглянул в щель дверей сарая.

На соломе лежал раненый немец и что-то бормотал на своём языке. Вокруг были пятна крови. Через несколько минут раненый затих и безвольно уронил набок голову.

Пацаны подошли поближе и потрясли немца — тот не реагировал. По-видимому, он умер. Они стянули с немца сапоги. Те легко поддались, обнажив носки.

Сапоги были кованые, из хорошей кожи и нетяжёлые. Подковы окаймляли края подошвы. Сапоги были хоть куда, ещё не сильно изношенные.

Федька Монич забрал сапоги себе. Колька снял с немца ремни, а другие пацаны сняли какие-то награды.

Петька тоже вошёл в сарай и смотрел на умершего немца. Он вспомнил про своего отца, который воевал где-то, и ему стало нехорошо. Зачем он показывал немцам направление отхода наших солдат? Там тоже наверняка кого-то убили.

«Нет, не надо было показывать, куда ушли наши, надо было показать в другую сторону — тогда бы не было боя и все бы были целы». Петька впервые в жизни ощутил горечь случившегося и был этим подавлен.

«Ты чего тут делаешь? — Колька толкнул легонько брата и вопросительно посмотрел на него, — не вздумай мамке про это рассказать. Не расскажешь?».

Петька отрицательно потряс головой.

Вечером мальчик пришёл посмотреть на умершего немца. Тот от жары раздулся и по нему ползала мухота. Стало жалко умершего.

Что-то переломилось в паренёке, и он вдруг по-серьёзному подумал о своём проступке: «Зачем я сказал им, куда ушли красноармейцы? В следующий раз обязательно покажу в другую сторону».

Вернувшись домой, парень стал уговаривать Кольку похоронить немца. К удивлению, брат сразу согласился. На следующий день, накормив скотину и птицу, они взяли лопаты и огородами пошли к сараю. Верёвкой, которую предварительно захватил Колька, они утащили немца на край села и выкопали неглубокую могилу, туда столкнули труп и закидали землёй.

Зарывали, не обмолвившись и словом. Когда всё было закончено, Колька сделал из прутьев крестик. Воткнул в могилу, и они пошли огородами домой. Придя домой, они почувствовали некоторое удовлетворение, но про немца не вспоминали никогда. Даже пацанам ничего не сказали.

А впереди нас ждала немецкая оккупация, но уже без шоколадок и добрых немцев».

Прокопьевич закончил рассказ, и по нему было непонятно, что у него творилось в душе. Скорее всего, это было двойное чувство, когда воспоминания о детстве сопряжены с военными событиями.

Детство — на то оно и детство, чтобы в нём много было замечательного. Новизна первых соприкосновений с жизнью всегда оставляет в человеке полосу незабываемых впечатлений и эта частица — лепта в его судьбе. Умудрённый жизнью Прокопьевич умел подать рассказ и завершить его, чтобы он остался неизгладимым в душе окружающих его людей.

Артистизм бывает врождённым. Некоторые его совершенствуют в течение всей жизни, поэтому их выступления становятся яркими, запоминающимися. Таланты не всегда находят своё продолжение на профессиональном уровне, но они ярко выступают на жизненном фоне.

Так распорядилась судьба, и в этом нет драмы, а есть что-то, что выделяет этих людей и они становятся душой общества. В любой сфере общество не может существовать без души и составляющих её оттенков. Это вдохновляет людей.

Работа на проходке в шахте тяжёлая и травмоопасная. Вот почему Прокопьевич, чтобы поднять настроение на обеде своим хлопцам, как называл он членов своей бригады, был готов выступать в ущерб своему обеденному времени. Надо было взбодрить ребят, надо.

г. Осинники

Нина Бобрышева

Нина Фёдоровна Бобрышева родилась 13 марта 1943 года в Алтайском крае. Работала инженером-химиком в энергосистеме. Стихи начала писать в зрелом возрасте. Печаталась в коллективных сборниках поэтов города, в местных газетах. Много выступала с чтением своих стихов, исполняла песни на свои стихи, покоря аудиторию артистичностью и проникновенностью. Поэтический дар поэтессы проявился в её стихах для детей, баснях, лирике. Живёт в городе Прокопьевске.

Покоя не дают воспоминанья

Всё ты, куда ни брошу взгляд

«О, вопль женщин всех времён!
Мой милый, что тебе я сделала?»
М.И. Цветаева

Всё ты, куда ни брошу взгляд:
Вот твой подарок на запястье...
Напомнить о недолгом счастье
Мне стрелки резвые спешат.

Вот телефон. Он не звонит
Весёлым перезвоном прежним,
А как-то робко, безнадежно,
Как по усопшему скорбит.

Тобой покинута, одна,
Грустит рябина у окна.
Мне щедрая, литая гроздь
Сулит оранжевую горсть...

Вот между тонкими ветвями
Стекло блестит в оконной раме.
Его в вечерний час, смотри,
Ласкают всполохи зари.

Но в час, когда придёт гроза,
Слезой оконные глаза
Наполнятся. С печальных щёк
Рекою катится поток.

Моя щека суха пока,
И лишь слегка дрожит рука.
Держу в тоскующей руке
Цветок на тонком стебельке.

Над указательным перстом
Горит он маленьким костром!
И, кажется, совсем недавно
Сияла целая поляна!

Охалку огненных цветов
И жаркий шёпот нежных слов,
Сиянье глаз, объятья рук
Я не забыла. Милый друг,

Надеюсь от тебя в ответ
Услышать «да», но слышу «нет» —
В другую сторону билет.
И завтра канешь ты в рассвет.

Сомкнётся за спиной обман,
«Как сон, как утренний туман».
Мне остаётся, милый мой,
Вослед тебе взмахнуть рукой.

И утро каждое теперь
В тобой оставленную дверь
Тоскливым упираться взглядом
И жить, и знать: тебя нет рядом.

Ты снишься мне
Ты снишься мне, мой милый,
до сих пор,
Покоя не дают воспоминанья.
Я вижу тот на берегу костёр,
Что разожгли мы в первое свиданье.

Плескался в сонной речке лунный свет,
И плыл туман, и был прохладным вечер,
И было нам всего семнадцать лет,
И ты накинул мне пиджак на плечи.

Сверкала в небе ранняя звезда,
Кружила ночь в полях в безумном танце,
И мы совсем не думали тогда,
Что нам с тобою суждено расстаться.

Но встретиться уже не суждено,
Моя любовь осталась в жизни прошлой.
Так много лет прошло, но всё равно,
Ты самый лучший, самый ты хороший.

Из юности тебя хочу позвать
И ту звезду, что нас с тобой венчала,
И не во сне, а наяву обнять,
Разжечь костёр и всё начать сначала.

Заклинание
Мой дружочек, мой дружочек,
Возвратись хоть на денечек,
На мгновенье, на минутку
Ты ко мне всерьёз — не в шутку.

Возвратись из дальней дали,
Из тоски да из печали.
В день сегодняшний и в завтра
Возвращайся безвозвратно.

Протяни навстречу руки
Ты любви моей и муке,
Долгожданному свиданью
Ночью поздней, ранней ранью.

Знаю, что тебе непросто
Возвратиться через вёрсты,
Через время в год длиною,
Возвратись и будь со мною.

Навсегда из расставанья,
Из прощанья, из прощанья

Возвратись, мой друг далёкий,
Без тебя так одиноко.

Ворвётся в окна птичья трель
С озябших плеч пушистой шали
Ещё не смеют снять поля.
Под тонкой кружевной вуалью
Берёзки дремлют у плетня.

Ещё и сам плетень скрипучий
Стряхнуть не в силах тёплый плед.
Ползут лениво, хмурясь, тучи,
Желанный заслонив рассвет.

Сдавать весне зима-старуха
Не собирается права
И щедро сыплет белым пухом
На землю снег из рукава.

Но под прикрытием метели
В краю моём зиме назло
Уже с ресниц мохнатых ели
В сугроб роняют серебро.

И там, под шубой снеговой,
Недосягаем для лучей
Уже родился беспокойный,
Весёлый маленький ручей.

С сосулек звонких южный ветер
Срывает первую капель.
Ко мне однажды, на рассвете,
Ворвётся в окна птичья трель.

Вот и всё позади

Вот и всё позади!..
Стонет сердце в груди.
Только память хранит,
Как в полнеба горит
Над рекою закат.
Нас с тобой там уж нет!..
Не вернёмся назад,
В сумасшедший рассвет,
В тот, который сиял
Над притихшей землёй.
В тот, что пропастью стал
Между мной и тобой.
На свиданье, друг мой,
Ты уж не позовёшь
И руки — не подашь,
И ко мне — не придёшь.
Да и я — не приду,
Как в мечтах ни стремлюсь...
Ни в котором году
Я к тебе не вернусь.

И на берегу том,
Средь немых валунов,
Мы с тобою вдвоём
Не окажемся вновь.
Даже если на дно
Бросим мелочи горсть,
Нам с тобой не дано
Вместе быть — только врозь!
Телефонная нить
Между мной и тобой...
Если буду звонить,
Потерпи, дорогой.
Дай остыть мне, мой друг,
От тепла нежных рук,
Одиночества жуть
Отодвинуть чуть-чуть.
Час настанет, друг мой,
Отболею тобой
И порву эту нить —
Перестану звонить.

На висках седина серебрится

На висках седина искрится,
Тает в небе клин журавлиный...
Осень в окна мои стучится
Алой кистью озябшей рябины.

Стонет сердце, и мне, не скрою,
Гостью эту впускать не хочется,
Но, пожалуй, пойду открою,
Пусть разделит со мной одиночество.

Отогрею своим дыханьем
На ладонях рябины гроздь.
С нежеланною гостьей станем
Вспоминать вечерами молодость.

Ту, что песнею отзвенела,
Улетела вдаль с птичьей стаей...
Как бы я этого ни хотела,
Не догнать, не вернуть её — знаю.

Пусть однажды, порою вешней,
Журавлиный клин возвратится,
Моя молодость, моя песня
В дочерях моих повторится.

Письмо другу

Самый лучший, самый нежный,
От меня — да в зарубежье.
В безнадежье.

Может быть, мне всё приснилось?
Ты скажи, скажи на милость,
Что случилось?

Здесь чего недоставало?
Скажешь, счастья было мало.
Так и знала!

Что искать его по свету?
Хорошо там, где нас нету.
Знаешь это.

Будешь ты, пойми, отныне
Одиноким на чужбине.
Как в пустыне.

Знай, за далью синей-синей
Нашей матушки-России
Нет красивей.

Пишешь, что живёшь в достатке,
Спишь спокойно, пьёшь-ешь сладко.
Всё в порядке?

Фотография цветная,
Я в глазах твоих читаю —
Боль такая!

Как ты терпишь рану с солью?!
Как живёшь ты с этой болью?!
С нелюбовью?

Ты из памяти живучей
Прогони сомнений тучи.
Станет лучше.

Возвращайся в тёплый вечер,
Возвращайся в наши встречи.
Станет легче.

Нет. Назад в моё прощенье,
Слишком горд принять решение
К возвращенью.

Никогда из зарубежья
Не вернёшься к жизни прежней.
Нет надежды.

Я — навек с тобой прощаюсь.
Я — забыть тебя пытаюсь.
Зря стараюсь.

Скучно жить одной на свете

Я испечь велела маме
Вкусный торт с пятью свечами,
Будет пир у нас горой —
День рожденья нынче мой.

Хоть и лет мне только пять,
Не умею я читать.
Жаль, что нет пока братишки,
Я б ему читала книжки.

Мама! Ты не будь упряма,
Подари мне брата, мама,
Можно даже и сестрёнку,
Ну и что ж, что две девчонки?!

Я белее утюжить буду,
А сестрёнка мыть посуду...
Без сестрёнки и без брата
Жизнь проходит скучновато.

Не с кем мне играть в игрушки,
Настоящей нет подружки,
С взрослыми — не интересно, —
Это всем давно известно.

Пёс меня не понимает
На меня рычит и лает,

Не включается в игру,
Я поэтому реву.

Маме с папой говорю:
«Мультки смотреть люблю
И ещё «Спокойной ночи»,
Но одной-то скучно очень.

У Степашки и у Хрюшки
Есть друзья и есть подружки...
Вы, родители, поверьте,
Скучно жить одной на свете.

У меня родился брат

У меня родился брат,
Мама рада, папа рад,
Рада бабушка моя,
В общем, вся моя семья.

Но, признаться честно надо,
Больше всех я брату рада.
Было скучно жить одной,
Наконец, есть брат родной.

Научу его читать,
И писать, и рисовать.
С горки на санях зимой
Покатается со мной.

Обижать его не буду —
Вместе будем мыть посуду,
Пол в квартире подметать,
Маме с папой помогать.

А без папы и без мамы
Будем прыгать на диване —
Надо ж как-то развиваться
Мне и маленькому братцу.

Если захотим мы очень,
То с Алешкой поохочем.
Вот как весело вдвоём
Мы с Алешкой заживём!

Кто груши скушал?

Братьям Саше и Кирюше
На десерт купили груши,
Положили их в буфет,
Чтобы скушали в обед.

Заглянули через час —
Груш в буфете нет у нас.
Мы спросили у Кирюши:
«Ты, Кирюша, груши скушал?»

Мы сказали: «Подождем,
Обнаружим за столом.
Тот ответит на вопрос,
У кого краснеет нос».

Только мама точно знает
Цвета нос не поменяет.
Изменился цвет ушей
У обоих малышей.

Первый раз в первый класс

Я сегодня в первый раз
Собираюсь в первый класс.
Я сейчас для куклы Кати
Ленты выглажу и платье,
Куклу надо в школу взять,

Буду в куклы там играть.
И для Аллы, для подружки,
Я возьму с собой игрушки,
Чтоб моя подружка Алла
В школе тоже не скучала.
Из портфеля у братишки
На пол вытряхнула книжки,
Полежат пусть на полу.
Я потом их соберу.
Вместо книг кладу игрушки
Для себя и для подружки.
Тут совсем некстати прямо,
Дверь ко мне открыла мама,
В комнату вошла смеясь:
«В школу, дочка, собралась?!
Вот что я скажу, теперь
Книжки положи в портфель.
Не играют в школе в куклы,
В школе, дочка, учат буквы.
Ты пока что маловата».
Я вздохнула виновато:
«Я ведь, мама, в первый класс
Понарошку собралась,
В школу хочется пойти,
Надо срочно подрасти».

Я уже совсем большая

Я уже совсем большая,
По хозяйству помогаю,
Например, сама вчера
Пол в квартире подмела,
Навела такой порядок!
Только мамочка не рада,
Брови хмурит: «Почему в углу
Сор остался на полу?»
Отвечаю: «Ну и что ж!
Как ты, мама, не поймёшь?!
Подметать не так-то просто,
Если веник выше ростом».

Солнышко сгорело

С улицы пришла Алёна,
Заявила возбуждённо:
«Бабушка, смотри в окно,
Там на улице темно!
Если в окнах потемнело,
Значит, солнышко сгорело?».

Улыбаюсь я в ответ:
«Не сгорело солнце, нет —
Просто спряталось за тучку».
«Ах, — обрадовалась внучка, —
Значит, будем мы опять
В прятки с солнышком играть!».

Дверь на улицу открыла,
В темноту проговорила:
«Как на улице темно!
Солнце спряталось давно,
Раз, два, три, четыре, пять —
Солнышко иду искать!».

Автор Анна Доронская

Николай МИРОНОВ

Воевали... Не за медали...

Воинам СВО посвящается

Пробираясь сквозь толпу,
временами тесную,
Я услышал вдруг
как гром:
«Царствие небесное»...
Поражённый,
как боец,
я застыл навскидку,
Говорил то инвалид,
бросив
«инвалидку».
Он стоял,
коляску пнув,
в рост,
как на параде,
Обнимал одной рукой
парня,
что с наградой.
Разомкнув свои
объятия,
отпустил героя,
На груди того награды
вышли
целым строем.
Так они стояли двое,
а кругом ходили,
А они,
как двое в лодке,
что-то говорили.
Я услышал,
как один,
перекрыв
всех ропот,
Вдруг сказал:
«Осталось двое...
Двое в нашей роте.
Нам осталось... И потомкам...
Имя роты честное,
А погибшим, — он прервался, —
Царствие небесное».
А потом они ещё что-то говорили,
Вспоминали, как в разведку
по ночам ходили.
И в конце единодушно:
«Вся Европа — гнида»,
И звучал, как глас народа
голос инвалида:
«За оружие, хохол, сам...
ну вряд ли б взялся,
Тут, конечно, дядя Сэм
очень постарался.
Вновь стравили всех славян,
натянули нервы,
Доллары воюют, фунты,
а с Европы евро.
Что ж, такое не впервой,
били их и раньше,
Чтоб они все задохнулись
от своей же фальши».
Они снова обнялись,
инвалид сел в «тачку»,
А потом достал с кармашка,
видимо, заначку.
«На, дружище, помяни», —
протянул чекушку
И достал с кармашка цепко
небольшую кружку.
Я стоял, мне предложили,
предложение честное,
И сорвалось с моих уст:
«Царствие небесное».

Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился в 1955 году в Киргизии. В 1972-м окончил школу, рабочий. Участник боевых действий в Афганистане. В 2006-м переехал в Новокузнецк. До 2016 года работал в «Водоканале» слесарем-инструментальщиком. Литературным творчеством занимается давно. Пишет стихи и прозу, но публиковаться начал с 2018 года в АХГ «Устьтская россыпь».

Завтра непременно наступит

Осталось всего полчаса до рассвета, который, не жалея, стирает границы чёрного цвета. Дрожа, расплываются хрупкие тени домов и деревьев. Осеннее небо, бездонный колодец, торопливо гасило звёзд фонари у самого края, над горизонтом, над сонной рекой, в которую, как в зеркало, смотрелось звёздное небо. Вспыхнула яркая искра и сорвалась с неба, кометой в реку упала и погасла свечою. У берега вдруг встрепетнулись плакучие ивы, ветвями воды посветлевшей коснулись. И птицы проснулись, испуганно в небо взлетели. Звезда угасала на дне, на песчаной постели. Случайное облако, над рекой пролетая, пролилось дождём, похожим на женские слезы. Кого-то не стало... Из раны по капельке кровь на землю сочила. Горячий свинец беззащитного сердца коснулся. И воин, идущий в атаку, споткнулся. Упал и прижался к земле, как к груди материнской, в надежде найти здесь спасенье. Жизнь на войне, прискорбно, всего лишь мгновение. Никто не вернёт матери сына и дочке любимой отца, что дарил ей подарки, и был для жены тем единственным самым. И всё же кому-то дожить до рассвета. И долг оплатить для него не пустая условность. Нам дарит надежду, что завтра для нас непременно наступит!

Задержать любой ценой

Дорога змеей извивалась по кособогу. По ней двигался бесчисленный поток отступающих войск, в большинстве пехоты — царицы полей, дождей, снега и грязи. Всё это всё в любое время года. Для неё транспорта не предусмотрено. Это танкисты всегда под крышей, им ни дождь, ни снег ни по чём, и шофёры относятся к их категории. Крути себе баранку, и не думай ни о чём. Впрочем, среди двигающейся массы отступающих были и шофера, и танкисты, по ряду обстоятельств потерявшие свой «личный» транспорт. Ничего не поделаешь — война. И ты здесь не у тёщи на блинах, как говорят, и в любую минуту можешь отведать не хлеба с маслом, а свинцовой неперевариваемой каши.

«Подтянись!», — командует капитан Подопригра.

Фамилия капитана соответствовала его внешности: рост под два метра, плечи как у циркового борца. На городском тротуаре с ним не разминёшься, придётся уступать дорогу. Рядом с ним политрук, старший лейтенант Ройзман, небольшого роста, тшедушный, с массой заболеваний, за что его комиссовали ещё в начале войны, но с твёрдым характером коммуниста со стажем он добился возможности послужить Родине.

«Третий день без отдыха и еды, необходимо что-то делать! Всеу есть предел», — политрук в который раз взглянул на измотанных красноармейцев.

— Ты что предлагаешь, товарищ Ройзман, остановить движение и объявить привал? Немцы идут по пятам. Представляешь последствия? Приказ командования — двигаться к узловой железнодорожной станции. Радуйся тому, что авиация немцев оставила нас в покое.

«Накаркал, товарищ капитан», — политрук в больших роговых очках всматривался в хвост отступающей колонны. Прижимаясь к земле, к ним быстро приближалась пара мессеров.

— Ло-ожи-ис!

Повторять не пришлось. Нестройные, разномастные ряды отступающих рассыпались на земле словно горох из порванного мешка. А прятаться, собственно, было негде: Поле ровное, как

стол, ни оврага тебе, ни кустика. Невольно был визит фашистов. А те, в край обнаглев, стали методично расстреливать припавших к земле солдат.

Мессеры, развернувшись, принялись за своё кровавое дело. Откуда ни возьмись, им наперерез выскочил наш И-16 и с лету разрядил пулемёты в ближайшего врага. Фактор внезапности сыграл на пользу. Обильно дымя, завалившись на крыло, подбитый фашистский самолёт медленно потянулся на запад. Но внутри машины рвануло так, что он развалился на куски и рухнул на краю поля.

«Ура!!!», — пронеслось над полем.

В это время пилот второго мессера пришёл в себя от ступора и атаковал наш И-16. Скорость советского истребителя была наполовину ниже. Слабенький мотор был посажен на деревянный каркас, обшитый фанерой и облицованный перкалевой тканью. Да и вооружение оставляло желать лучшего. Если учесть, что за штурвалом мессера сидел далеко не новобранец, у нашего И-16 не было шансов на победу. В небе над онемевшими бойцами закрутилась смертельная карусель. Озверевший мессер непрерывно атаковал. И-16 с трудом уходил от пушечно-пулемётных очередей, то падая в пике, то свечкой уходя вверх. Мессершмитд-110 превосходил нашего «ишачка», как ласково называли наши летчики И-16, и в скорости, и в вооружении.

Припадая почти к самой земле, И-16 резко сбросил скорость. Немец из-за мощности своего мотора не смог технически, грубо говоря, затормозить. Когда он пролетал над И-16, пилот «ишачка» резко взял штурвал на себя, протаранив противника. Истребители взорвались. Два огненных шара взметнулись над отступающими и, прочертив дугу, рухнули у кромки леса. Советский лётчик, пожертвовав собой, дал возможность сохранить боеспособность ротам капитана Подопригра.

Политрук крикнул: «Телега с ранеными!». Кони, испугавшись пулемётных очередей, резко рванули в сторону, залетели в развороченную танками колею и, оборвав упряжь, ошалело понеслись по полю. Переднее левое колесо потеряло

свою округлость из-за того, что несколько спиц было выбито от удара.

Капитан бросился наперерез обезумевшим животным и повис на них. Вскрещивая, лошади остановились, дико поводя глазами. Подоспели на помощь солдаты и, освободив телегу, подняли её переднюю часть, выбив шкворень, сняли разбитое колесо. Среди солдат нашлись мастеровые, которые занялись починкой колеса. Через полчаса починенная телега заняла своё место в отступающей колонне по направлению к железнодорожной станции.

Грохот орудий, доносившийся с запада, становился всё ближе и ближе. Машина войны катила без остановки, сминающая и сжигая всё на своём пути.

«Подтянись!», — торопил капитан бойцов, реально понимая, что вверенное ему подразделение не готово сейчас к боевым действиям.

Бойцы, измотанные до основания, проходя мимо горевшего И-16, на минуту приостановились, отдавая честь герою.

Наконец показалась станция. Опытным глазом капитан отметил наличие нескольких зенитных установок и спешную подготовку к отражению атаки наступающего врага. Несколько Т-34, повернув башни с орудиями назад, сталкивали горящие товарные вагоны с железнодорожного полотна и оттаскивали их в сторону, освобождая пути для вновь прибывающих составов. Немецкие самолёты успели похозяйничать и тут.

В тупик поставили состав с красными крестами на бортах. К нему устремились несколько санитарных машин и с десяток конских телег с ранеными. Из прибывшего товарняка выгружалось свежее пополнение.

Отдав приказ ротам «Привал!», Подопригра поспешил с политруком к зданию вокзала, где расположился временный штаб. Проверив документы, часовые пропустили их внутрь здания. Навстречу им спешили солдаты с коробками в руках. Вокзал был похож на возбуждённый пчелиный улей. Всем было понятно, что немцы рвались к железнодорожной станции как к лакомому пирогу.

В малом зале с двумя, наполовину за-

ложенными мешками с песком большими окнами, сидело десятка два офицеров разных родов войск. У стены на переносной школьной доске висела карта, исчерченная красными и чёрными стрелами. Чёрных было большинство, и генерал Рокотов часто вставлял матерные слова в свою речь, выражал недовольство происходящим. Капитан в растерянности стоял у дверей. За ним затаился Ройзман. Наконец на глаза генерала попал стоящий по стойке смирно Подопригра.

— Кто такой, почему без доклада? Полковник Белоносов, что за бардак, почему посторонние в помещении?

— Вы приказали немедленно доставить по прибытии капитана Подопригра, я предупредил часовых и дежурного.

— Понятно, проходи, капитан. Я что-то сразу тебя не узнал. Ты вроде стал шире в плечах и выше ростом. Мы ждали прибытие твоих рот ещё вчера.

— С трудом вышли из окружения, потеряли больше половины бойцов и артиллерию.

— Капитан, года три назад ты был, вроде, полковником?

— Долгая история, товарищ генерал, хорошо, что не расстреляли как врага народа по ложному доносу. Спасло то, что в Финскую кампанию за проведение одной из операций был замечен и отмечен самим верховным.

«А то не стоять бы сейчас рядом со старым сослуживцем, тогда ещё полковником Рокотовым», — пронеслось в голове капитана.

«Мой старый боевой товарищ, — генерал представил его офицерам. — А сейчас вернёмся к нашим делам, капитан, доложите конкретно о наличии ваших боеспособных единицах».

«Осталось всего четыре роты, и то неполный комплект. Как я уже докладывал, артиллерийского вооружения не осталось вообще, — капитан тихо добавил, — к сожалению. Бойцы измотаны до основания. Боеприпасы на нуле, третьи сутки без еды».

«Да, я рассчитывал на большее. Ну что ж, будем исходить из того, что есть в наличии. Перед нами командование поставлена первоочередная задача: во что

бы то ни стало погрузить и сохранить состав со станками, демонтированными с областного машзавода, и без потерь отправить в тыл, на Урал. И вслед за ним отправится санитарный состав. Ещё раз повторяю, главное — отправить станки. Кстати, что там с погрузкой, майор?», — обратился генерал к офицеру в возрасте.

«Осталось восемь станков. Через полчаса можно отправлять!», — отпортовал майор.

«В нашем распоряжении не более пяти часов. Фашиста необходимо задержать любой ценой, всеми доступными средствами. А сейчас прошу вас доложить мне, что мы можем противопоставить врагу?», — генерал посмотрел на сидящих офицеров.

Солнце стояло в зените. Наступило время обеда. Бойцы с жадностью ели тушёнку, выданную комендантом вокзала. Для походной кухни и каш не было времени. С западной стороны слышался нарастающий грохот сражения.

Кое-как укомплектованные вновь прибывшим необстрелянным пополнением роты не внушали капитану Подопригоре уверенности в предстоящем бою. Утешало то, что основной костяк был из побывавших в бою бойцов, есть на кого равняться. Войска поспешно выдвинулись от станции по направлению к противнику, примерно на десяток километров, и у самой кромки леса стали окапываться.

Впереди лежало поле с нескошенной пшеницей, измятой гусеницами танков, колёсами телег, машин и сапогами отступающих солдат. Кто-то в этом районе на

зиму останется без хлеба. По всей видимости, и не только в этом. Капитан тяжело вздохнул, вспомнил свою семью. Как они там?

Через час окопы были почти готовы. Патроны и снаряды были выданы не в том количестве, которое было необходимо для предстоящей военной операции.

«Будем довольствоваться тем, что есть в наличии», — подумал Подопригора.

Наблюдая за противоположной стороной в бинокль, капитан заметил колонну мотоциклистов и за ними в отдалении бронетехнику врага. Фашистская мотопехота выжидала, осматривая окрестности. Это в начале войны они шли парадным шагом, но сейчас, получив по зубам, резко сбавили свой пыл.

«Что-то многовато их, придётся нам попотеть, товарищ капитан», — прошептал старший лейтенант Ройзман, как будто его могли услышать немцы.

«А нам не привыкать, — капитан хлопнул политрука по плечу, — так что давай, дуй к миномётчикам, и предупреди их: открывать огонь по моей команде».

Семью Ройзмана расстреляли ещё в начале войны на территории Белоруссии вместе с другими евреями, не успевшими эвакуироваться. Об этом он не знал и никогда не узнает, так как погибнет на поле боя вместе с капитаном Подопригора и бойцами у этой железнодорожной станции, о которой раньше даже не слышал и не имел ни малейшего представления, где она находится. Бывший учитель, он разбирался в людях и мог найти подход к каждому бойцу добрым словом и не да-

вить на собеседника параграфом военного времени.

Мотоциклисты, растянувшись в линию, двинулись к станции. За ними клином двинулась бронетехника. У подбитого самолёта с крестами они застопорили ход, осматривая и что-то обсуждая.

Капитан резко подал рукой сигнал миномётчикам. Через полчаса от мотоциклистов осталась только груда горящего железа. Мины не представляли особой опасности для танков, но пушки-сорокаты при стрельбе прямой наводкой быстро заставили разуться два первых танка. Бронбойные ружья били без умолку и среди ружейно-пулемётной стрельбы были хорошо слышны своим раскатыстым басом. Вспыхнула ещё пара танков. Позиция капитана также была подвергнута обстрелам почти в упор из пушек и пулемётов быстро приближающихся немецких танков. Из окопов им навстречу полетели гранаты.

Старший лейтенант Ройзман, схватив пару гранат, выскочил наперерез стальной громадине. Прежде чем его срезала пулемётная очередь, он метнул гранаты под гусеницы. Политрук не увидел того, как танк дёрнулся, теряя гусеницу, закрутился на месте, подставив моторный отсек снаряду сорокаты.

Встретив упорное сопротивление, фашисты утратили начальный боевой пыл. И тут в небе появились юнкеры. Бомбы рвались справа и слева, превращая линию окопов в сплошные воронки. Артиллерийские и миномётные батареи были уничтожены напрочь. Решив, что оборо-

на русских сломлена, самолёты направились в сторону станции. К этому времени эшелон со станками был уже далеко. За ним, не отставая, шёл санитарный поезд, следуя на Урал.

Капитан с трудом встал из заваленного окопа, отряхнулся, огляделся. Кое-где яростно огрызались наши позиции. Танки, переждав бомбёжку, на полном ходу спешили к окопам. Одна вражеская громадина закрутилась на месте.

Лихорадочно разгребая руками землю, капитан искал засыпанный ящик с гранатами. А вот и он! Подняв его перед собой, он сорвал с одной гранаты кольцо и бросился под танк. Мощный взрыв вырвал гусеницы вместе с катками, разбросав их в стороны, от детонации взорвались снаряды внутри. Сорванная башня упала рядом с окопом.

Танки резко приостановили движение. Такого отпора они не ожидали. Невзирая на строгий приказ, повернули назад. Небольшая горста выживших бойцов медленно отступила в гущу леса. Над окопами нависла тишина. Смачно дымя, горели подбитые танки.

На железнодорожной станции было пусто. Через раскрытые настежь двери вокзала была видна школьная доска без карты, большой стол, за которым недавно сидел капитан Подопригора рядом с генералом, птицами летали брошенные листы бумаги, подхваченные сквозняком. Солнце неторопливо катилось к горизонту. Догорал последний день августа 1941 года.

29. 12. 2025 г.

Выбирать не приходилось

День торопливо катился к закату, казалось, что ему не хочется взирать на то, что совершается на земле.

Пулемётные очереди беспорядочно прошивали лесополосу. Целых деревьев почти не осталось. Из земли торчали искореженные снарядами и осколками стволы сосен. Когда-то высокие, с густыми кронами на верхушках, они стояли здесь, в тишине, стройными рядами.

В небольших низинах, где было больше влаги, скромно ютились плакучие ивы. До военных действий их пышные косы шевелились при малейшем колебании воздуха и в жаркий день приглашали путника в тень отдохнуть. После дождя осторожные грибы выглядывали из-под опавшей хвои, стараясь не попадаться на глаза грибникам.

А сейчас лесополоса, измолоченная гусеницами танков, была безжалостно втоптана в землю, похожую на ржаво-серый пепел, непригодный для жизни.

Внезапно грохот прекратился, и наступила непривычная тишина. Среди обломков деревьев, где раньше хозяйничали соловьи, иволги и обитала кукушка-счетовод, щедро отсчитывающая путникам годы жизни, стало совсем мрачно и неуютно. Посреди полосы, рядом с муравьиной кучей, спрятался небольшой куст рябины, хрупкие веточки которой были

облеплены ярко-красными ягодами.

Невыносимо хотелось пить. Вода закончилась ещё вчера. От жажды потрескались губы. Пожевал сосновую хвою, она горечью забила рот. Переборов невыносимую боль в боку, Чибис неуклюже подполз к кусту рябины и жадно хватанул ртом несколько сочных горьковатых ягод. Вода была где-то там, в небольшой речушке, на левом фланге в каких-то пятнадцати километрах. Почти рядом, если ехать на БМП. А с дыркой в боку и через сплошные минные поля — это почти недостижимо. Зубы торопливо пережёвывали терпкие ягоды рябины. Сок, похожий на капельки крови, стекал с уголков рта по подбородку, по шее — на грудь, где билось усталое сердце.

Чибис на мгновение потерял сознание. Очнулся от голосов...

В памяти Чибиса пронёсся весь день с самого утра. Выход на оперативный простор с самого начала не залался. Дроны всушников с восхода пасли каждый метр этого простора, атакуя любое движение на земле.

«Рештак в глотку операторам и в глаза по пятаку, — ругнулся старший группы Шахтёр, — головы поднять не дадут!».

На правом фланге десантура пришла на помощь, создав видимость атаки. Дро-

ны, как по команде, метнулись в сторону десантников.

«Спасибо, братцы, — сказал старшой, — теперь наш выход. Движемся по зелёнке. До посёлка не очень далеко, всего три локтя по карте».

«Лучше на перехватчике», — пробурчал Шпала, выскочив из укрытия.

Уши ловили каждый шорох, отделяя хруст ветки, шорох от ветра, от стрекота дрона. От дерева к дереву короткими перебежками почти пересекли зелёнку. Осенняя пора сделала лесополосу почти прозрачной. Видимость: пятьдесят на пятьдесят. По дороге наткнулись на нору. Бандеровцы даже охранение не выставили. Не ждали «гостей» укрупы, расслабились. «Здороваться» было некогда, просто забросали нору гранатами. Зря, конечно. Нашумели и обнаружили себя. Вышли на край лесополосы, дальше до самого посёлка — поле, исковерканное воронками. Не факт, что «чистое», без минных ловушек.

Конечно, ночью безопаснее, но это «но», которое называется мины. А их вокруг — как грязи. Днём всё же есть шанс заметить «сюрприз» до, а не после того, как на него наступишь. Но в светлое время суток ты сам становишься мишенью для бандеровцев, и тогда, кто первый выстрелит, тот и продолжает дышать разо-

ном. Дилемма: днём или ночью; мина или снайпер... Выбирать нам.

Выбирать не приходилось, нужно было срочно эвакуировать раненого танкиста, что укрылся в подвале одного из домов в посёлке.

К заданной точке прибыли поздно. Целые улицы полуразрушенных хат предстали перед глазами. Осторожно обходили строения, караулясь от вездесущих беспилотников. Один дом — пусто. Во втором — никого. Шаг за шагом, короткими перебежками обследовали они несколько домов.

Из-за угла сарая лоб в лоб на них выскочили всушники. От неожиданности противник замешкался, этого времени хватило забросать его гранатами и укрыться в соседней хате. Короткий жестокий бой. Силы были не равны, и бандеровцы вскоре стали явными лидерами. Вокруг разрушенного дома дикими осами закружили вражеские дроны. Один влетел через крышу. Раздался взрыв и повалил густой дым.

Из двух зол пришлось выбирать не самое лучшее. Или быть сожжёнными дронами, или стореть самим по доброй воле в подорванном ими же доме. Едкий дым лез в глаза и гортань. Эх, жаль, что противогазами не запаслись. Переползли к одной из внутренних стен, с

парой разбитых окон, через которые дым сдувало сквозняком.

Бандеровцы для полной уверенности запустили ещё пару дронов в выбитую дверь. От взрывов с потолка посыпались штукатурка и куски дерева. Рядом разлетелось в щепы столовую мебель. Холодильник подпрыгнул и рухнул на Чибиса. Успел подумать: «Ну всё, приплыли», — и потерял сознание. Очнулся оттого, что его за шиворот тащили по камням. Шахтёр и Шпала, контрактники из Кузбасса, широченные в плечах, эвакуировали его за «шкурку» из горящего дома.

— Але! Кончай сачковать, мы что тебе, такси, братан? О! Оклемаля! Дальше топай на своих двоих.

В голове у Чибиса гудело. Было такое ощущение, что после зарплаты и продолжительного боюна его заставляли собираться на работу в ночную смену.

«Ну и рожа у тебя, Шарапов, — хохотнул Шпала, глянув на Чибиса, — да и у тебя, Шахтёр, не лучше. Ну прямо Алон Делон с обложки «Плэй Боя». Все мы как братья-близнецы. Ух ты! Ах ты! Ну прямо из шахты».

Старшой недовольно хмыкнул: «Кончай трепаться, пора заняться делом!».

Дом, жадно объятый пламенем, разносил дым по округе. Бандеровцы, уверенные, что добились ребят дронами, от-

правились дальше.

— Давай на четырёх опорах по огородам к зданию школы. Куда же подевался наш танкист? Беспилотник передал этот квадрат. Машина вроде здесь, так что далеко уйти не мог.

И действительно, за школой, пригнувшись к бетонному забору, дымился наш Т-72-М. Бандеровцы подловили его у перекрёстка улиц, щедро исковыряв броню РПГшными и ПТУРАми. Из экипажа остался один командир, позывной Гусар, вся грудь в наградах. Четвёртый год несёт ратную службу. Таких уважают и сослуживцы, и командование.

Короткими перебежками обошли танк. Решили прозондировать ближайшие дома. Сворачивая за угол хозяйственных построек, Шпала заметил: в одном из разбитых окон кто-то осторожно машет рукой. Вернулись, подползли, затаились: «Не бандеровская ли замануха?».

Шпала снял пулемёт с предохранителя: «Шахтёр, проверю, прикройте, если что».

Несмотря на свои габариты, он довольно легко нырнул в проём выбитого окна. Да, это был танкист. Местные жители спрятали его в подвале своего дома, перебинтовали ногу и ждали, уже теряя надежду, помощи от наших.

Шпала, как младенца, на руках вынес танкиста из полуразрушенного дома.

— Ну что, бойцы, вперёд и с песней!

Местные отказались уходить: «У нас тут семьи. На кого мы их оставим? Не мешкайте, в округе полным-полно бандеровцев. Не дай Бог, нарвётесь».

И словно в подтверждение их слов со стороны школьного здания раздались автоматные очереди.

— Уходим.

Шахтёр со Шпалой, подхватив танкиста, рванули по огородам, лавируя между яблонями. Остановились на мгновение отдохнуть и осмотреться. Дрон неприятеля недовольно прожужжал в стороне, потеряв их из виду, устремился к окраине. У горевшей хаты остановилась группа противника. Пара бандеровцев отделилась и обследовала сады. Осторожно они подходили всё ближе и ближе.

— Промедление смерти подобно. Уходим.

Шпала приготовил РПК к бою. Но без Шпалы танкиста не вынести. Чибис не обладал такой физической возможностью, как он, да и нога, повреждённая холодильником, давала о себе знать.

«Меньше трёпа, больше дела, остаюсь я, — промолвил он, — пожалуйста пулемёт, сэр, постараюсь вернуть в целостности и сохранности».

Шпала вопросительно взглянул на Шахтёра.

«Пулемёт придётся отдать, не будь жмотом, — и Чибису, — постарайся догнать нас».

Через мгновение они исчезли из виду. Бандеровцы не заставили себя ждать. Подпустив поближе, Чибис длинной очередью уложил их. Увидел атакующий дрон, резко прыгнул в воронку и почувствовал боль в боку.

«Шахтёр и Шпала с танкистом уже далеко», — удовлетворённо подумал Чибис.

Хотелось пить. Ягоды рябины немного утолили жажду. Ползти дальше не было сил. Он видел, что, услышав выстрелы, бандеровцы кинулись врассыпную, потом двинулись в его сторону и стали окружать.

Выплюнув последний патрон, пулемёт замолк. Кольцо врагов сужалось.

«Ну вот и всё. Пора...». От взрыва гранаты куст рябины встрепетул. На лежащего посыпались листья и ягоды. Со стороны показалось бы, что усталый путник прилёг отдохнуть от дальней дороги.

А там, далеко в Сибири, у окна сидела его пятилетняя дочка с куклой на руках, его подарком, и надеялась, что вот-вот откроется калитка к дому и папка войдёт с улыбкой и помашет ей рукой.

20 ноября 2025г.

Служить Отечеству непросто

Пьеса в стихах

Действующие лица:

пехотинцы Сидоркин, Петров, Дубовец, Афонин; штабс-ротмистр Проскурин.

Действие первое

Сентябрь 1812 года.

Пехотинцы в окопе

ПЕТРОВ — Сидоркину:

«Что, воин браво, приуныл?».

СИДОРКИН: «Служить Отечеству непросто.

Сей бой немного утомил,

Потрачено немало сил.

Задам тебе один вопрос:

Дожил я до седых волос,

Что человеку не хватает?

Он во злобе отнять желает

У ближнего надел и кров».

ПЕТРОВ: «Пока ответить не готов.

Так изначально повелось,

Приходит к нам заморский гость».

АФОНИН: «Мой дед о том же говорил:

Нам немец издавна грозил,

Но Невский князь им дал понять,

Как с крестоносцем воевать».

АФОНИН: «Сражался прадед мой с

ордой.

Вернулся раненый домой.

Монголам спуска не давал

И нам, потомкам, завещал:

«В бою Отчизну прославлять,

Врагу пощады не давать,

Не отступать, а наступать».

ПЕТРОВ: «Сейчас пока наоборот,

Француз нам спуска не даёт.

Плянь, до Москвы рукой подать.

Ну, хоть убей, мне не понять,

Пошто Москву врагам отдашь?».

ДУБОВЕЦ: «Француз коварен и силен,

Хитёр, как змий, Наполеон».

ПЕТРОВ: «Пойми, наш батюшка

Кутузов

Умом и мудростью не хуже.

У наших войск сил маловато...

Да не хандрите вы, ребята,

Походу, наши генералы

В расчётах что-то просчитали.

Куда же дале отступать?».

АФОНИН: «Нам не дано об этом знать.

Его святейшество Кутузов

Найдёт управу на французов,

Ему я в этом доверяю,

И вскорости мы всё узнаем —

Восторжествует. Русский штык

Быть посрамлённым не привык.

И наша, рекрутов, задача

Приказы свыше исполнять.

Иначе

Нам век удачи не видать».

ПЕТРОВ: «Француз трапезничает

нынче,

Дал передышки нам чуток.

Ну, дайте хлеба кто кусок,

Есть ли ржаной у нас в наличии?».

ДУБОВЕЦ: «Да, пожевать бы не мешало.

Но жаль, Демьяныча не стало,

Он всегда запас имел,

В деревню к детям так хотел...

Но не успел.

Вчера в бою сражён шрапнелью.

О том, признаться, сожалею,

Он мой земляк и лучший друг».

СИДОРКИН: «Нам остаётся на досуге

Водой лишь голод утолить,

Ну и мушкеты зарядить.

Француз опять вот-вот пойдёт».

ПЕТРОВ встаёт: «Их благородие идёт».

Штабс-ротмистр Проскурин подходит к

пехотинцам. Они приветствуют офицера:

«Здравия желаем, Ваш благородие!».

ПРОСКУРИН: «А ну, погодь.

Штыки до полу опустите,

Не суетитесь.

Мой ординарец вслед за мной

Идёт с котомками, с едой.

Вы на досуге подкрепитесь,

Нам предстоит тяжёлый бой».

ПЕТРОВ: «Што станет с матушкой

Москвой?».

ПРОСКУРИН: «Не беспокойся,

рядовой.

Созвал Кутузов на совет.

Мы ждём ответ:

Москву оставить или нет?».

Появляется ординарец с двумя большими

корзинами с едой:

«С едой не мешкать, ждём приказ,

Взять пули, порох про запас.

Я тут, в окопе, буду рядом.

Там в корзине самосад,

Порадуйте, родные, душу.

И будем уповать на лучшее!».

Пехотинцы приступили к еде.

Послышалась нарастающая ружейная

стрельба и крики наступающих французов.

ДУБОВЕЦ: «Поесть не дали басурманы.

Что осталось, прячь в карманы,

Будем живы, доедим.

Москву врагу не отдадим!».

По окопам прошла команда:

«Приготовиться к атаке!».

СИДОРКИН: «Ура-а-а! За батюшку царя!

Погибнем если, то не зря!».

Пехотинцы во главе со штабс-ротмистром

со штыками наперевес пошли в атаку.

Действие второе

Пехотинцы сидят на земле в осеннем

берёзовом лесу. Их взоры обращены на

горящую Москву.

ПЕТРОВ: «Так жаль, не сберегли

столицу.

Есть повод с горя нам напиться,

Но медовухи нет у нас».

АФОНИН: «Зато исполнили приказ

Оставить прежние позиции

И ночью скрытно удалиться,

Врагу отдав пустой редут».

СИДОРКИН: «Француз в Москве, а мы

вот тут».

ПЕТРОВ: «Их благородиям виднее».

СИДОРКИН: «Сей шаг совсем не

разумно,

Там наших столько полегло...».

ПЕТРОВ: «Французов более того».

СИДОРКИН: «Позиции не удержали,

Как трупы подлые бежали».

АФОНИН:

«Ты палку явно перегнул.

Из нас там каждый, брат, хлебнул

С избытком лиха выше крыши».

ДУБОВЕЦ: «Смотри, их благородие

услышит

И будет этому не рад».

ПЕТРОВ: «Давай, покурим самосад

И что осталось, поедим,

Что будет дальше, поглядим».

Действие третье

Пехотинцы идут по дороге строем.

СИДОРКИН: «Идём, идём, дороге нет

конца.

Москва горит там, где-то за спиной.

Темно, хоть выколи глаза».

АФОНИН: «Иди, не отставай, за мной».

ПЕТРОВ: «Тебе, мой друг, хочу сказать:

«Наука тоже отступать.

Куда идти, не спросят нас.

Таков приказ.

Артиллеристы впереди,

А конница, там, позади,

Все по порядку, так и нало.

Штабс-ротмистр здесь, где-то рядом.

Без паники, так быть должно,

И рассуждать нам не дано.

Умнее всех быть не старайся,

Иди вперёд, не спотыкайся.

Вон, впереди, во тьме село».

СИДОРКИН: «Как называется оно?».

Отвечают хором: «Бородино».

СИДОРКИН: «Вот не было печали.

Орлы, что здесь мы потеряли?».

Действие четвертое

Пехотинцы сидят на краю окопа. Дубовец

перевязывает голову Петрову. Слышится

ржание коней. Ружейной стрельбы не слышно совсем. Над окопом плывёт дым.

СИДОРКИН радостно:

«Шум, гам летит со всех сторон...
Ура!
Разбит Наполеон!
Мне кажется, что это сон.
Есть повод, земляки, напиться.
Штабс-ротмистр наш раздобылся,
Позволит каши пожевать,
И нам по стопочке подать.
Его здесь что-то не видать».

АФОНИН: «Он ранен тяжело в бою.
Ядро с ним рядом разорвалось,
Бежал за ним, и мне досталось.
Мне показалось —
Темно в глазах, и я в раю.
Встал, от землицы отряхнулся
И как бы заново проснулся.
Он предо мною недвижим.
Тут наклонился я над ним,
А он живой, но еле дышит.
Кричу, быть может, кто услышит.
Никола-фельдшер подоспел.
Гляжу и, право, оробел,

Не чувствую ни рук, ни ног.
Всевышний, видимо, помог.
Боль в голове невыносимая,
Беда прошла, не тронув, мимо.
Слегка контузило, пройдёт.
Отчизна наша, наш оплот,
Она врагу не покорилась,
С нечистой силою сразилась».
ПЕТРОВ: «Разбит француз и в пух, и в прах!
Всевышний там, на небесах,
За правду нам помог вступиться,
С Наполеоном тут сразиться.

Его сиятельство Кутузов
Разгром предначертал французам».
СИДОРКИН: «Он благодетель наш,
герой,
Мы за него стоим горой.
О нём потомки не забудут.
Наполеона, как Иуду,
С презреньем будут вспоминать».
ДУБОВЕЦ: «А нам не стоит унывать.
Не запятнав себя позором,
Давайте вместе, дружно, хором
Отчизне выкрикнем: «УРА!».

30 октября 2025г.

По жизни выбор есть всегда

Действующие лица: корнет Шувалов, граф Бестужев, врач Климов, секунданты Сомов и Прохоров.

Действие первое

СОМОВ:

«Итак, прошу вас, господа,
Немедля подойти сюда.
Открывает коробку с пистолетами.
Необходимо нам решить
Как быть:
Прощая, мирно разойтись
Или у линии сойтись,
Судьбу доверив пистолетам».

БЕСТУЖЕВ:

«Иссякло у меня терпение.
Простить?
И на себя навлечь позор?
А что касаясь меня, достойно, сударь,
уважения. До этих пор
Никто не заслужил прощения».

ПРОХОРОВ

Обращается к корнету:
«А вам есть, сударь, что сказать?».

ШУВАЛОВ:

«Нет смысла в этом разговоре.
Мы возвращаемся опять
К началу нашей ссоры.
Мной было сказано тогда,
Что брат его подлец,
Лжец несусветный и предатель.
Услышьте это, господа.
От этого я откажусь навряд ли,
Что чести предпочёл он плен
И стал в почёте у французов
И оказался подлым трусом,
Зазря сгубил отряд улан.
Об этом я молчать не стану».

БЕСТУЖЕВ:

«Неправда это, поклянусь!
В том непременно разберусь,
Не дам вам опорочить брата».

ШУВАЛОВ:

«Такая вышла вот досада.
За правду понесу ответ,
Пусть даже для себя во вред,
Что делал часто я в бою,
Не опорочив честь свою,
За то готов стать у барьера
За Правду нашу и за Веру!».

КЛИМОВ:

«Вы были ранены, корнет?
Кровь сквозь повязку просочилась,
Как бы худого не случилось?
Отложим, может быть, дуэль?».

БЕСТУЖЕВ:

«К чему вся эта канитель?
Ну что мы медлим, в самом деле?».

СЕКУНДАНТЫ:

«Да, господа!
Мы не хотели
Присутствовать здесь на дуэли.
Из-за войны
Они сейчас запрещены.
Но граф, его сиятельство,
Что брат был обвинен в предательстве,
На этом жёстко настоял

И нас в свидетели призвал
Скорее, в виде исключения».

БЕСТУЖЕВ:

«Исчерпано моё терпение».

СЕКУНДАНТЫ:

«Готовы, сударь, или нет?».

ШУВАЛОВ:

«За правду постоять готов!
К чему так много лишних слов?
Сейчас, не медля, приступаем.
Вернусь ли я домой, не знаю,
Прошу мамаше передать,
Да мне удачи пожелать».

Шувалов передаёт письмо секунданту Прохорову.

ПРОХОРОВ:

«На сим и порешим.

К барьеру!».

Граф стреляет раньше, не подойдя к барьеру, ранив корнета в плечо. Корнет у барьера стреляет в воздух. Граф, со злостью, бросает пистолет на землю.

БЕСТУЖЕВ:

«Как назло
Не повезло.
Корнет, в долгу признаюсь перед вами,
Отличный вы стрелок, я знаю».

ШУВАЛОВ:

«Даю вам шанс остепениться,
Балы забыть, уединиться,
Затем Отчизне послужить.
Я постараюсь позабыть
О том, что было между нами.
Давай, расстанемся друзьями!».

Дуэлянты поспешно расходятся.

Действие второе

Шувалов в кругу своих друзей за столом.

КЛИМОВ — Шувалову:

«Ну что, любезный, как дела?
Плечо не сильно беспокоит?».

ШУВАЛОВ:

«Не беспокойтесь вы, не стоит.
Признаюсь, матушка права,
На мне, как у цепного пса,
Болячки быстро заживают.
О злоключениях со мной
Она пока ещё не знает.
Клянусь беспутной головой
Ещё об этом пожалею.
Не ведаю, что станет с нею?».

КЛИМОВ:

«Ты, несомненно, прав, корнет,
На графа, знать, управы нет.
Ему положено по сану
Быть постоянно при дворе.
Ему плевать на твою рану,
На речь о чести и добре.
Он обвинил тебя во всём,
Что ты напраслину возводишь
И лживые слова находишь
О его брате и о нём.
И он запретом поступился,
За честь свою с тобой сразился,
Тебя же трусом обозвал,
Хотя доподлиннейше знал,
Что эта ложь всплывёт наружу».

ШУВАЛОВ:

«Мне сей скандал совсем не нужен.

Надеюсь впредь

Поболе выдержки иметь».

ПРОХОРОВ, *перебивая*:

«Лжеца и выскочку стерпеть?».

ШУВАЛОВ:

«Не беспокойся, старина,
Когда закончится война,
Я призову его к ответу.
Оставим, друг, беседу эту.
Нам есть о чём поговорить.
Я, по идее, должен быть
Сейчас на Бородинском поле.
Если позволите,
Без промедленья вас покину.
И в эту трудную годину
Мой долг — Отчизну защищать,
От злого недруга спасать».

Действие третье

Друзья беседуют за столом.

ШУВАЛОВ:

«Без остановки враг бежит.
Пришлось Отчизне послужить,
Себя в сраженье не жалея.
Скажу вам, была эпопея!
Картечь и ядра, звон штыков!
Я повторить её готов!
Себя в бою не посрамили,
Наполеона мы разбили.
Почёт и Славу обрели.
И, как Кутузов наш велит,
Бокал поднимем за Победу!
Помянем тех, кого здесь нет,
Сгоревших в пламени сраженья.
Дай Бог нам выдержки, терпенья
Утраты эти пережить
И дальше Родине служить!».

Все поднимают бокалы.

КЛИМОВ:

«Столицу с честью отстояли,
До Немана врага прогнали,
Французу явно показали,
Что с нами лучше в мире жить».

ШУВАЛОВ:

«Да что об этом говорить.
Не первый раз
Враги идут с враждой на нас.
На Чудском озере с мечами
Решили потягаться с нами.
Каков итог?

Победа с нами, с нами Бог!

Орда с востока саранчой
Своей рискнула головой.
Её в финале потеряла.

Примеров этому немало.

Врагам непобедима Русь!

Сто раз поспорить я берусь.

За это выпить нам не грех.

Что медлим?

Выпьем за успех!».

Все поднимают бокалы.

КЛИМОВ — ШУВАЛОВУ: «Услышал,
батюшка вы мой,
За тот последний бой
Знать, государь отметил вас».

ШУВАЛОВ:

«В полку зачитан был приказ».

КЛИМОВ:

«По чести наградить корнета.
Узнали, сударь, мы об этом.
Повысить в чине, и впридачу
По повелению назначить
Усадьбу, право, я забыл,
Что раньше брат в ней графа жил.
Но за предательство с позором
(Наш государь в решениях скор),
Изгнал его семейство прочь».

ШУВАЛОВ:

«Скажу, друзья, вам, между прочим,
Усадьба та мне ни к чему,
Я верен дому своему
Там, где мы с матушкой вдвоём
По воле Господа живём.
Поместье наше небогато.
Отец мой много лет когда-то
Отчизне преданно служил,
За то поместье заслужил.
Чужого мне, друзья, не надо,
И лучшая за все награда,
Что враг — француз наш, побеждён,
Низвергнут в тьму Наполеон.
В своём поместье подлечусь
Затем семьёй обзаведусь.
Скрывать не буду, на досуге
(*обращается к Климову*):

«Вы окажите мне услугу,
Хочу я к ней послать гонца».

КЛИМОВ:

«От вашего, корнет, лица?
Да я согласен. Ради Бога,
Не медля, соберусь в дорогу.
Так что мне, сударь, передать?
Когда же вас к ней в гости ждать?».

ШУВАЛОВ:

«Мой друг, меня не торопите.
И к прочему всему учтите,
Есть долг, есть полк, где я служу.
Для полной ясности скажу,
Идёт здоровье на поправку.
Подать прошение об отставке,
После баталии решил.

Отчизне честно послужил.

Вернусь в поместье и женюсь,
Но прежде с графом разберусь
За ним долг чести предо мной».

ПРОХОРОВ:

«Бестужев граф сейчас изгой,
От дел насущных отстранён,
От службы при дворе смещён,
Опальный сослан на Урал».

ШУВАЛОВ:

«Долг оплатить мне обещал.
Но, так и быть, о нём забуду,
Не призову его на суд.
По жизни выбор есть всегда.
Но вот беда,
В сраженье подвигу взамен
Одни предпочитают плен.
Давайте выпьем, господа,
Чтоб над Отчизною всегда
Победный стяг бессменно реял!».

Память в сердце и в граните

26 ноября 2025 года, в День Георгиевского креста и День информации, открылась мемориальная доска кузбасского прозаика, члена Союза писателей России, журналиста, подполковника внутренней службы, почётного работника уголовно-исполнительной системы Владимира Максимовича Неунывахина (1938–2018 гг.).

Организаторы мероприятия – Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского и Кемеровское отделение Союза писателей России (новокузнецкий филиал) при содействии Дома детского творчества №1.

Торжественная церемония открытия прошла в Кузнецком районе Новокузнецка на ул. Чекалина, дом 14, где жил и работал писатель с 1991 года вплоть до смерти в 2018 году. В ней приняли участие представители администрации города, члены Союза писателей России и Союза российских писателей, родственники Владимира Неунывахина, курсанты и преподаватели Кузбасского института ФСИН России, ветераны МВД, жители города.

Владимир Неунывахин стал в Новокузнецке пятым писателем, которому установлена мемориальная доска. Ранее этой чести были удостоены Фёдор Достоевский, Владимир Высоцкий и новокузнецкие писатели Геннадий Емельянов и Любовь Никонова. В историю кузбасской литературы он вошёл как автор четырёхтомного собрания сочинений. Ни до, ни после него ни один региональный писатель не решался на воплощение такого амбициозного литературного плана.

Праздничное мероприятие, посвящённое жизни и творчеству В.М. Неунывахина, продолжилось в Доме детского творчества №1. Почётными гостями встречи стали родственники писателя, в том числе – супруги Галкины, сестра и зять прозаика, которые существенно помогли культурной общности Новокузнецка в сборе средств на мемориальную доску. Музыкальным подарком для них прозвучала «Песня таинственного сада» в исполнении К.В. Бабицкой – препода-

вателя Детской школы искусств №47 им. М.Ф. Мацулевич.

О встречах с Владимиром Неунывахиным и их влиянии на творческую жизнь рассказали: член Союза журналистов России, член Русского географического общества, краевед В.С. Пилипенко; заместитель начальника отдела кадров, воспитательной и социальной работы с личным составом Кузбасского института ФСИН России, подполковник внутренней службы Р.А. Кулик; преподаватель Кузбасской православной духовной семинарии Е.И. Мельникова, главный библиотекарь библиотеки «Кузнецкая» МБУ «МИБС» И.В. Кручинина.

Директор Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского Э.В. Шестакова поблагодарила родственников писателя, коллег и всех партнёров долгосрочного проекта по увековечиванию памяти В.М. Неунывахина за их вклад и веру в успех общего дела.

Украсило праздничное событие выступление поэта, автора и исполнителя песен, члена Союза писателей России, заслуженного металлурга Российской Федерации С.Н. Стрельникова.

Завершила тёплый дружеский разговор литературно-музыкальная композиция «Тронуть душу читателя». Её представили научные сотрудники музея Достоевского, актеры музейного театра Е.Г. Колянич и И.В. Михайлова.

В честь Владимира Неунывахина в музее Ф.М. Достоевского работало литературное кафе. В нём приняли участие родственники Владимира Максимовича и писатели из Новокузнецка, Калтана, Кемерово, Прокопьевска. Большинство из них являются членами Кемеровского отделения Союза писателей России. Прозвучали воспоминания, размышления о В.М. Неунывахине и стихи в исполнении их авторов: Ольги Комаровой, Александры Коржовой, Елены Трухан, Дианы Нагорновой, Александра Савченко, Натальи Палаткиной, Алексея Патшина, Сергея Озерова.

Елена Трухан

Сергей
Тихонов

Слова для маркшейдерского знака,
обозначающего эпицентр*
подземной трагедии.
Спаси многих не удалось.
Подземный пожар был затоплен.
В память обо всех погибших,
и не только здесь...

Я не слышал удара,
Я не видел той вспышки,
Злой судьбы моей кара –
«И ни дна, ни покрывки»*.

Торопливый поток без заминки
Злое пламя зальёт,
И ко мне на поминки
Даже мать не придёт.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
С нами вместе удача ходила,
Слепую судьбу дразня.

Всё что было – прощаю...
Пусть всё будет к добру...
Я вам жить завещаю –
Что я больше могу?

Пойми безмолвный наш завет,
От нас, кого вы потеряли,
И не скажи с тоской: «Нас нет!»,
Но с благодарностью: «Были!».

Сожмётся, ёкнет сердце тихо
И у рассудка требует совета,
Возникнут вдруг: тоска, печаль да лихо*
И до рассвета не найдут ответа.

Помолись, дружок,
за бессонный дом,
За окно с огнём!

Примечания автора:

*«Ни дна, ни покрывки» – умереть без покаяния и быть похороненным в нарушении христианского обряда без гроба, полная неудача, несчастье.

*Лихо – горе, беда, зло.

*Эпицентр – область на поверхности земли, расположенная над очагом взрыва.

Отдам ему свою печаль

В редакцию ЛХГА «Усвятская россыпь» пришло письмо от Сергея Викторовича Тихонова, жителя города Калтан, инженера-электромеханика (окончил Сибирский металлургический институт). Сергей Викторович много лет трудился на угольных предприятиях Кузбасса, увлекается русской поэзией.

«Здравствуйте, уважаемая редакция ЛХГА «Усвятская россыпь», – пишет он. – Предлагаю небольшую подборку о малоизвестных российских авторах».

Иван Тхоржевский

Лёгкой жизни я просил у Бога:
«Посмотри, как мрачно всё кругом».
Бог ответил: «Подожди немного,
Ты ещё попросишь о другом».

Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Лёгкой жизни я просил у Бога,
Лёгкой смерти надо бы просить.
(Вольный перевод из восточной поэзии,
1940 годы).

Когда читаешь то немногое, что написано об Иване Тхоржевском, то кажется, что в его биографии смешаны судьбы двух совершенно разных людей.

Один – правительственный чиновник, был произведён в действительные статские советники, камергер, знаток конституций всех стран и народов, скептик и консерватор, автор фундаментального историко-статистического труда «Азиатская Россия».

Другой – изысканный поэт-затворник, кабинетный филолог, переводчик с английского, французского, немецкого... Как эти двое уживались в одной душе, постичь невозможно. И ещё труднее понять, отчего столь яркая и бурная жизнь была так стремительно унесена волнами забвения.

Осталось слабо мерцающее имя автора. Из всего написанного Иваном Тхоржевским в памяти потомков остались лишь две строчки из его стихотворения «Лёгкой жизни я просил у Бога, / Лёгкой смерти надо бы просить...». Что это – удача или беда: просить поэтом «одного стихотворения»?

Родился Иван Тхоржевский в Ростове-на-Дону, детство и отрочество провёл в Грузии. Окончив с отличием Тифлисскую гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета, после которого сделал стремительную карьеру.

Осенью 1905 года Витте привлёк 27-летнего юриста к экспертизе новой редакции Основных законов Российской империи. Через год Столыпин назначил его помощником начальника переселенческого управления, которое должно было координировать переселение десятков тысяч людей на восток.

Тхоржевский стал одним из ближайших помощников Столыпина в проведении давно назревшей аграрной реформы, свидетелем его самоотверженности и бесстрашия. Когда после одиннадцатого покушения Столыпин погиб, Тхоржевский посвятил его памяти скорбные и чеканные строки: «Уже забыто порой / Полубезумного шатанья/

Вернул он к жизни – твёрдый строй, /
Вернул он власти – обаянье...».

В 1901 году он дебютирует с книгой французского философского лирика Жана Мари Гюйо. В 1906 году выпускает сборник переводов из Верхарна, Метерлинка и Верлена. В 1911 году в его переводе в России выходят сочинения первого лауреата Нобелевской премии Армана Сюлли-Прюдома. Тхоржевский переводит «Западно-Восточный Диван» Гёте, готовит сборник переводов поэта-аристократа принца Эмиля Шейнах-Каролата. А ещё выпускает два сборника собственных стихотворений – в 1908-м и 1916 годах.

После революции Иван Иванович пережил все этапы Белого движения, вплоть до эвакуации из Крыма. Незадолго до трагического исхода Тхоржевский, находясь в должности управляющего делами Совета министров врангелевского правительства, собрал представителей русских финансово-промышленных кругов, проживавших за границей, чтобы заручиться их поддержкой. Олигархи патристических слов не жалели, а вот денег на спасение армии и многочисленных беженцев не дали.

В эмиграции Тхоржевский много сделал для помощи соотечественникам. В 1928 году в переводах Тхоржевского вышли рубаи Омара Хайяма. В 1930 годах Иван Иванович переводил американскую поэзию и составил антологию «Поэты Америки». В годы второй мировой войны написал книгу «Русская литература».

Скончался Иван Иванович Тхоржевский 11 марта 1951 года в Париже и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В Советском Союзе о Тхоржевском так бы ничего и не узнали, если бы не две его строчки, обладавшие загадочной силой.

Константин Ваншенкин вспоминал: «В 1960 годы очень многих неожиданно привлекли и заделали две стихотворные строчки: «Лёгкой жизни я просил у Бога, / Лёгкой смерти надо бы просить...». Было непонятно, откуда они взялись. Стали говорить, что будто бы Бунин. Потом появилась версия, что это перевод. Переводчиком назвали Ивана Тхоржевского».

Позже некоторые стали утверждать, что он не переводчик, а непосредственно автор.

Характерна вспышка чуть ли не всеобщего интереса к этому афоризму. Что-то было здесь личное, кровное. Некий толчок, заставляющий по-иному посмотреть вокруг, задуматься...».

Арсений Голенишев-Кутузов

Бушует буря, ночь темна...

Бушует буря, ночь темна,
Внимаю ветра завыванья.
Он, как бродяга, у окна
Стучит и просит подаянья...

Отдам ему свою печаль,
Печаль, что в сердце тайно тлеет, –
Пусть в поле он её развеет
И унесёт с собою вдаль!

1877 г.

Голенишев-Кутузов Арсений Аркадьевич, граф, поэт (1848–1913 гг.). Занимал важные государственные должности, но с юности испытывал тягу к поэзии. Дружил с А.А. Фетом, М.П. Мусоргским и другими известными поэтами и музыкантами. На музыку были положены более 50 его стихотворений.

Меня ты в толпе не узнала,
Твой взгляд не сказал ничего.
Но чудно и страшно мне стало,
Когда уловил я его.

То было одно лишь мгновенье,
Но, верь мне, я в нём перенёс
Всей прошлой любви наслажденье,
Всю горечь забвенья и слёз!

1874 г.

Его литературный дебют состоялся в 1869 году (стихи в журнале «Заря»); известность же пришла в середине 1870 годов, когда он печатался в журналах «Дело» и «Вестник Европы». В 1873 году он сблизился с В. В. Стасовым, стал завсегдатаем его музыкальных собраний. При содействии Стасова опубликовал поэму «Гашиш» (1875 г.), которая вызвала многочисленные рецензии, в том числе и сдержанный отклик И. С. Тургенева. Был близким другом и творческим единомышленником М. П. Мусоргского. На стихи Голенишева-Кутузова композитор написал вокальные циклы «Без солнца» (1874 г.), «Песни и пляски смерти» (1875–1877 гг.), балладу «Забытый» (1874 г.), романс «Видение» (1877 г.).

Голенишев-Кутузов написал либретто оперы «Сорочинская ярмарка».

После женитьбы в 1876 году образ жизни Арсения Аркадьевича изменился. Живя вплоть до 1888 года в родовом имении Шубино, он увлёкся уездной дворянской деятельностью и хозяйственными делами.

Широкую литературную известность ему принёс первый сборник стихотворений «Затишье и буря» (1878 г.). От-

дельным изданием вышла драматическая хроника «Смута» («Василий Шуйский», 1879 г.), которую он написал под впечатлением оперы Мусоргского «Борис Годунов». Стихотворения Голенишева-Кутузова положены на музыку: М.П. Мусоргским, 1874 г.; В.П. Семёновым, 1898 г.; Б.В. Гродским, 1888 г.; С.М. Ляпуновым, 1911 г.

Аполлон Майков

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897 гг.) – русский поэт, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Поэт, переводчик. Дружил с А.А. Фетом, Я.П. Полонским. У Аполлона Майкова вышло шесть полных сборников стихотворений, при жизни он стал классиком.

Первые произведения появились в рукописном альманахе «Подснежник», который выпускали в семейном салоне Майковых. Первый поэтический сборник «Стихотворения Аполлона Майкова» вышел в 1842 году.

Во многих стихотворениях 1840 годов поэт развивает античную тему, обращаясь к мифологическим и историческим образам («Гезиод», «Приап», «Овидий», «Вакх», «Вакханка»). В более поздней лирике часто встречаются образы русской деревни, природы, русской истории.

Отдельную страницу в творчестве поэта составляют стихотворения, ставшие классикой детской литературы («Весна! Выставляется первая рама...», «Летний дождь», «Поле зыблется цветами...», «Осенние листья по ветру кружат...»).

Многие стихотворения Майкова были положены на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским. Написаны романсы Н.Ф. Соловьёвым (1904 г.), С.В. Рахманиновым (1913 г.) и другими композиторами.

Не может быть

Не может быть! Не может быть!
Она жива! ... Сейчас проснётся...

Смотрите: хочет говорить,
Откроет глазки, улыбнётся,

Меня увидит, обоймёт
И вдруг, поняв, что плач мой значит,
Ласкаясь, нежно мне шепнёт:
«Какой смешной! О чём он плачет?».

...Но нет!...

Лежит ... Тиха, нема,
Недвижна ...

3.04.1866 г.

Мария Стародубцева

Стародубцева Мария родилась 8 сентября 1997 года в городе Барнауле Алтайского края. До 18 лет жила в селе Кытманово. Окончила с отличием Кытмановскую межпоселенческую детскую школу искусств по классу живописи. В 2015 году окончила с золотой медалью Кытмановскую среднюю общеобразовательную школу №1.

Имеет два высших образования: юридическое и педагогическое. С 2019 года совмещает практическую деятельность с преподаванием, является старшим преподавателем кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», обучается на 3 курсе аспирантуры.

Писательской деятельностью занимается с 13 лет. Лауреат программы «Новые имена современной литературы» издательства «Союз писателей», г. Новокузнецк, 2017–2018 гг. Лауреат премии литературного журнала «Сибирские огни», 2018 г. Неоднократный участник литературных семинаров и совещаний молодых писателей.

Как распознать любовь

За окном сиял сиреневый май, вливая в сердца выпускников школы непонятные волнения. Девчонки и мальчишки были излишне шумными и говорливыми. Записочки передавались с парты на парту, пальчики девочек «тайно» бегали по сенсору экрана, передавая очередное сообщение.

Урок литературы был на грани срыва. Попытки привлечь внимание проблемами подготовки к ЕГЭ потерпели сокрушительное фиаско. Закалённая годами работы со старшеклассниками Евгения Матвеевна слегка растерялась: класс был неконтактным. И неожиданно для себя она начала читать стихи любимой древнегреческой поэтессы Сапфо:

*«Птичий гомон звенит
Вдоль проезжих дорог.
Всё проснулось от спячки
И зимних тревог...».*

Лёгкое удивление ребят воодушевило учительницу, и стихи полились непринуждённо, успокаивая разбушевавшуюся атмосферу в кабинете.

*«И кукушка болтливая тянет — «ку-ку»,
Вдалеке, ненавязчиво, из-за холма.
Это значит, уже пробудилась весна...».*

У девочек глаза затуманились мечтами и грёзами...

*«Вот и ласточка трудолюбивая
Кормит малых птенцов,
Раздавая улов,
Очень трепетно хлопая крыльями,
Хлопотливо мелькает туда и сюда.»*

«Это стихотворение...», — начала было пояснять учительница...

Но с последней парты вдруг прилетело: «Евгения Матвеевна, а что такое любовь и как её распознать?». Все резко обернулись на «жительницу» последней парты, самую тихую и бессловесную Олю. А она смотрела выжидающе.

В глубине души учительницы Евгении Матвеевны до сих пор жила та самая Женька, которая когда-то пыталась найти ответ на этот вопрос не только в жизни, но и в книжках.

Женьке семь лет. Мама наряжает её перед большим старым зеркалом. Зеркало трёхстворчатое, с малиновым столиком на чёрных ножках. Зеркало скрипучее и увешано мамиными и бабушкиными бусами. Женькины бан-

ты и ленты тоже на нём висят.

Женька ждала этот день всю неделю, сегодня она впервые идёт в школу. Бабушка говорит, что в школе надо вести себя тихо и быть отличницей. Мама говорит, что школу нельзя пропускать и нельзя получать плохие оценки. Женька знает, что делают в школе, она в книжке читала.

Читать её дед научил. Читать Женька обожает, особенно дедовы книжки про древних греков. Там постоянно воюют, ссорятся с богами и умирают. Так вот, один пацан прямо в школе умер, лисёнка спрятал под рубашкой или что там носили старые греки, а тот ему живот порвал. Пацан даже не поморщился. А его учитель сказал, что так и надо, потому что дело было в Спарте.

Теперь Женьке жуть как хочется в Спарту, да и в школу тоже. Но дед сказал, что для такой поездки надо много денег. Женька знает, где добывать деньги, они иногда попадают ей на дороге. И она всё лето мотается на велосипеде перед школой и магазинами и подбирает потерянные монетки. Уже треть банки из-под майонеза накопилось! Скоро можно будет ехать в Спарту.

Мама закрепляет на Женькиной голове белые банты. Длинные волосы заплетает в две аккуратные косички и сворачивает их бубликами.

— Посмотри, какая ты большая и красивая.

Женька вертится волчком, разглядывая новенький наряд. «Мама, а в школе будут про греков рассказывать?», — Женька глядит на улыбающуюся маму.

«Про греков я вам буду рассказывать в пятом классе, через четыре года», — мать легонько шёлкает её по носу и уходит в сад, собрать букет для Женькиной учительницы.

Мама тоже учительница, только старших классов. Женька вздыхает, ещё четыре года ждать греков и их войны. Про греков она прочитала всё, что нашлось в книгах дома. Неведомо когда случившаяся Троянская война её потрясла. Она все прописи, которые мама купила, изрисовала портретами греков. Особенно ей удался Одиссей, у него прикольный шлем получился, с острым гребнем. Она обвела ручкой шлем раз сто, пока бумага не прорвалась.

Так что теперь Женька в растерянности: она и так всё знает, зачем ей школа?

К половине десятого утра они с мамой выходят из дома. Женька прячется за здоровенным букетом красных георгинов из бабушкиного сада.

На улице ещё тепло, но ветерок уже осенний, ощутимо пробирает сквозь тонкую рубашку. Школа недалеко, всего три дома вниз по улице. Их село большое, школа почти в центре. А если идти ещё ниже, через улицу будет широкая река, но там Женька бывает редко, только с дедом, который возит её на рыбалку. Школа двухэтажная, с колоннами, как у греков. Только колонны у греков красивее были, она в книжке читала.

Женька оказалась в центре большой пёстрой толпы, стекающейся к зданию школы. Вон идут её одноклассники, кучка девочек в пышных юбках, с розами в руках. У них огромные банты, и все вместе они похожи на кружевное облачко. Сзади медленно идут старшеклассники в нарядных платьях, они говорят о чём-то жутко интересном, временами оглядываются на мальчиков и хихикают. Парни все похожи друг на друга, высокие, в тёмных костюмах, с небольшими букетами. Женьке не терпится поскорее отстоять линейку и вернуться обратно к грекам с троянцами.

Первоклассников ставят под огромную иву, и её вислые длинные листья шекочут плечи. Под ногами Женьки на земле мелом начерчено «1а» класс, в котором ей предстоит учиться.

Ребята рядом переговариваются и смеются. Женька знает, что они из их детского сада «Малинка», но она там почти не появлялась, потому что вечно болела. Она знает только немногих. И то больше мальчишек, особенно Диму и Андрея, с которыми играла в «войнушку».

Димка с ней здороваётся, а вот Андрей явно припоминает расквашенный нос и молчит. Ну и ладно! Она тоже им припомнит потом, как они её железной качелей по голове шарахнули, и она потом доказывала маме, что у неё нет сотрясения мозга.

Рядом стоят девочки с розами. Они, наверное, из детского сада с другого конца села, и предпочитают разговаривать друг с другом. Встретила их невысокая темноволосая женщина с весёлыми морщинками в уголках глаз.

«Я ваша классная руководительница, Олеся Сергеевна», — представля-

лась она, и первоклассники пытались всучить ей букеты.

Женька восхищённо замирает: классная руководительница и первая учительница — красавица, хоть и не такая молодая, как мама. Она из рук девочек забрала пару букетов и стала общаться с родителями.

Линейка идёт своим чередом. Девочки из «Ежевика», поднявшись на крыльцо, читают стихи:

*«Мы ребята-семилетки
Любим бегать и играть,
А учиться обещаем
На «четыре» и на «пять»!».*

Звучат аплодисменты. Директор, пожилой коренастый мужчина, поздравляет школьников с началом учебного года, потом выступают учителя. Женькина мама не выступает, и Женьке скучно.

«Скорей бы уже отпустили, дома дел полно», — говорит мальчишка в обычном форменном чёрном костюме и серой рубашке с ярким букетом красивых цветов. Женька вздрагивает от неожиданности.

«Напугал?», — пацан смотрит насмешливо. «Вот ещё», — дёргает головой Женька.

И откуда только появился?

— А что за цветы?

— Астры, вроде, мать дала. Что-то я тебя раньше не видел, а я тут всех знаю. Ты приезжая?

Женька в первую секунду теряется: с мальчишками в детском саду ей обычно приходилось драться, а не разговаривать. Щёки и уши начинают гореть с непривычки и затылок чешется под бантами. Сейчас бы забраться на диван с ногами и читать книжку.

— Нет, я Женька, во-он из того дома.

По двору школы разносится мелодичный звук, это высокий одиннадцатиклассник посадил на плечо первоклассницу, и та зазвонила золотистым колокольчиком.

— Ты из «Ежевика»?

«Нет, из плоти и крови», — пацан явно задирается.

Женька боится, что сейчас ещё сильнее покраснеет, теперь уже от злости. Ну, нормально же общались!

— Я из «Малинки», но я почти туда не ходил, дома хозяйство большое, отцу помогать надо. Меня Сашкой зовут, кстати...

«А я болела всё время. Я книжки читала, — расслабляется Женька, — про древних греков».

«Что за греки?», — парень роется в своём букете.

Астры его тоже красивые, как Женькины георгины, только не красные они, а белые, желтые и сиреневые. И пахнут мощно, даже в носу зачесалось.

«Древние люди, они с богами воевали. Про Троянскую войну знаешь? Что ты там делаешь?», — теперь у Женьки куча вопросов.

Сашка вместо ответа выуживает из астры шмеля, держа его за пухлое тельце тонкими пальцами, тычет Женьке в лицо. Шмель толстый, с чёрно-жёлтым полосатым брюшком. Он забавно шевелит чёрными лапками.

— Смотри, какой пушистый!

Женька гордо вскидывает голову, её так не проймёшь. Она с дедом для рыбалки червяков выкапывает из земли и на крючки насаживает с пяти лет, что ей шмель.

— Троянскую войну не знаю. Знаю, что в Греции кризис. Отец вечно про кризис говорит.

Он подбрасывает шмеля в воздух, и тот улетает, недовольно гудя. Олеся Сергеевна собирает ребят в колонну по двое и ведёт на второй этаж в их класс.

«Ребята, выбирайте парты», — говорит учительница.

Женька не знает, какие места хорошие, мама говорила, что надо внимательно слушать учителя. И она нерешительно ставит рюкзак на первую парту прямо рядом с учительским столом.

Сзади садятся девочки из «Ежевика», На соседнем ряду гудят Дима с Андреем и ещё несколько мальчиков. А рядом с ней падает потёртый чёрный рюкзак с нарисованным мчащимся автомобилем. Это Сашка.

«Тоже хочешь быть отличником», — съязвила Женька.

Сашка насмешливо посмотрел на неё тёмными, почти чёрными глазами: «На первой парте не видно, если спишь».

Олеся Сергеевна рассказывает про школу, про историю села. Оказывается, дело нешуточное в школе учиться. С завтрашнего дня у них будет по четыре урока. Это же полдня сидеть! И домашние задания, и дневник чтения, и обязательная запись в библиотеку. Родная речь, чтение, письмо, проверка скоропечатия...

Женька боится оплошать, а Сашке скучно, оживает он только когда речь заходит о математике. Учительница проверяет у них наличие палочек для счёта, говорит, какие учебники будут нужны. У Женьки всё есть, дед с мамой купили. Ей уже не терпится начать учиться. Смотрит в окно и видит их дом и деда в огороде. Он всегда хлопот по хозяйству, они держат и кур, и корову, и свиней. Правда, Женька больше любит кур, а корову и двух поросят она побаивается.

Наконец классный час заканчивается. Мама просила Женьку идти сразу домой, но та в растерянности стояла в

коридоре. Небо затягивается тучами, хотя дождя ещё нет, ветер усиливается. Может быть, найти маму и подождать, пока закончатся её уроки?

Но Женька не знает, куда идти в большущей школе. Старшеклассники на уроках, а первоклашки расходятся. В коридоре пусто, только за закрытыми дверями кабинетов слышен гул голосов или голос учителя, объясняющего ещё неведомые Женьке истины.

«Что застыла? — Сашка уже на низком старте. — Ты решила здесь поселиться?».

«Я хотела маму подождать, но не знаю, где она», — уши у Женьки начинают гореть. Ужасная привычка!

— Пошли вместе, мне всё равно в магазин надо.

«А ты где живёшь?», — Женьке идея понравилась, вдвоём идти веселее.

— Я у реки, там, внизу.

Сашка, видимо, хорошо ориентируется в школьных коридорах и легко выводит её на крыльцо.

— Так что там с твоими греками, с кем они воевали?

Пока они идут до её дома, Женька вываливает на одноклассника всю Троянскую войну. Сашка не понимает, как можно было напасть на троянцев из-за девушки. Женька тоже этого не знает, но в книжке так написано.

— А ты летучих мышей видела? Спорим, они круче твоих дохлых греков?

Женька вскидывается, и белые банты угрожающе топорщатся.

— Ничего они не дохлые. А мышей не видела. А у тебя есть?

— Конечно. У реки в пещерах их полно. Завтра принесу в класс, все девочки будут визжать. А ты не визжи, я тебя предупредил.

«Да я вообще никого не боюсь», — смеётся Женька, меряя его хитрым взглядом.

Принести в школу мышь на урок — вот круто будет! А она даже не дрогнет. Девочки, которые сегодня с ней даже не заговорили, умрут от зависти.

«Пришли», — говорит Сашка.

— Я тебе завтра книжку принесу, там про греков и египтян интересно написано. У них богами змеи и жуки были, представляешь? Наверное, и летучие мыши тоже.

«Ок, замечано, буду ждать», — Сашка перехватывает рюкзак поудобнее.

Накрапывает дождь. Она машет Сашке и под брызнувшими каплями забегает в прохладный полутёмный дом, где ждёт накрытый праздничный стол.

2.

Женьке десять лет, и у них дома грандиозные перестановки: мама купила компьютер. Компьютер здоровенный, мама говорит, что он займёт полкомнаты и под него надо специальный стол покупать.

У них уже есть видеомэгафон, который может записывать на кассеты фильмы, чтобы потом смотреть их, пока не надоест. Мама купила «Тома и Джерри», и Женька смеялась над котом, который всё никак не поймаёт мышь. А вот у Женьки мышь есть!

Мышь не простая, а летучая. Сашка её принес в класс три года назад и перед первым уроком выпустил. Все девчонки так визжали, умора! А маленький зверёк носился по классу и истошно верещал. Женька тогда, помня Сашкино предупреждение, застыла на месте и молча следила за растрёпанным клочком шерсти на тонких, иссиня-чёрных крыльях. Пацаны гонялись за мышкой, пытались её поймать. В этот момент зашла Олеся Сергеевна и жутко разозлилась.

— Кто это принёс? Немедленно перестаньте бегать, мышка вас боится больше, чем вы её!

Сашка сцапал мышь, когда та села на штору, и сунул в рюкзак. Оттуда раздалось приглушённое визжание.

— Я принёс, интересно же.

Покрасневшие девчонки обиженно сверлили Сашку глазами. У них даже косы и банты растрепались. Пацаны хихикали.

Женька решила вмешаться: «Олеся Сергеевна, вы же нам будете про зверей рассказывать?».

Олеся Сергеевна села на стул и открыла журнал. Урок она начала с переклички, чтобы дать детям время успокоиться.

— Журавлёв Саша, у тебя сегодня «плохо» по поведению.

Сашка недовольно нахмурился, прислушиваясь к шевелению в рюкзаке.

— Деменёва Женя, я буду вам рассказывать о животных на уроках «Окружающего мира». В школу больше никого никто не приносит, это нарушение техники безопасности. У нас сейчас «Родная речь», открывайте учебники.

Учебник был новеньким и пах горьковатой типографской краской, а его страницы приятно хрустели под пальцами. Пару минут Женька потратила на разглядывание картинок а потом по привычке начала разрисовывать учебник греческими профилями. Но летучая мышь в рюкзаке была намного круче родной речи, и Женька опять заскучала, поглядывая на часы.

Едва прозвенел звонок на перемену, она попросила соседа открыть рюкзак.

«Не-а, опять вылетит», — Сашка достал из кармана завернутые в целлофан бутерброды с колбасой и сыром, и, разломив один из них, опустил руку в сумку, — ай, куда ты лезешь!».

— Что?

«Кусается, мелкая, — засмеялся он, облизывая палец. — Хочешь бутерброд? Мать в учёбу снарядила».

«Так есть же столовая, вроде», — Женька заозиралась по сторонам. В кабинете никого не было, все разбежались.

«Туда идти далеко», — Сашка принялся пролистывать учебник, одновременно запихивая в себя здоровенный бутерброд с сыром. Женька тоже цапнула себе угощение.

— А куда мышь денешь? Выпустишь?

— Могу тебе отдать. Ты книгу, кстати, принесла про зверей-богов?

Женька кивнула и полезла в рюкзак.

Все перемены они обсуждали, как разместить летучую мышь и чем её кормить. Сашка обещал посмотреть у отца чертёж клетки. Отец у него, оказывается, инженер, и дома полно технической литературы.

Пока мышь оставалась у Сашки. Вечером за ужином Женька сообщила маме, что заведёт себе домашнее животное.

— Так это ты сегодня помогла выпустить в классе дикого зверёныша?

Мама строго смотрела на Женьку, которая стояла у стола, сцепив пальцы домиком и глядя на пельмени в тарелке.

— Сашка хотел мне показать мышку, у него рядом с домом их гнёзда. И мы решили её оставить у себя.

«Никаких мышей в доме, тем более, летучих, — отрезала мама, резко поднявшись и давая понять, что разговор окончен, — совсем с ума сошли, в первый же день срывать дисциплину в классе. Олеся Сергеевна всё рассказала, мне очень стыдно за тебя. И приятель твой странный, нечего с такими общаться».

Уши Женьки запылали, а в глазах зашипало. Мама редко ругалась на неё. Но теперь Женьке стало обидно. Она впервые с кем-то познакомилась, а ей уже запрещают с ним разговаривать. Женька вспомнила мальчика из Спарты и решила, что не даст нового друга в обиду, и себя тоже.

«Мы ничего не срывали, и Сашка хороший, и летучая мышь моя, — выпалила она на одном дыхании, исподлобья глядя на маму, — я в книгах посмотрю, как за ней ухаживать, тебе ничего делать не придётся. И Сашку не трогай».

— Марш в комнату! Рано ещё характер проявлять.

Мама недовольно смотрела на дочь. Женьке стало жарко. Она маму, честно говоря, побаивалась в такие моменты.

Вот с дедом они никогда не ругались, ну почти никогда. Но там Женька сама понимала, что делает плохо, и обычно ссора заканчивалась слезами на дедовом плече, потому что было стыдно и не хотелось, чтобы дед обижался. А вот сейчас стыдно не было. Своего друга Женька никому не отдаст, такая вот она собственница.

— А я уже взрослая и сама выберу, с кем играть и кого заводить.

Женька стремглав умчалась на улицу, её душили слёзы, и голова начала болеть. Решено, она завтра же пойдёт в библиотеку и узнает всё про летучих мышей.

Женька читала в библиотеке книги о животных и пересказывала их другу. Сашка нашёл книгу с чертежами клеток для птиц и теперь выстреливал деревянные прутья отцовскими инструментами. Несколько раз он порезался ножом и стамеской, и Женька бегала в аптеку за бинтами и перекисью по его указаниям.

Мастерили клетку они втайне почти два месяца. Прятались у Сашки в

сарая у реки, там же пока жила и летучая мышь, которую Женька назвала Еленой, как Елену Троянскую. Женька кормила её пойманными насекомыми, фруктами и стянутым из дома мясом и постепенно приучила к себе.

Зверёк днём спал, а ночью начинал двигаться и есть. Если рядом раздавался какой-нибудь громкий звук, например, машина проезжала, или по реке проплывала моторка, мышь начинала истошно верещать.

В огrade и за оградой у Сашки было полно интересного. Буквально в тридцати шагах ниже текла река. В высокой траве стояли старые деревянные мостки, с которых было удобно рыбачить в полужаренных заводях. Там было довольно глубоко. Ниже по реке на возвышении берега у них с соседями был общий лодочный сарай, у подножья всё заросло высоченным рогозом. Рогоз шумел и этой осенью ещё не опал. Кстати, корни рогоза оказались довольно приятными на вкус.

Пешерки с летучими мышами были выше по реке, где берег был более крутым, там ещё прямо в глинистом обрыве чернели стрижиные гнёзда.

В конце концов отец обнаружил Сашку и Женьку в сарае, когда они прилаживали каркас клетки к жестяному дну. Дядя Лёша оказался копией Сашки, ну, то есть, наоборот, конечно же. Такой же смуглый, темноволосый и черноглазый.

Он придирчиво осмотрел клетку, раскритиковал тонкое дно и пообещал сделать хороший деревянный поддон. А ещё он сказал, что раз сын окопался в его кладовке с инструментами, значит, надо ему выделить отдельный верстак и провести к нему электричество. Чумазый, с перевязанными пальцами, Сашка был счастлив от таких возможностей.

«Перевязывала-то тебя наша гостья Евгения? — хитро спросил дядя Лёша, аккуратно складывая все инструменты на верстаке. — Что же ты её в дом не повёл и нас не познакомил за столько времени?»

«Да мы с мышкой закрутились», — покраснела Женька.

«Это ей подарок», — мотнул головой Сашка, уже прикидывая, где он разложится в кладовке и что ещё будет мастерить по чертежам из той книги.

Судя по мечтательному выражению лица, в этот момент тёмный, душный сарай казался ему дворцом. Женька понимающе кивнула: иметь собственный угол — верх крутизны.

Они до вечера просидели на Сашкиной кухне, где их утешала тётя Аня, Сашкина мама. Она была невысокой и худенькой. Телевизора у них не было, только книги дяди Лёши и журналы тёти Ани, огромной стопкой высившиеся на диване. И ещё куча цветов, Женька такие в глаза не видела.

...Наконец Женька, раздуваясь от радости, принесла домой большую деревянную клетку с железными заклёпками, внутри которой скукожилась притихшая Елена.

Женькины мама с бабушкой чуть не упали, увидев пушистый сюрприз в спальне. Адеду понравилось, он и клетку оценил, услышав, что всё сделал Сашка по книжному чертежу, а Женька ему помогала.

«Пора Женю учить готовить, — смеялся дед за ужином, уплетая бабушкины блины с мясом, — жених уже есть. Раз руками мастерить умеет, значит, и семью прокормить сможет».

Женька едва не подавилась и возмущённо уставилась на хитро подмигивающего деда. Мама усмехнулась: «Да уж, жених... Женьку с первого дня из тихой домашней девочки превратил в бешеную фурию. Что дальше-то будет?».

Женька насупилась. Какой жених, она вообще не поэтому с Сашкой дружит. И она никогда не была паинькой, древние греки, разрисованные в книжках, не дадут соврать!

...Женька вынырнула из своих мечтаний, глядя на завешенную чёрной тканью клетку с Еленой. Мышь не любит солнечного света, и ткань с клетки Женя снимает только, чтобы прибраться или покормить привередливого зверька.

В руки Елена не даётся, маму и бабушку пытается укусить, так что вся забота о животном на Женьке. И пусть в школе дела идут ни шатко, ни валко, и Женька почти ни с кем, кроме Сашки, не общается, она всем довольна.

Ну и пусть девчонки посмеиваются, глядя на неё, и дружить с ней не хотят, даже если она сама к ним подходит. И совсем не обидно, и даже плакать не хочется всякий раз, как подумает об этом. С Сашкой, Еленой и книгами куда интереснее, чем с учебниками. А теперь ещё и компьютер есть.

Компьютер им ставил дядя Лёша, как выяснилось, он учился вместе с Женькиной мамой.

Пока он устанавливал системный блок, монитор с клавиатурой и подключал модем к телефонной сети, всё хваливал Сашку, взрослого и самостоятельного не по годам. Мама кивала и расхваливала Женьку, которая с этого года ходила на секцию лёгкой атлетики, хотя мама и бабушка усердно пытались её записать на танцы.

Настройка компьютера Сашку завораживала. Женьку он слушал вполуха. Там всё на английском, и Сашка, любовью к языкам не отличающийся, заругался и побежал в библиотеку за техническим словарем. А Женька аккуратным почерком переписывала с экрана тексты, чтобы было удобнее переводить. Или рассказывала ему про своих греков или про новую прочитанную книжку, и на её восторженные излияния он отвечал однозначным «Угу».

Однако он её всё же слушал, она поверила. Как-то раз трянула его за плечи и попросила пересказать, что она сейчас говорила. И он пересказал, правда, разнёс сюжет её любимых «Хроники Нарнии» в клочья, заявив, что на месте главных героев в жизни бы не сунился в незнакомую местность без за-

паса еды, тёплой одежды и спутниковой рации.

Такого подхода Женька не понимает, она бы помчалась в волшебный мир хоть нагишом, только бы взяли. Сколько раз она искала Нарнию по всем шкафам дома и в гостях у Сашки, а он только ехидно посмеивался.

Сашка постоянно критикует её идеи, ту же поездку в Спарту. Надо отдать должное, когда она ему рассказала про свою мечту и показала имеющиеся накопления в размере ста рублей, он пошёл в библиотеку и принёс оттуда потрепанный географический атлас. И они целый вечер учились разбираться в масштабах карты и высчитывали расстояние до Греции.

Оказалось, что от их села до греческой столицы почти шесть тысяч километров, а до Спарты ещё дальше. И на такую поездку нужно копить полжизни. Женька ответила, что всё равно накопит. Сашка, с её слов осведомленный о печальной греческой истории, согласился, что съездить и посмотреть на место битвы, которая была аж до нашей эры, идея интересная. И положил в её копилку, вернее, в литровую банку под кроватью, свой полтинник, сэкономленный на школьных завтраках.

Впрочем, у Сашки тоже была мечта, которую он Женьке рассказал под большим секретом. Он хотел собрать велосипед. Дома в отцовской кладовой валялись остовы старых велосипедов, плюс у соседских пацанов Сашка выменял хорошие колёса и педали, после уроков и домашних заданий все вечера просиживал в кладовой уже на своём законном месте.

Женька тоже загорелась идеей и уговорила его поискать информацию о сборке велосипедов в Интернете, который им подключил дядя Лёша. Но мама строго ограничила поползновения Женьки в сторону компьютера.

Женьку это не остановило, и они с Сашкой лихорадочно накопировали информацию и схемы сборки мужского и женского велосипедов. Естественно, Женька тоже выбила себе велосипед, так как старый «Школьник» не вмещал Женькины колени. Информацию распечатали на принтере, тоже недавно мамином приобретении, и Сашка умчался к себе.

В этом году у Женьки была ещё одна радость: она тоже подарила Сашке домашнего питомца. Нашла его на свалке, в кустах заметила движение и выудила оттуда маленького, насквозь мокрого и тощего серого котёнка с чёрными полосками, как у тигра. Его и презентовала Сашке, не вылезавшему из кладовой. Тот назвал котейку Терминатором, в честь любимого фильма. За минувшие полгода Терминатор отъелся на тёти Аниной еде и разбух раза в два.

За окном белый, искрящийся на январском солнце снег, куда более интересный, чем математические примеры в учебнике. Женька смотрит на Сашку. Тот корпит над учебником, математику он любит. Лихорадочно исписывает лист мелким почерком.

Следующий урок — «Родная литература», там будет повеселее, читать Женька любит. А пока можно немного вздремнуть под носом у учительницы, Сашка даст списать математику, а она прикроет его на литературе и русском языке.

Вечером она выкроит полчаса для компьютера: Сашка просил выяснить, как ограничить Терминатора в еде.

Столько дел надо переделать, а там и весна на подходе. И они, наконец, сделают велосипеды с Сашкиным отцом и Женькиным дедом, помогут их покрасить. Синий — для Сашки, а зелёный — для Женьки. А бабушка сделает им фруктовый лёд, и они будут сидеть на дедовом крыльце, обгрызая домашнее мороженое, и лениво глядеть на бегущие в светло-синей вышине рваные облака.

3.
Женьке четырнадцать. Она валяется в траве у реки, вяло наблюдая за танцем стрекоз в рогозе. Она хотела лечь прямо на землю, но Сашка расстелил припасённый брезент. Он рыбачит, но недавно ветер поднял на реке рябь, и рыба ушла на глубину. Так что остаётся бросать размоченный хлеб в воду для подкормки успевших разжиреть к концу мая карасей. Велосипеды они оставили чуть выше, там же запас еды и воды.

После уроков они обычно выкраивают час-полтора и уезжают подальше от деревни. Сашка к поездкам всегда готовится, с ним не потеряешься и с голоду не умрёшь. Сегодня он взял термос со сладким чаем, бутерброды с колбасой и целую палку колбасы. А нож не захватил, поэтому колбасу приходится есть от всего батона, откусывая куски друг за другом и закусывая муравьями в траве, кисленькими и кусачими. В общем, красота.

Женька ворочается на брезенте, торопливо прожёвывая колбасу, и взахлёб рассказывает другу сюжет нового фильма. Вчера они с дедом посмотрели «Властелин колец», и у Женьки, образно говоря, снесло крышу. Завтра надо будет срочно бежать в библиотеку за книгой и сманивать Сашку её прочесть.

«Ты представляешь, в него попали три стрелы, а он продолжал защищать хоббитов до последнего», — смакует Женька чай, отмахиваясь от ранних майских бабочек.

Бутерброды в Сашкином исполнении — это два огромных хлебных ломтя, намазанные вареньем, кетчупом, майонезом и приправленных мясом и салом.

— В общем, он их спас, а сам погиб, вот несправедливо ведь, скажи!

«Кто он-то хоть?», — Сашка откусывает от колбасного блаженства щедрый кусок, заедая его сорванной осокой.

Ему нравится всё пробовать, не отнимешь. В пятом классе он на спор лизнул в тридцатиградусный мороз дверную ручку на школьной двери. Потом чуть ли не кипятком его язык от железки отрывали. Сашка сказал, что металл терпкий и приятно холодит горло.

«Боромир, воин Гондора, — гордо от-

вечает Женька, — обожаю его, он куда круче, чем Белла с Эдвардом из «Сумерек», по которым наши девчонки с ума сходят. Вот ты бы, кстати, какую девушку хотел себе, вампира или оборотня? Или воительницу?».

Она пихает Сашку в бок, заставляя оторваться от еды. Тот недоуменно смотрит на неё.

«Ой, да все об этом говорят, — смеётся Женька, — Анька и Ира рассказывают, что уже с парнями встречаются и сохнут по Эдварду. Так что не прикидывайся, спорим, ты тоже о таком думаешь?».

«Ладно, — Сашка включается в игру, — вампиру кормить особо не надо, но она холодная, а я мерзнуть не люблю».

Женька краснеет и улыбается.

«Оборотень ест, как не в себя, у меня столько денег нет, — продолжает Сашка, — а Боромир твой в юбке точно не нужен, а то я всё время буду думать, что у меня вместо девушки героически погибший мужик».

Женька смеётся в голос, откидываясь на брезенте, тесня Сашку. А тот разлётся поперёк, и ей места нет.

— А тебе какой парень нужен? Судя по твоим книжным предпочтениям, это должен быть герой-покойник?

Вот как он умеет бесить и смешить одновременно? Женька считает, что это загадка мироздания, наравне с существованием вампиров или хоббитов.

«Нет, — она забирает у него оставшийся кусок колбасы, — мертвяков мне точно не надо. Но я считаю, что любовь должна быть познана через страдания, — добавляет Женька тоном крупного специалиста. — И не смейся, я, может быть, тебе душу раскрываю. Любви не бывает без боли, так во всех книгах пишут».

«Вот твои бабушка с дедом и мои предки друг друга любят, и никто не умер и не самоубился, — невозмутимо отвечает Сашка, допивая чай, — а в книжках пишут про страдания, потому что никто не хочет читать, как у героев всё хорошо. Лучше читай учебники и энциклопедии, как я», — важно заканчивает он.

«Эх, Журавлёв, совсем не понимаешь ты романтику», — притворно вздыхает Женька.

Она переворачивается на спину и смотрит на кусты роз, заслоняющие от неё небо и яркое солнце.

— У меня даже целая книжка есть «Как распознать любовь», там каждый вздох и взгляд описывается. И обязательно пишут, что любовь познаётся в беде.

«Пессимистичная какая-то книжка, — Сашка приподнимается на локте, стряхивая в траву хлебные крошки. — Пора ехать, а то ещё уроки делать, и мать просила корову с пастбища домой пригнать, отец сегодня не успеет».

Он быстро сворачивает брезент, закрывая его в корзине на руле велосипеда, сматывает удочки и прибирает следы их пикника.

Уже вечерело, на реке заметно холодает, когда они, наконец, выезжают по

направлению к селу, виднеющемуся в отдалении.

Женька часто пропадает в доме у реки, они обычно вместе готовятся к контрольным. Женька, изредка добываясь до зеркала, замечает, что за каникулы сильно вытянулась и успела загореть. Захотелось надеть вместо джинсов мамину юбку или платье покороче и пройтись в маминых туфлях на каблучках.

«Наконец-то дочь становится взрослой», — довольно говорит мама, когда застаёт Женьку прихорашивающейся у зеркала.

Мама ведёт её в магазин, и теперь у Женьки есть новая шёлковая чёрная блузка, джинсовая юбка, чёрные туфельки на небольшом каблучке. На последней неделе занятий, перед четвертными контрольными, мама презентовала Женьке шифоновый разноцветный тонкий шарф. С шарфиками в классе никто не ходит, надо обязательно попробовать. В предвкушении Женька вертится перед зеркалом.

Она уже неделю ходит в новой блузке и с новой причёской, а Сашка и ухом не ведёт. Ничего, сегодня она шарфик наденет и надухарится мамиными духами. В классе девчонки с ней не разговаривают, считают её пацанкой, а она им носы утрёт! В раздевалке шарф она не снимает.

«Женя, может, ты забыла снять шарфик?», — манерно тянет Рита, красивая рыжеволосая и зеленоглазая староста.

Она — непререкаемый авторитет, девчонки, да и пацаны вьются возле неё. Рита знает всё обо всех, меняет обложки чуть ли не каждую неделю и просит называть её Марго.

Как же раньше Женьке хотелось быть на её месте! А теперь она привыкла, что в классе обычно молчит, отвечая только на уроках. С ней не общаются, она же учительская дочка, ещё и богатая вроде как. Она всё понимает, только ответить не может.

От реплики Риты Женька вздрагивает и тушует.

«Это украшение», — неловко мямлит она, злясь на себя и чувствуя, как неловимо начинает краснеть. Уши уже пылают, а стянутые волосы этого не скрывают.

— Ну, украшение надо уметь носить, как и краситься. И уметь выбирать наряды.

Рита поворачивается и уходит в класс. А Женька застывает на месте, как водой облитая. Потом спохватывается и бежит под самый звонок. В классе, как обычно, все шушукаются между собой. Она периодически косо смотрит на Сашку, неужели он и сегодня не увидит её обновок?

Идёт физика, и Сашка, загородившись от мира брезентовой сумкой, привычно строчит ответы на задачи.

Аресницы у него красивые, длинные и пушистые, можно обзавидоваться. Когда он что-то читает или решает, он ничего вокруг не видит, кроме своих листков.

Женька к этому привыкла, но имен-

но сегодня ей очень хочется дернуть его за плечи и от души врезать. Ещё и Ритка эта смеётся с товарками за спиной.

Так, надо сосредоточиться, сегодня итоговая контрольная. Потом останется работа в саду, потом можно домой, к себе в нору. Видеть сегодня вообще никого не хочется. А в глазах уже противно шипит и нос начинает шмыгать против воли.

«Ты чего? — Сашка возвращается в бранный мир и подталкивает её острым локтем. В тёмных глазах недоумение. — Я сейчас допишу и дам тебе списать».

«Отстань, — зло шепчет Женька, — ничего ты не понимаешь!».

Её плечи предательски вздрагивают, но только один раз. Хорошо, что учительница не видит, она не следит за теми, кто сидит на первых партах. Женька вздыхает, всё-таки хорошо, что взрослые ничего не видят и не знают. Хотя раньше, когда она только начала понимать, что в классе её не любят, молчание взрослых обижало до слёз. Вот же глупой она тогда была.

Сашку в классе тоже не жалуют, но он об этом никогда не говорит. И отшучивается, если она спрашивает.

Да, дерутся они с пацанами периодически, так это со всеми бывает.

Кому какая разница, что у него нет телефона и телевизора и сумка школьная ещё отцовская? Зато раритетная, как он говорит.

Но и он её совсем не понимает. Теперь хочется плакать и из-за этого!

Женька от досады так давит на карандаш, что тот ломается. Треск разносится по притихшему в разгар контрольной классу. Учительница вздрагивает, но Женька уже — сама невозмутимость.

На уроке труда они кучкуются на выделенном им участке школьного огорода. Женька привыкла работать в молчании. Сашка вскапывает землю, а она граблями разравнивает мокрые комки. У соседней грядки работают Рита с Димой, он её официальный парень. Они уже полгода встречаются. Интересно, а они уже целовались?

«Эй, Санёк, не хочешь за меня вскопать?», — окликает Дима.

Сашка поднимает голову. Он торопливо смахивает пот со лба.

— Чего тебе?

— Вскопай, говорю, мой ряд, тебе же привычно пахать в той дыре, откуда ты выполз.

Женька застывает на месте. Учительница стоит поодаль, уткнувшись в телефон.

«А ты, я смотрю, в дыре так и живёшь, — привычно парирует Сашка, — или забыл, как я тебя возле курилки взгрел, ещё охота пришла?».

«Тебя что, нищелюб побил?», — в зелёных глазах Риты вспыхивает презрение.

Димка весь подбегается, как гонимый на охоте. Класс с интересом поднимает головы готовый к развлечению.

«Журавль, пасть заткни, а то уроку прямо здесь», — шипит Димка, отмахиваясь от Риты.

Сашка разворачивается к нему, он выше Димки на целую голову, но тоньше. Лениво отряхивает лопату от грязевых комков и приподнимает её острием вперёд.

«А ты рискни. Или стыдно перед девчонкой, что будешь опять землю есть?», — спокойно спрашивает он.

Сзади к Димке подходят пацаны из класса. Димка довольно шуруется и сплёвывает на землю.

«Хватит вам, петухи, — говорит пренебрежительно Рита, — кишка тонка нормально подражаться. Какой смысл связываться с нищелюбом и его убогой подружкой?».

«Сдуба рухнула? — когда на Женьку нападают, у неё срывает все тормоза. Сразу. Проверено много раз. — На себя посмотри, курица расфуфыренная».

«Это ты у нас сегодня вырядилась, как на панель, — смеётся Ира, подружка Риты-Марго, — а твой ненаглядный ничего и не видит, вот беда!».

«Думаешь, раз ты дочка учительки, то можешь нос перед нами задирать, типа мы тебя все ниже и хуже?», — поддакивают сзади.

«Что? Стоило мне один раз показать, что я красивее вас, так вы поболтать со мной решили, — Женька залившись смеем, — и пацанов, бедняжек, припрягли, а они без вас и слова то сказать боятся?».

«Ты слурела?», — Димка бросается вперёд и едва не напарывается на грязное острие лопаты. Теперь лопата упирается ему в горло.

«Только шагни к ней, я тебе позвоночник выбью», — обманчиво спокойно говорит Сашка.

Пацаны дёргаются, Димка молчит. Ему явно страшно.

«Да ты псих, вообще», — бормочет Андрей.

«И подружка твоя психованная», — вторит Рита.

Женька реагирует мгновенно и резко вскидывает на Ритку грабли. Комья земли летят той прямо на кремовую куртку и оседают на украшенных блеском полных губах. Затем Женька разворачивает грабли на остальных:

«Отстаньте от нас, пока я директору и милиции вас не сдала! Тронете его или меня, будете в прокуратуре потом оправдываться!».

Женька блефует напропалую, она знает о прокуратуре только из бабушкиных сериалов. Но угроза, похоже, действует.

«Елизавета Андреевна, — негромко зовёт Сашка учительницу, — тут у нас спор, кто лучше грядку сделал, можете посмотреть?».

Он опускает лопату вниз, а голос его становится тихим и угрожающим: «И, кстати, кто хоть словом, хоть взглядом обидит мою девушку, рискует не добежать до милиции, да и до прокуратуры тоже».

Появление учительницы заставляет класс молча вернуться к работе. Через двадцать минут ребята расходятся, неприязненно глядя на Сашку с Женькой. Те идут через школьный

двор к своим самодельным велосипедам, припаркованным у шипастой ограды.

«Тебя Ритка сегодня задела, что ты плакала на физике?», — спрашивает Сашка, внимательно глядя на Женьку сверху вниз.

Та кивает. Она вся дрожит, и сама не понимает, от чего именно.

«Тебе нравится, как я в новых вещах хожу?», — выпаливает она, глядя в его чёрные глаза.

Лицо Сашки озаряется пониманием, и он улыбается.

— Конечно, нравится. И блузка твоя, и хвост. И шарф канареечный...

Женька на этих словах шутливо бьёт его в грудь.

«Ты невыносим, — смеётся Женька, — я что, правда, твоя девушка?»

— А ты не хочешь?

— А ты как думаешь?

Женька покраснела отчего-то. А Сашка оглянулся на ребят на школьном дворе.

— Тогда сейчас мы с тобой порвём их шаблоны.

Он осторожно прижимает Женьку к себе и целует на глазах всей школы. Она не знает, как целоваться, но доверяется Сашке полностью, как когда-то после их первого в жизни классного часа.

Она знает, что в классе их не оставят в покое, и дома будут разборки, но какое ей до этого дело?

Какая разница, кто о чём думает, если её сейчас впервые целует мальчик, с которым можно спина к спине драться лопатой и граблями против кого угодно?

В спину шепчет ветер, и сейчас они умчатся на велосипедах подальше отсюда. И, кстати, шарф у неё вовсе не канареечный! А книжку «Как распознать любовь» надо выкинуть, там всё неправильно написано.

4.

Женьке семнадцать. Она сидит в общаге на узкой железной старой кровати, болтает загорелыми ногами в стёртых кроссовках и смотрит, как Сашка с новым приятелем, Виталей, выравнивают стены в её новой общагинской комнате. Сашка за пару месяцев после школы вытянулся ещё сильнее и загорел дочерна.

Женька поступила в педагогический, как мама, на учителя русского языка и литературы.

Общага старая, девять этажей, застрявший лифт, «душистый» мусоропровод между этажами. Дородная комendantша придирчиво проверила её документы и отвела в комнату на четвёртых на седьмом этаже.

В комнате две двухъярусные кровати, железные и скрипучие, Женька забила себе один ярус снизу, у самого окна. На второй нижней кровати у стены кто-то приклеил скотчем бумажный лист. На нём крупными буквами написано «КОВАЛЁВА». Видимо, эта кровать уже забронирована. Две верхние койки пока пустые, заселение в общагу только началось.

В комнате душно и тесно. Солнце здесь, на седьмом этаже, хорошо припекает. Парни раскритиковали комнату ещё вчера, и Сашка с Женькой скинулись на ремонт. Деньги у Сашки есть, он в последние годы у всей деревни числится ремонтником, всё, что угодно, может починить. Вот и поступил на инженера, как мечтал.

Он вчера ходил в свой университет, там полно лабораторий и механизмов. В общем, еле его оттуда вытащили. И не одного, там же обнаружился Виталей из соседнего района, так они за пять минут сдружились. Женька аж заревновала. И теперь парни ровняют стены в комнате, штукатурят. А потом они с Сашкой будут клеить обои.

Сашка смеётся, что это репетиция к обустройству их собственного с Женькой дома. Квартиру им он тоже присмотрел, осталось на неё накопить денег. Или на похожую, если эту к тому времени уже купят.

Обои в комнату выбрали мятно-зелёные, а газовую занавеску Женька купила ещё дома, в селе. Серебристо-серая, она сейчас аккуратно свёрнута в ещё не разложенной до конца громадной дорожной сумке. Зато уже выложены кастрюля, сковородка и кухонные принадлежности. Общага секционного типа, и кухня одна на четыре комнаты, но Женька не унывает. Зря, что ли, она под бдительным оком деда и бабушки всё лето училась готовить?

Она вспоминает, как залетела в дом и стиснула в объятьях бабушку.

«Ну, что такое?», — вытирая пот с лица, спросила бабушка.

«Мне нужно срочно научиться готовить до отъезда в город», — лицо Женьки покраснело.

— Долго же ты созревала.

— Я выяснила у Сашки, что он любит поесть, надо отработать навыки. Саша говорит, нужно подготовиться к самостоятельной жизни.

Бабушка засмеялась и повернулась к Женьке с донельзя довольным видом: «Ну хоть кто-то из вас твёрдо стоит на ногах, а не разглагольствует целыми днями о прочитанных книжках».

Предложение Сашка ей сделал на выпускном балу. Бал Женька помнит плохо. Ей купили красивое молочно-белое длинное муслиновое платье и белые туфли на высоком каблучке. Волосы собрали в тяжёлую причёску, специально к ним домой приезжал парикмахер.

У входа в актовзый зал стоял Сашка, нервно высматривая её в толпе. Он, все школьные годы ходивший то в чёрном, то в тёмно-сером пиджаках и чёрных джинсах, был одет в снежно-белый костюм. И волосы уложил. Даже высокий рост сегодня не был помехой, Женька подошла к нему на своих каблучках.

«Девушка, разрешите пригласить вас на торжественную часть бала», — и подал ей обветренную ладонь. Женька, вся на взводе, перехватила её. «Тебе страшно?», — пробормотала она.

Шла, изо всех сил стараясь не запутаться в платье, пока Сашка вел её до

места для выпускников перед небольшой сценой, украшенной золотистыми воздушными шарами и транспарантом «Выпуск-2015». Вокруг уже толпились учителя и рассаживались её одноклассники и другие школьники.

«Если бы ты не согласилась взять меня за руку, было бы страшно, — отозвался он, усаживаясь в первом ряду возле неё. — Хочешь, больше не выпущу твою руку из своей?»

«То есть?», — она опять покраснела, как всегда при волнении.

— То есть женюсь на тебе!

— Что? А предупредить раньше ты не мог?

Вот теперь ей точно не до бала. И голос охрип, и голова болит, и вообще, похоже, у неё температура. И хочется вскочить и кричать на весь зал, а потом убежать подальше.

«Боялся, что откажешься и убежишь. И будешь потом меня сравнивать с очередными книжными покойниками, — он с тревогой посмотрел на неё. — Тебе плохо? Может быть, выйдем? Тебе не нужно отвечать прямо сейчас».

Но Женьку просто так не проведёшь.

«Решил задний ход дать? — теперь её лицо точно покраснело, но это уже не имело значения. — Вообще-то, это я за тебя замуж выйду!»

Сашка облегчённо вздохнул: «Теперь можно и за аттестатом идти».

На встречу рассвета с классом они не пошли, собравшись двумя семьями у Женьки за праздничным столом.

...Женька выныривает из мыслей. А Сашка ещё не знает, какие она теперь умеет делать котлеты с макаронами. Нельзя парней долго без еды оставлять, а то захиреют. Он часто теряет счёт времени, сутками сидит в мастерской, а потом сразу и завтракает, и обедает, и ужинает.

«Надо отучать», — блаженно шурясы на шербатый потолок, лениво думает Женька. Хотя, университетские мастерские, конечно, составят ей серьёзную конкуренцию.

Они с Сашкой прошли на бюджет, и теперь можно высвободить деньги для покупки будущей квартиры. И на осуществление мечты хватит: они с Сашкой уже присмотрели турпутёвку в Турцию, а там и Троя рядом. Если накопят, через пару лет можно будет поехать. И квартиру купить к окончанию обучения. Снимать жилье они не хотят, слишком дорого.

«Принимай стены, хозяйка», — отрывая её от грёз голос Витали.

Его очки перемазаны штукатуркой. У Сашки в штукатурке и шорты, и футболка, и шапка из газеты.

«Супер, — смеётся она, — ванная в коридоре. Пока не вымоетесь, за стол не пушу. Полотенца в пакете под кроватью».

«А поцеловать за хорошую работу?», — Сашка притворяется жутко обиженным. Женька шутливо отмахивается: «У меня обед готовится».

— Ты научилась готовить? Я дожид до этого момента?

— Иди уже, Журавлёв, мне котлеты

делать надо.

Женька чмокает его в небритую щеку и уносится на кухню. Озадаченный Сашка идёт в ванную, которую уже занял предприимчивый Виталей.

Женька ставит на огонь котлеты и выносит из комнаты мусор. Макароны варятся рядом, на соседней конфорке. Котлеты приобретают нужный тёмно-коричневый оттенок с золотистой корочкой, и по всей секции разносятся пленительные ароматы.

В комнате мокрые после душа парни разложили складной кухонный столик, поставили приборы и продукты.

— Ребята, готовлю самостоятельно в первый раз, так что не обессудьте.

Женька гордо ставит на подставку горячую сковородку, доверху заполненную золотистыми макаронами (совсем чуть-чуть разварившимися) и шкварчащие котлеты с подливкой. Проголодавшиеся и утомлённые после работы парни сметают котлеты с макаронами в один момент, только шум стоит от сосредоточенно жующих челюстей. Ребята запивают котлеты апельсиновым соком прямо из пакета. В ведре ждёт своей очереди клейстер для обоев.

«Журавлёв, женись на ней, — сыто мурлычет Виталей, — прямо сегодня, а то я уведу».

«Обойдётся», — хихикает Женька.

«Жень, отлично готовишь, — Сашка по-хозяйски обнимает довольную девушку, — хочется съесть и еду, и тарелку, и столом закусить».

— Обжора!

— А, прикинь, дети такими же будут, и ты нас не прокормишь?

— Тогда ты будешь готовить им пельмени с кетчупом. И через пару часов они сами побегут в магазин, лишь бы не есть твоё варево.

— Ребята, меня тоже усыновите, я и на пельмени согласен!

Сашка с Женькой краснеют и вытирают выступившие от смеха слёзы. После обеда Виталей уходит, снабжённый на дорожку парой оставшихся котлет.

«А сколько ты хочешь детей?», — спрашивает Сашка на кухне, помогая девушке с посудой.

«Двух девочек, — мечтательно говорит она, — которым я буду рассказывать сказки».

«Они пойдут в мать, — притворно вздыхает он, — будут рыдать над книжным ширпотребом и рассказывать мне, как распознать любовь».

«А вот и нет, — прищуривается Женька, — этот секрет я им передам!».

«И в чём же секрет? Прочитать как можно более жалостливую книгу и поклясться никого не любить», — дразнится Сашка.

«Нет. Посмотреть по сторонам», — важно отвечает Женька, смывая с посуды мыльную пену.

А потом они, как и договаривались, начинают клеить мятно-зелёные обои под музыку из старого плеера. И за окном вторит догорающее лето и шум большого города.

г. Барнаул.

Юрий ПРОСКОКОВ

Родился в 1950 году в городе Горно-Алтайске Алтайского края. В 1958 году семья переехала в Междуреченск. Отслужив в рядах Советской Армии, вернулся и стал работать электрослесарем на разрезе «Томусинский», его трудовой стаж — сорок три года.

Увлекается рыбалкой, охотой. Всю сознательную жизнь посвятил общению с родной природой, отсюда его рассказы и стихи, которыми он с удовольствием делится со своими читателями.

Юрий Владимирович писал стихи со школы, но серьёзно литературой занялся в 2009 году. Печатался в альманахе «Радуга сердец», региональных поэтических сборниках «Лишь слову жизнь дана», «Между миром и войной», «Живите и здравствуйте!», «С праздником!», в хрестоматии по литературе для учащихся 1-11 классов, в антологии поэтов и писателей Кузбасса «Мы из Кузбасса», энциклопедическом издании «Писатели Кузбасса». Он автор книг: «Берега» (поэзия), «Таёжные были» (проза), «Вдыхая запахи тайги» (проза), «Каждому дана своя дорога» (стихи), «Встречая алые рассветы» (проза). Юрий Владимирович — участник многочисленных поэтических фестивалей, конкурсов, концертов, является лауреатом фестивалей-конкурсов «Дружба-2013» в Междуреченске, «Осенний разгуляй» в Прокопьевске и «Дружба-2014» в Междуреченске. Юрий Владимирович — член союза Кузбасских писателей и Российского союза писателей.

Ковыли седые

Василий Иванович задумчиво смотрел в зеркало, в котором словно впервые видел пожилого, седого как лунь, человека: «Господи, неужели жизнь кончается? Да, впрочем, и пора, уже за семьдесят перевалило».

Он взъерошил остатки волос и, заставив себя улыбнуться, сказал, обращаясь к отражению в зеркале: «А не рано ли ты, молодой человек, в землянику собрался? Столько дел ещё не успел закончить. И на Родину надо бы собраться съездить. Сколько же лет я там не был?».

Перед глазами встал, словно наяву, образ родной деревни и степи, бескрайние Кулундинские степи. Он помотал головой, отгоняя видения и твёрдым голосом сам себе приказал: «Всё, откладываю к чёртовой матери дела и еду на Родину завтра же!».

Василий Иванович действительно не был в своей родной деревне уже больше двадцати лет. Всё как-то не мог выбрать время — разные неотложные дела постоянно отодвигали эту поездку.

«Живы ли там какие-нибудь родственники и друзья, — размышлял он — ведь столько лет прошло».

Назавтра с утра он уже мчался на поезде в своё, такое далёкое детство, юность и молодость. На небольшом полустанке, где сошёл, народу не было, и только стояла одинокая кляча, запряжённая в допотопную телегу. Василий Иванович обошёл это средство передвижения и в тени её увидел спокойно кемарившего мужичка.

«Привет, дорогой, — тронул он его за плечо, — до деревни не добросишь?».

«А чего ты там забыл? — поднял на него заспанные глаза дедок, — там и народу-то почти не осталось».

И вдруг, присмотревшись, воскликнул: «Господи, Васька, ты ли это, столько лет тебя не видал!».

Василий Иванович тоже узнал своего друга детства, но в основном только по голосу. На вид он казался гораздо старше его: лысина во всю голову и лицо всё в морщинах, как печёное яблоко.

«Ну здорово, Гришка, — обнял он друга, — не ожидал тебя здесь увидеть, думал и ты в город подался. А в деревне-то чем занимаешься?».

«Да бабок пасу, их много ещё осталось, а деды все перемерли, только я

один жених в деревне остался», — пошутил Григорий.

Ехать на тряской телеге Василий Иванович быстро устал и пошёл рядом, разговаривая с другом, исподволь окидывая взглядом необъятную Кулундинскую степь. Ковыль сплошным белым, словно бархатным ковром, покрывал всё до самого горизонта. Его пушистые метёлки волнами перекашивались под порывами ветра. Словно море, белопенное море плескалось у его ног.

«Красота-то какая, — задумчиво произнёс он, останавливаясь, — вот и мы с тобой, словно эти ковыли, побелели в остатках волос и постарели как древняя степь. А помнишь, Гриша, как мы с матерями ковыль заготавливали на щётки для побелки, ведь все руки тогда были в порезах».

«Как же не помню, — отозвался Григорий, — я старался из дома слинять, когда заготовка начиналась. Правда, потом ремня от отца получал, и всё равно шли за ковылём».

— Ну вот, с Божьей помощью и до деревни добрались. Смотри, что от неё осталось.

Перед глазами Василия Ивановича открылась такая картина — два десятка домов были ещё пригодны для жилья. Но основная часть стояла полуразвалившаяся и заросшая бурьяном. Сердце у него сжалось от такой неприглядной картины.

«А куда же народ-то подевался?», — упавшим голосом спросил он у Григория.

— Да кто куда, кто в город подался, а кто по богатым сёлам разбрёлся, ведь работы здесь никакой нет. Вот, остались старухи, да я, один дед на всех. Хожу по деревне, чем могу, помогаю им. Ведь их дети особо-то своим вниманием не балуют. Редко кто приезжает стариков проводить, да привезти что-то из городских магазинов.

Пока шли до дома Григория, переговаривали со встречными бабками. Те, в отличие от Ивановича, узнавали его сразу, а он их нет, пока не представятся. Да и как он мог узнать в этих сморщенных старухах бывших деревенских красавиц, за которыми, бывало, в молодости прихлёстывал?

Вечером в доме у Григория собрался почти весь женский коллектив дерев-

ни поприветствовать гостя и поговорить. Василий Иванович выложил все гостинцы, набранные в городе, на стол, здесь же появилась бутылочка с ядрёным деревенским самогонном. Проговорили до поздней ночи, пели, вспоминали свою молодость — какими же они были красавицами!

Утром Василия Ивановича разбудил петух-горлопан, он как будто специально устроился поорать у окна его спальни. Отвыкший от такого деревенского будильника Иванович, чертыхаясь, поднялся и вышел во двор.

«Ну, и чего ты разорался, — заговорил он с пернатым нарушителем покоя, — почему гостям спать не даёшь?».

Петух, словно сконфузившись от его слов, боком-боком отступил к гуляющим неподалеку курам.

Иванич поплескался из висевшего на углу дома рукомойника, свежий и взбодрившийся, решил прогуляться за деревенскую околицу. Правда, околицей это сооружение назвать было сложно — когда-то она была построена из нетолстых жердей. Теперь вся эта ограда сгнила, остались стоять лишь редкие полусгнившие столбики.

Сразу за околицей начиналась степь, конца-края которой не было видно. Ковыль сплошным, белым, колышущимся ковром, расстилался по ней, изжив всю остальную растительность.

«Эк, брат, ты разросся, — присел Иванович на корточки, трогая жёсткие стебли, — раньше вроде как поскромнее был».

Ковыль ему в ответ лишь прошелестел своей седой гривой.

Иванич устроился на небольшом бугорке, задумался. В сознании пронеслись годы, прожитые в этих бескрайних степях. Здесь он впервые почувствовал ногами родную землю, познал запах и вкус парного молока, горбушки ржаного хлеба, щедро посыпанного солью. Отсюда много лет ходил за несколькими километрами в соседнее село в школу. Отсюда уходил служить в армию. Здесь же нашёл себе вторую половину — любовь всей своей жизни. Отсюда же, после реформы укрупнения колхозов, перебрался в город. Так незаметно прошла-пролетела жизнь, вся в вечных трудах и заботах о семье, де-

тах, а потом уже и внуках.

От нахлынувших воспоминаний захолонуло сердце, закружилась голова, и он ничком упал на шелестящие ковыли.

Очнувшись уже в доме Григория, рядом сидели две бабульки.

«Ну что, как твоё самочувствие? — пропела-проговорила одна, — слава Богу, очухался, а мы уж думали, померёшь, такой плохой был».

Василий Иванович вслушался в её голос, понимая, что когда-то уже слышал его.

«Ты кто?», — слабым голосом поинтересовался он у бабульки, пытаясь уловить в её морщинистом лице знакомые черты.

«Да Люба я, — старушка наклонилась к нему, — забыл, как за мной ухлёстывал в молодости, а в жёны взял мою соперницу Аньку».

Он вспомнил. Вспомнил те далёкие, тёплые летние вечера, когда они с Любой сидели, обнявшись на берегу небольшой речушки, под раскидистой плакучей ивой. От этих воспоминаний сделалось тепло на душе и легко.

«Ты прости меня, Любушка, ревность тогда сыграла со мной злую шутку, — он взял её морщинистую руку и поцеловал, — прости и не держи на меня зла».

Через пару дней Иванович почувствовал себя лучше и засобирился домой.

«Ты погостил бы ещё немного, — уговаривал его Григорий, — а то мне одному здесь с бабками тоска! Или, может, останешься в деревне насовсем?».

— Да нет, друг, у меня там теперь дом, там мои дети, внуки. А тут я теперь просто гость, только и всего. Погостил, пора и честь знать.

Пока ехали до полустанка, Василий Иванович старался изо всех сил насмотреться на родную, когда-то такую любимую ковыльную степь.

«Вот и всё, — шептали его губы, — прощай, моя Родина, прощайте дорогие сердцу ковыльные степи, — по его лицу поползла скупая, старческая слеза. — Прощайте, никогда мне больше не суждено свидеться с вами, ковыли седые...».

г. Междуреченск

Евгения Шкаева

Евгения Васильевна Шкаева родилась 21 сентября 1954 года в посёлке Мундыбаш Кемеровской области. Окончила Сибирский металлургический институт в 1979 году и по направлению уехала в Юргу. Работала инженером-технологом в кузнечно-прессовом цехе Юргинского машзавода.

Первые стихи начала писать в Юрге. Перехав в посёлок Малиновка, устроилась лаборантом химводоочистки в котельную разреза «Осинниковский». Занятие творчеством пришлось отложить, так как в то время у неё подрастали две дочери. Но в 1994 году её попытки выразить своё отношение к жизни в стихах возобновились. В 1998 году она стала посещать занятия в клубе любителей поэзии при центральной библиотеке г. Осинники. Первый авторский сборник Евгении Шкаевой «Сквозь призму сердца» вышел в 2003 году. Затем в соавторстве с поэтессой Тamarой Погребняк вышел сборник «Созвучие». В компьютерном варианте вышли сборники – «Зеркало души» и «Мысли о вечном». Евгения Васильевна состоит в клубе авторской песни «Песни белых облаков» г. Калтан.

Не говори о счастье впопыхах

Псалом девяностый

В том, далёком уже,
Сорок первом году
Мать сыночка
На фронт провожала.
Чтобы выжил солдат
В том кровавом аду,
В гимнастёрку
Псалом зашивала.

Хоть и ранен был сын,
Но с победой пришёл.
В мирной жизни
Он стал трактористом.
И по сердцу себе он
Подругу нашёл. Говорил:
«Сын мой станет танкистом».

И в Афгане потом
Тот сынок воевал.
Пусть не вышел
Он статью и ростом,
Но, в кармане зашитый,
Его сохранил тот же самый
Псалом девяностый.

В СВО, в наши дни,
Старший брат уходил –
За Донбасс и за нашу Россию.
В балаклаву ему я псалом
Тот зашил, твёрдо веря
В молитвы той силу.

Вновь Россию терзают
Лихие враги.
Нападают, как псы из засады.
Ты средь битвы, Господь,
Всех солдат сбереги.
А молитвою с ними
Мы рядом.

Вместе с мамой мы
В церковь святую пойдём
У иконы Христа помолиться.
И за здравие брата
Мы свечи зажжём,
Чтоб живому ему возвратиться.

Письмо солдата

Когда за новогодний стол садясь,
Где сервелат, селёdochка в укропе,
Вы поднимите первый тост за нас,
Солдат, кто на войне, в окопах.

У вас, конечно, праздничный салют,
Ведь Новый год, есть повод веселиться.

Нам злые «птички» жизни не дают.
А за убитых лучше помолиться.

Нет, вас ни в чём не упрекаем мы.
И детям новогодний праздник нужен.
Свою страну спасаем от войны,
И нет деликатесов нам на ужин.

Спасибо вам за тёплые носки,
За сети, их нам прислано немало,
За письма. Их душевной теплоты
Нам здесь, в окопах, так не доставало.

Поверьте, мы не осуждаем вас.
Мы только просим искренне молиться
За скорую победу и за нас –
Хотим живыми к семьям возвратиться.

Метель

Как вакханка в неистовом
танце кружилась,
Выла в трубах высоких на все голоса.
Белоснежным ковром
в чистом поле стелилась,
Снег колючий швыряла
проходим в глаза.

По дорогам позёмкою лёгкой змеилась,
Волны застругов белых громоздя наутад.
В снежных норах своих
всё зверьё затаилось,
Куропатки под снегом,
притихнув, лежат.

А под вечер от пляски
своей притомилась,
Прилегла отдохнуть.
И, свернувшись клубком,
сном тревожным забылась...
А по небу метелью летел Млечный путь.

Старый шахтёр

Давят годы по плечам,
Снится шахта по ночам.
Много лет трудился в ней шахтёр.

Вся бригада, как семья,
Все товарищи – друзья.
В праздник душевный разговор.

Жизнь стремительно прошла.
Вот и пенсия пришла,
Но всегда находятся дела.

Кто-то с удочкой сидит,
А другой с похмелья спит,
А кого-то шахта забрала.

Сыновья пошли в забой
За шахтёрскую судьбой.
А внучата – дедушке отрада.

Был бы мирным небосвод,
Да в достатке жил народ –
Лучшего шахтёру и не надо.

Зимняя зарисовка

Вот на подоконнике
На льняной салфеточке
Белый кот, сощурившись,
Царственно лежит.

За окном снежиночка
На кленовой веточке
Маленьким алмазиком
Трепетно дрожит.

Голуби нахохлились:
Не весна на улице,
До неё три месяца надо потерпеть.

Старый клён на холоде
Как старик, ссутулившись,
Снегом укрывается,
Чтоб не заболеть.

Зимние картины

Опять волшебница-зима
Из снега строит терема
И укрывает все леса
Пушистой шалью.
Все реки заковала в лёд,
Морозит нас, честной народ,
Окошки смело расписав
Резной вуалью.

А на рябине снегири
На фоне утренней зари...
Ты зачарованно смотри
На ту картину.
И весь в снегу стоит плетень,
Надвинув шапку набекрень.
А старый клён стоит
Как тень, согнувши спину.

Июльский ветер

Июльский ветер – резвый шалунишка,
Берёзоньке причёску растрепал.
И, как мужик, чуть-чуть
хвативший лишку,
В устье вдруг заухал, засвистал.
Играючи сорвал бельё с прищепок,
По речке тёмной рябью пробежал,
А тополи, что с виду был и крепок,

Тот ветерок вершину обломал.
Хмелея от просторов и восторга,
Погнал по небу стаи облаков.
Со спин коров, что спали у пригорка,
Сдул беспощадно злобных оводов.
И, напоследок, чуть покуролесив,
Упал поспать в высокую траву.
Жара, спускаясь тихо с поднебесья,
Ложилась на притихшую листву.

Время нашей любви

Время нашей любви –
Это время горения спички,
И минуты свиданий
Годами разлуки грозят.
По привычке «привет». И «прощай».
Всё по той же привычке.
Не вернуться нам в юность,
И время не сдвинуть назад.
Нас друг к другу домчат
И автобусы, и электрички.
Застигает врасплох
На перроне лихая гроза.
По привычке молчим,
Да и лжём всё по той же привычке,
А от боли чужой
Торопливо отводим глаза,
Расставляя в судьбе
Запятые, тире и кавычки,
Мы ругаем соседей,
Снегопады, туман, гололёд.
Не сумев сохранить
Все достойные жизни привычки,
Умираем с тоски,
Если крупно кому-то везёт.

Герань

За окном метель осатанелая
Напрочь все тропинки замела,
А на подоконнике несмелая
Белая геранька расцвела.
Лепестки, как крылья нежной бабочки,
Что порхает не в своей поре.
И цветку счастливо улыбается
Женщина, проснувшись на заре.
Пусть метель в стекло

снежком швыряется –
Тщетны завывания её.
Жизнь, назло невзгодам, продолжается,
И уходит прочь небытие.

Не говори

Не говори о счастье впопыхах,
Что суждено, тому, конечно, сбыться.
Когда витаешь долго в облаках –
Соломки постели, чтоб не разбиться.

«...Разговоры за чашечкой чая»

В начале 2001 года пенсионер шахты «Тырганская» Фарит Давлятшин, давнишний читатель библиотеки №23 при ДК имени Маяковского города Прокопьевска, обратился к сотрудникам библиотеки с инициативой о возрождении клуба любителей поэзии, который существовал при Дворце культуры тридцать лет назад.

Галина Николаевна Бабушкина, заведующая библиотекой, и её коллеги поддержали энтузиаста.

3 февраля на первое заседание клуба пришли Фарит Давлятшин, Владимир Шишкин и Наталья Миллер. Все они занимались стихотворчеством и были участниками уже существовавшего в ДК «Ясная Поляна» объединения поэтов «Вдохновение». Затем к ним присоединились Николай Ключков, Нина Бобрышева, Любовь Сбытова, Галина Бастрыгина, Любовь Хабарова, Леонид Турчин, Анатолий Фёдоров, Геннадий Красников, Михаил Алексеев. Название привязали к месту рождения клуба. Так он стал «Маяком», который излучает свет душевного тепла, помогает видеть прекрасное повсюду.

*«Маяк» — воплощение земного уюта,
Иззябшей душе ощущение приюта.
Стихи, разговоры за чашечкой чая
О судьбах Вселенной, о нуждах трамвая...
Стихи откровенны, как первые грозы,
Чисты и солёны, как честные слёзы,
В стихах сыроватых стремление к полёту
И резкий протест бытовому налёту.
В них красною нитью —*

*активность сознания
И толкование основ мироздания.
И пусть на известность у них мало шансов,
Цепляют покрепче бразильских сансов.*

Это стихотворение Леонида Турчина — характеристика особой атмосферы внутри клуба, противостояние агрессии, равнодушию и разобщению.

Фарита Давлятина избрали председателем клуба, но с самого начала Галина Бабушкина фактически руководила клубом, организовывала встречи поэтов с учащейся молодёжью Прокопьевска, ветеранами, общественными организациями, воспитанниками детского дома №7.

«Маяковцы» участвовали в культурных мероприятиях города. Очень украшали выступления песни на стихи поэтов в исполнении Николая Ключкова, Наталии Арбатской.

С богатым поэтическим багажом в 2002 году пришёл в клуб шахтёр и поэт Виктор Савинков. «Маяковцы» сразу высоко оценили его поэтический дар и, вдохновлённый их признанием, он вскоре издал свою первую книгу. Позднее вышли в свет ещё четыре его книги, и по представлению книг в декабре 2004 года на первом съезде литераторов Кузбасса всех поколений Виктор Савинков стал первым в городе членом Союза писателей Кузбасса.

Затем выпустили сборники стихов Фарит Давлятшин, Татьяна Мухомова (Гарбу-

зова), Дина Нагорнова, Тамара Бушкова, Иван Горбаченко, Геннадий Ионов, Нэлли Смирнова, Эльвира Вавилова.

Под руководством М.А. Смокотина представители клуба вошли в коллектив авторов книги о трудовых династиях города «Жемчужина России». Клуб расширил диапазон творческой деятельности до литературно-творческого объединения, поскольку тематика стихов и прозы была достаточно разнообразна: лирика, басни, сочинения для детей, философское осмысление прошлого, настоящего, будущего нашей страны и его народов. Объединение возглавила Дина Нагорнова, сменив переехавшую в другой город Галину Бабушкину.

Литературно-творческое объединение вышло за рамки городского, проводит встречи с литераторами городов Кузбасса, участвует в областных, региональных фестивалях. «Маяковцы» сделали приют «Кузбасский» в районе Лужбы местом своих встреч, где дышится и пишется легко.

Владимир Шишкин и Эльвина Симонова сопровождали детей из Братства православных следопытов в путешествиях по Кузнецкому Алатау. Руководитель ЛИТО Дина Нагорнова вместе с Николаем Нагорновым при поддержке членов объединения и отдела культуры организовали в Прокопьевске городскую фестиваль «Осеннее многоцветье», который через семь лет получил статус областного и привлёк к себе много участников из разных мест.

«Маяковцы» издали два коллективных сборника «Свет надежды» в 2006-м и в 2013 годах. Поэзия объединила местных авторов как близких по духу людей, которые заряжают земляков любовью к прекрасному. «Когда тоскливо, горестно бывает, От бед моих, ошибок и тревог, Поэзия меня любовно обнимает, И, видно, без неё я б жизнь прожить не смог», — писал Фарит Давлятшин, а Владимир Шишкин добавил: «Среди книг библиотечных, С самоваром на столе, Встретишь здесь друзей сердечных, Света луч в духовной мгле! По субботам каждый месяц Приходи к нам, стар и млад, Пусть «Маяк» сильнее светит, Он ведь светом душ богат!».

Вот уже двадцать пять лет «Маяк» несёт прокопчанам свет и тепло своих творческих строк, в которых звучит любовь к природе, людям и родному городу. Многих ярких и самобытных членов клуба уже нет, но их талантливые произведения в городе знают и любят.

Так, в 2023 году к Дню города и Дню шахтёра Артём Старченко, музыкант из Москвы, выросший в Прокопьевске, написал замечательную песню на слова Наталии Миллер «Город Прокопьевск». Песня легла в основу музыкального фильма, созданного творческими силами города.

Любовь Хабарова

Любовь Хабарова

Биография

Разгар войны, суровая година, Повсюду горе, разрушенья, кровь, Но жизнь идёт, она непобедима, И в дни войны рождается Любовь. Тамбов в тылу, но и ему досталось От бомбовых ударов пострадать. Родители под бомбами встречались, Об этом позже вспоминала мать. Отец был ранен, но живой вернулся В послевоенный год сорок шестой. За ним всю жизнь военный след тянулся, Он был из тех, кто опалён войной. В Прокопьевск перевёз жену и дочку, Мать — сирота, а здесь — отца родня. В землянке жили, маленькой, но прочной — Такое детство было у меня. Вторая школа, увлечений куча, Манил неясных ожиданий свет... Судьба, призвание или просто случай — И вот он, Томский университет! У города особые повадки: Хотя в воздухе настоль веков разлит, Среди домов старинной кладки Студенческая молодость бурлит. И я прошла сквозь тернии науки, Здесь испытала вдохновенья миг, Здесь появились юности подруги, Здесь окунулась в царство лучших книг. Научная карьера развивалась, Но жизнь, как говорят, хитрее нас. С любимым Томском я рассталась И снова возвратилась я в Кузбасс. Прокопьевск родиной стал детям, внукам. Здесь создавала свой семейный дом, Осваивала горные науки, С шахтёрским познакомилась трудом. Прожиты жизни главные страницы. И счастьем наполняются глаза, Когда гляжу на внуков молодые лица И слышу их родные голоса.

Прокопьевские улицы

Прокопьевские улицы — они такие разные: Жемчужная, Отрадная и Штрековая есть. Когда иду по улицам, то вижу очень ясно я, Что можно по названиям историю прочесть: Славянская, Крестьянская, Российская, Советская И на Союзной улице меня родные ждут, Балтийская, Эстонская, Кавказская, Грузинская, На Украинской улице — везде друзья живут! Когда пройду по улицам Донбасской и Житомирской, Найду людей приветливых, хороших и простых,

И если мы когда-нибудь поближе познакомимся, Однажды в воскресенье я погощу у них. Пройду по Симферопольской, Луганской, Львовской, Керченской, На Миргородской улице я тихо постою, Хранят здесь отношения спокойные, соседские И каждый любит Родину и улицу свою. Прокопьевские улицы — они такие разные, Но все как география одной большой души. И пусть на этих улицах побольше будет праздников И будут все в согласии и в добром мире жить! По улицам Содружества, По Мирной, Равноправия, По Международной улице нам хочется пройти, Пусть будет у политиков такое же желание — И это очень правильно, другого нет пути!

Шахтёрский город

Шахтёрский город без шахтёров — Не совершим к забвенью шаг! Мы сделаем прекрасным город И не забудем старых шахт! Судеб шахтёрских отголоски Хранят пласты закрытых шахт, Копры на Тырганской, Зенковской О том, что было, говорят. Рабочий высочайшей пробы Шёл на работу, как на фронт, И прилагал старанья, чтобы Достичь последний горизонт. Тоннели, квершлаг и штреки, Стволы, уклон, ходок и скат Для знающего человека — Подземных улиц адреса. Работа на крутом паденье Порой опасностью грозит, Когда идёт пород сдвижение И кровля слабая трещит. Удары горные нередки: У шахты непокорный нрав, Но вновь катились вагонетки С угледобычей на-гора. Шахтёрский труд, он был в почёте, Его героев имена Вы в книге памяти найдёте, И ими славилась страна.

Осеннее осенение

Не верь диагнозам врачей, Не верь прогнозам, И в тихой заводи ночей Забудь про слёзы. Не сожалея ни о чём, Мы рвём оковы И в измерении другом Живём по новой. Пусть не осталось ни следа От прежней прыти, Но не иссякнет никогда Поток событий. В бездонный временной проём Мы лето сбросим, К нам с многоцветным сентябрём Приходит осень. Наряды яркие рябин, Листвы круженье, Всё это многоликий гимн Поры осенней! Не верь погодным мудрецам, Не верь в приметы, Не верь тому, что скажешь сам, А верь поэтам! Стихами устилают путь Проникновений, И это основная суть Поры осенней.

Наталья Миллер

Наталья Миллер (1950 - 2011 гг.) стихи писала с детства. Публиковалась в местных газетах, в коллективных сборниках поэтов клубов. Много песен написано на стихи Натальи Миллер. В 2023 году ко Дню шахтёра композитор и певец Артём Старченко написал песню на стихи Натальи Миллер. С Прокопьевском у Натальи была очень тесная связь. «Построю замок из песка, он рухнет через миг. Вот так в груди моей тоска вдруг превратится в крик, крик нестареющей души, что просится к перу и к шелесту листьев в тиши, и к ласке поутру», — так она писала о себе.

Белые снега укрыли землю.
Кажется, к весне дороги нет.
Подо льдом река безмолвно дремлет,
Клён стоит без листьев, как скелет.
Солнце робко выглядывает и снова
Спрячется за снежной пеленой.
Да, в Сибири зима сурова,
Но не устоять ей пред весной.
Ничего, как будто, не случилось,
А уж воздух ею напоён.
Льдинки от лучей так накалились,
Что повсюду слышится их звон.

Говорите мне о любви

Говорите мне о любви.
Говорите слова мне красивые,
Чтобы пели в душе соловьи,
Чтоб побыть хоть мгновенье счастливой.
Говорите. Тепла, ой, как хочется.
Я озябла без ласковых слов.
Моё тихое одиночество
Может, снова поверит в любовь.
Будут снова рассветы в розовом,
Ночи в звёздном будут плену.
Месяц в свежих сережках берёзовых
Нежно, нежно скользит по окну.

Жизнь — счастье

По городу опять гуляет осень.
А мы её совсем, совсем не ждали.
Печальна зелень у мохнатых сосен,
Застывших в толстом, рыжем одеяле.
По небу стайкой проплывают тучи,
Роняют слёзы об ушедшем лете.
Всё хорошо, хотя могло быть лучше —
И солнце ярче, и счастливей дети.
Я не грущу, я с осенью в обнимку
Брожу по улицам, разбрызгивая лужи.
В корзину памяти бросает ветер снимки,
Оранжевым кольцом из листьев кружит.
Не по-осеннему всё голубое небо
Разрезал лайнер на две равных части.
Не жаль, что Бог мне крыльев не дал.
Он дал мне жизнь! Какое это счастье!

Как говорится, жили мы не густо.

Варила мама часто вкусный борщ.
Фасоль, картошка, сочная капуста —
Всё с огорода будет, коль польёшь.
Чем поливать? Далась нам та водица.
Носили с коромыслом на плечах.
Помыться, постирать,
просто напиться,
Да не забыть, дай Бог, об овощах.
А овощи росли на зависть людям
Водой и потом нашим политы.
Как красовались на осеннем блюде,
Что глаз не оторвать от красоты.
И мы росли, выросли наши мысли.
Вновь слышу детский смех я во дворе.
Года прошли и слово «коромысло»
Осталось только в русском словаре.

Космонавтов и артистов миру дал родной Кузбасс

Пусть жемчужинка искрится.
Закономерность в этом видим мы.
Два года уже наш «Маяк» сверкает,
Как солнца луч средь яростной зимы.

В начале февраля его рождение.
Сюда идём мы с чистою душой
Ещё и потому, что вдохновение
Нам дарит Бабушкина — верный рулевой.

Я не припомню даже заседания,
Которое прошло бы без неё.
И титул ей дарю «Мисс Обаянье».
Уроки мудрости у Гали мы берём.

Ей так к лицу все наши комплименты,
Которые от сердца, без прикрас.
Любые жизни всплески и моменты
Она душой доносит до всех нас.

Роль слова в нашей жизни многогранна.
Я их для Бабушкиной сердцем говорю.
Желаю счастья милой, доброй, славной,
Здоровья и любви! Всё это ей дарю!

01.02.2003 г.

О, жизнь!

Не насладиться вдоволь жизнью мне,
А как она поистине прекрасна!
В своей неповторимой новизне
Встаёт предо мною ежечасно.

Вдыхаю аромат её лугов,
Брожу полями,
Над рекой склоняюсь.
Всё это длится множество веков.
О, жизнь, перед тобой я преклоняюсь.

Я — человек, я — высшее творенье.
Я Богом создан, им же и храним.
Как дорого мне каждое мгновенье,
Ведь каждый жизни миг неповторим!

Перестань меня мучить
Запоздалое что-то.
Я закрылась на ключик
От себя, от кого-то.

Я не вижу рассвета,
Я не слышу прибоя.
Я, наверное, где-то.
Что со мной, что такое?

Незнакомые люди,
Неизвестные факты.
Что со мной дальше будет?
В пьесе сыграны акты.

Перепутались только
Почему-то местами.
Вот и мучает больно
Непогасшее пламя.

Виктор Савинков

Писать стихи Савинков начал в четвёртом классе. Повзрослев, он стал заниматься в литературной группе при городской газете «Шахтёрская правда». Виктор Савинков 35 лет отработал в шахте, стихи писал всю жизнь. В его стихах есть всё: любовь к Отечеству, к женщине, к алтайской родине предков, к шахтёрскому труду, он тонко чувствовал обаяние сибирской природы. В 2002 году Виктор Иванович пришёл в литературный клуб «Маяк». Виктор Савинков издал пять сборников стихов.

На Третьем внутреннем прекрасная погода

Шахтёру в глубине, в забое проще нет труда,
Шахтёру в шахте всё по духу, всё с руки,
Здесь, под землёй, пласты крутые,
круче некуда,
И уголёк берут крутые мужики.
В природной глубине
жестокость прорывается,
И это шахта, и не надо забывать,
Что там, где тьма с бедой
наедине встречаются,
Бывает трижды то, что не должно бывать.
На Третьем внутреннем нелётная погода,
На Третьем внутреннем неважные дела,
Лежачую накрыла крепкая порода,
А по висячей кровля слабая пошла.
По опыту бывших удач, как по наитию,
Породный выступ горняком за смену взят,
И тяжестью всей щитовые перекрытия,
Ломая уголёк, вниз по пласту скользят.
Идут бескровные за добычу сражения,
И звёздам на небе, и лицам хорошесть,
Ведь у забойщиков, достойных уважения,
Всегда в кармане план и праздник на душе.
Шахтёров в гущу земли за славой год за годом
Ведут отваги и любви колокола.
На Третьем внутреннем прекрасная погода,
На Третьем внутреннем отличные дела!

Зов предков

Шагаю шахтным коридором
На грани уровня морского,
И первобытный мир от взора
В громаде каменной закован.
Храня труда большого метки,
Уходит в темь за штреком штрек.
Таинственные жили предки
Здесь где-то в каменный свой век.
Чем дальше пробиваюсь в шахту,
За каждым годом и верстой,
Мне всё слышнее уголь пахнет
Смолистой древней теплотой.
Здесь, под землёй, в глухую полночь,
Чтобы свободы дух постичь,
Дикарь, зовя к себе на помощь,
Гортанный исторгает клич.
Кроша буром конгломераты,
В планету углубляя путь,
Очаг времён матриархата
Я отыщу когда-нибудь.

Шахтёрское небо

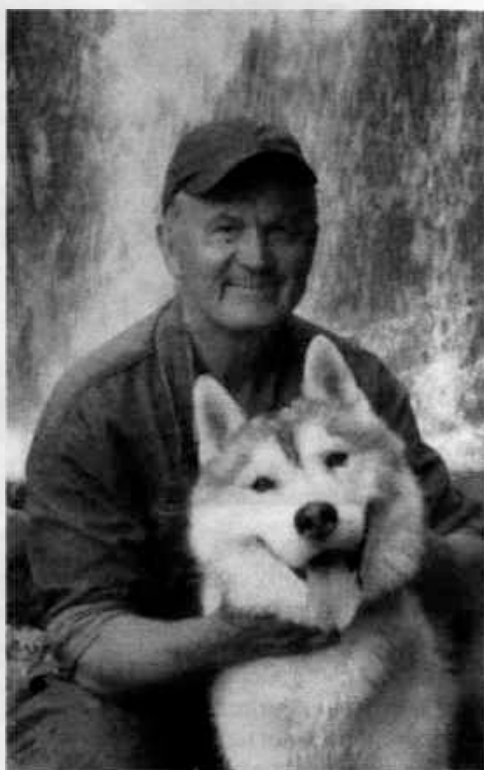
Не мной ковёр хорезмский вышит,
Не мыл я золото на драге,
Мне по забоям штанга пишет,
Как карандашик по бумаге.
Мрак вечности проходчик будит
Призывным звоном топора,
Я знаю, послезавтра будет
Всё то, что испытал вчера.
Людским вторжением разгневан
Восстанет слепо пласт крутой,
И будет угольное небо
Пошаливать над головой.

Дано от синего рассвета
Прийти не каждому сюда,
И этот звон, и небо это —
Парней отчаянных судьба.
Я б мог не видеть эстакады,
Вести корабль во мгле стихий,
Я мог бы даже, если надо,
Слагать красивые стихи
О том, что было и проплыло,
Как грусть ясна, как боль нежна,
Меня бы трепетно любили
Чужая и своя жена...
Но всё равно, из всех затиший
Штрека и скаты позовут,
Первостепеннее и выше
Опасный оценю труд.
Горняцкой поступи отвага —
Её не купишь, не продашь...
И по забоям пишет штанга,
Как по бумаге карандаш.

За седьмым горизонтом

Мою нежность к тебе голубые снега замели,
Но я буду твоим, убивая любовью морозы.
За седьмым горизонтом, за тихою
далью земли,
В аромате садов расцвели мои алые розы.
Если я потеряюсь или вдруг упаду на бегу,
Обо мне не печаль свою память слезами.
Без тебя я ничто, без тебя я нигде не смогу,
Я найду тебя даже с закрытыми
в полночь глазами.
Мне везде на земле, мне под солнцем
всегда хорошо,
Средь людей мне везло, я святыми
целован устами.
Не ищите меня, я не где-то, я просто ушёл
За седьмой горизонт, чтоб к рассвету
вернуться с цветами!

Я слagal стихи как только мог,
Рифмою увесистой, неброской,
Не судите мой тяжёлый слог,
Я — поэт окраины шахтёрской.
Мужество и труд соединяя,
От угля под потом знойным
Люди, вдохновившие меня,
Мрамора и вечности достойны.
Пел я, вашей удалю звеня,
Вы словами мне платили втрое,
Почему-то вдруг не стану я,
И мои забудутся герои.
Я не спорю, быть или не быть.
Мне до ореола алой славы,
Знаю, никогда не переплывть
Самой долгожданной переправы.
Строго отнесясь к своей вине,
Не простит рабочая окрестность,
Что на самой звонкой глубине
Навсегда уйду я в неизвестность.
И меня обиженно ругать
Будут меж собой отвагой свойской,
Что не мог стихи слагать
Паренёк с окраины шахтёрской.

Владимир Шишкин

Владимир Васильевич Шишкин родился в Прокопьевске. После окончания горного института его призвали в армию. Служба проходила в городе Пушкин, бывшем Царском Селе, где провёл лицейские годы Александр Пушкин. После службы Владимир Шишкин отработал 34 года на шахтах имени Калинина, «Тырганская», «Зенковская».

Известен в городе как поэт, турист, мастер фотопейзажей. Выступления Владимира Шишкина в любой аудитории (взрослой, детской) пользуются неизменным успехом, его любовь к сибирской природе, к родному краю живёт в стихах, фотокартинах и передаётся слушателям и зрителям. Его стихи публиковались в коллективных поэтических сборниках и кузбасских газетах. Он выпустил несколько сборников.

И опять по Божьей воле

Ведь ещё со средней школы
Всё о нём известно мне.

Говорят, что видеть лучше,
Чем услышать много раз.
Одно дело — слышат уши,
А вот когда увидит глаз!

И опять по Божьей воле
В город Пушкин я попал!
Был сентябрь, пылала осень,
Гений нам о ней писал!

Я по парковым дорожкам
Завороженный ходил!
И везде, в беседке каждой,
Дух Поэта рядом был!

Это было словно в сказке!
В ярком, детском, добром сне
Те же Пушкинские краски
Бередили душу мне!

Вот дворец Екатерины,
А за ним
Его лицей!
Здесь Поэт писать учился
И творил в кругу друзей!

Быстро время пролетело,
Вот и службы срок истёк.
Жить в войсках — не наше дело,
Надо ехать на восток.

Заждалась Сибирь родная:
Реки,
горы
и тайга!
Есть ли где ещё такая?!
Мне природа дорога!

Да, пришла пора прощаться
С градом милым на Неве...
Дух Поэта, бывший рядом,
Пожелал удачи мне!

Помни, друг мой прокопчанин,
Всё, что ты увидел здесь.
Знаю, много мест прекрасных
И у нас в Сибири есть.

Но неважно, где ты будешь:
Средь лесов или полей,
Знаю, верю: не забудешь,
Что здесь мой и твой Лицей!

Будет трудно, обращайся!
Счастливым будешь, поделись!
Вникнуть в жизни смысл старайся
И твори, брат, не ленись!

Получив благословенье,
Горняк в Прокопьевск укатил,
Но все чудные мгновенья
До сих пор не позабыл!

Друзья! Могу сказать вам смело:
«Мне Пушкин помогает жить!
Дантес сразил лишь только тело,
Но дух Поэта — НЕ СЛОМИТЬ».

Осень

Какая осень нынче затяжная.
Немало было тёплых дней,
Я краше осени
прокопьевской не знаю.
Её люблю и не расстанусь с ней!

С большой горы, что Тырганом зовётся,
Я наблюдаю красочный пейзаж:
Тайга поёт, и красок пенье льётся,
Нас приглашая на осенний вернисаж!

Гора Барсук
в туманной дымке дремлет,
Сквозь шум листвы звенит кедров.
Ему берёзка тихо внемлет
И иногда дождик слышен плач.

Здесь зелень хвои
чередуется с багрянцем,
То у сосны рябинки кружат хоровод,
Среди берёз осинка светится румянцем,
Мешками из лесу грибы несёт народ!

Чего скрывать, щедро у нас природа,
Всё без остатка людям отдаёт,
К себе манит в любое время года
И от людей взаимности всё ждёт.

Поздняя весна

Весна немного запоздала,
Июнь кончает свой пробег,
У нас в Кузнецком Алатау
Ещё не весь растаял снег.

В Лужбе черёмуха с баданом
Свои надели кружева,
Купальниц вспыхнули поляны
И набирает цвет колба.

А у меня на Адмиральском
Сегодня ночью минус три,
И за окном три дня ненастье,
На мне одёжек тоже три.

Но я надежды не теряю,
Рукою глажу кандыки

И из парной в Казыр ныряю!
Прорвёмся к лету, мужики!

Смышляевский бор

Как чудесен наш мир многоцветный,
Как прекрасен сибирский мороз!
Погружаясь в туман предрассветный,
Я роняю горошинки слёз...
Мне Смышляевский бор всех роднее,
В нём, как в храме, блаженствую я!
Он весною цветами пестреет,
Там зимою лыжня ждёт меня!

Как сочувствуем мы африканцам:
Видят снег они только во сне!
Я ж зимой в нём могу искупаться
И стихи написать на лыжне!

Ну, а если метели и вьюги
Забуряют, украсят тайгу,
То музеем всё станет в округе!
Я на лыжах его обегу!

Дятлов дробь барабанная лихо
Маршем праздничным мне прозвучит,
В ивняке фыркнет тихо лосиха,
От испуга сорока взлетит.

Белой молнией заяц промчится,
Подгоняемый лисьим хвостом.
Это всё будет ночью мне сниться,
В сказках внукам родным.

Апрельский концерт

Апрельский тёплый полдень, улыбаясь,
Прогуливал аллеей прокопчан.
И пробуждением природы упиваясь,
Оркестр душ людских звучал!

Мирская суета вдруг испарилась,
На задний план куда-то отошла.
И лужа талых вод искрилась,
Завязла в вербе первая пчела...

Над лужей той раскидистая ива
Взмахнула ветками,
как бравый дирижёр.
И из воды вдруг зазвучало диво —
Запел лягушек здешних хор!

Негромкий, мелодичный,
многострунный
Дарила нам природа ква-концерт!
Ему внимал шахтёрский
город шумный,
Быть может, в первый раз
за много лет.

В январских воротах стояла зима.
Прошло Рождество и Крещение,
В сугробы одев и поля, и дома,
Царило оцепенение...

Я шёл по посёлку, домой торопясь,
Собраться на смену ночную,
И пели снежинки, на солнце искрясь,
Морозову песнь озорную.

Вдруг что-то заставило их замолчать,
Иль петь свою песню потише,
И я, было, начав о чём-то мечтать,
Взглянул на деревья и крыши.

На веточках клёна, в гирляндах семян,
Рубиновым яблоком рдея,
Как сказочный сон или детский обман
Красавицы-птицы сидели!

Их клён-великан, как гостей, угощал,
Лишь слышался шорох,
так шёлкали клювы...
Дыханье замедлив, я тихо стоял,
Слегка приоткрыв чуть озябшие губы.

А шесть снегирей, что наелись семян,
Уселись на крыше соседнего дома.
Шесть алых шаров среди снега полян
Напомнили строчки
из песни знакомой!
«Яблоки на снегу, розовые на белом...»,

Но голос за кадром мне тихо сказал:
«На смену, дружок, опоздаешь!».
Я птицам легонько рукой помахал,
Бегом направляясь к трамваю.

К юбилею А.С. Пушкина

Получив диплом горняцкий,
Был несказанно я рад,
Что исполнить долг гражданский
Ехать должен в Ленинград!

После кафедры военной,
Как Отечества сыны,
Эдак, года два, примерно,
Мы в войсках служить должны.

Знать, была Господня воля
Ехать в город на Неве!

Чудо на Пасху

Апрельский тёплый день
был на исходе,
Пасхальный звон над соснами летел.
Всё ликовало в мире и природе,
Я шёл из храма и душою пел.

Вдруг меж стволов молоденьких сосёнок
Мелькнул красавицы-косули силуэт.
Я рот раскрыл, как маленький ребёнок,
Задав себе вопрос и не найдя ответ.

Как и откуда в городе шахтёрском,
Средь саж и марева и грохота машин,
В сосновом парке
реденьком, неброском
Вдруг появился леса господин?

Я замер, наблюдая, как косуля,
Пленяя грацией, свой продолжала путь.
О, Господи, не дай, чтоб злая пуля
Ей помешала ко друзьям примкнуть!

Чуть позже я узнал, что к нам приехал
Новосибирский на колесах зооцирк.
И сторожам зверинца не до смеха,
Грозят им штрафы и начальства крик.

Ведь зверя упустили, проглядели.
Где взять замену, рассчитаться как?
А я молюсь, чтоб зверь, достигнув цели,
Нашёл приют в прокопьевских лесах.

Так в светлый праздник наш вселенский
Господь на волю ту косулю отпустил.
Почти как встарь,
когда народ еврейский
К свободе из Египта уходил.

Кончается сезон

Ранним мартовским утром
лазурная высь
Тихо шепчет: «Дружочек,
от сна пробудись,
Лень и дрему из дома скорее гони,
И в окно, что на рошу
выходит, взгляни!».
Там искрится, звенит
свежевыпавший снег,
Спящий прелести той не увидит вовек.
Я с волнением в груди быстро
лыжи беру,
Чтобы рошу лыжнёю объять поутру.
Чтоб услышать весенний
чарующий звон,
Где оркестром звенит
светлых сил гарнизон.
Чтоб лыжнёй расписать
снежный тающий склон.
Жаль, кончается лыжный сезон.

Зимний Эрмитаж

Я шагаю на лыжах по лесу
Средь искрящейся бахромы.
Вьюга ночью здесь ставила пьесу
На подмостках седой зимы.

Полон сказочных декораций
Наш Смышляевский бор.
Дятлов стук здесь вместо оваций
И синичек весёлый хор.

А на сцене лесной поляны
В ярком свете дневном

Над кустом рябины румяной
Свиристель взмахнула крылом.

Разноцветное оперенье
Словно радуги зимней цвет.
Память спрячет эти мгновенья,
Чтоб достать через много лет.

Как художник, лыжнёй разрисую
Склон горы и поляны в лесу,
К Чумышу ту лыжню проведу я,
Зайца там встречу или лису...

Здесь, в тайге, среди снежных ваяний
Наш прокопьевский Эрмитаж.
В изумруде кедровых сияний
Таёт в воздухе зимний мираж.

Нет, не нужен мне берег турецкий
И Канары меня не влекут,
Я люблю тебя, край наш Кузнецкий,
Здесь оплот мой, и родина тут!

Таёжное утро

С кем ночевал в одной палатке,
По речке с кем плоты водил,
Вам, мои милые ребятки,
Я эти строки посвятил!

Прохладное утро Саянской тайги
Мне инеем блёстким покрыло виски.
Я лентой реки себя к ней привязал
И бусинки встреч на хвою нанизал.

Красавица горная, чудо-река,
Однажды украла покой горняка,
И я тот покой в каждом плёсе ишу,
Зимой по речке у печки грушу.

Но память-подруга на крыльях своих
Промчится со мною средь туч снеговых,
И в август опустит, на берег реки,
Где примут в объятья меня тальники.

Рубиновой россыпью, как из ведра,
Брусничная встретит меня детвора.
И шишку смолистую с криком: «Лови!»
Метнёт мне кедровка из нежной хвои.

А я, наклонившись,
чтоб шишку поднять,
Увижу в траве чудо-рыжиков рать.
Из них самый старший
мне скажет: «Привет!»,
На шляпе подаст костяники букет.

Спасибо, друзья, с вами встрече я рад,
И вас приглашаю к себе в Углеград!
Но это чуть позже, сейчас я спешу
К до боли знакомому мне шалашу.

Который давно уже ждёт рыбака,
В нём запах живёт кострового дымка.
Здесь в радужных слёзах сияет порог,
Он даст, как учитель, рыбалки урок.

Я удочкой радугу брызг рассеку,
Волны поцелуй подарю поплавку.
И хариус молнией грянет со дна,
Ему для поклёвки секунда нужна.

Как лески струна в этот миг запоёт,
Красавец речной удилище согнёт,
На солнце блеснут плавников веера...
Ну что, накопался? На берег пора!

г. Прокопьевск

Галина Бастрыгина

Литературному клубу «Маяк»

В степи, случалось, я блуждал,
В горах тропинку я терял,
Но, разгоняя ночи мрак,
Ты выручал меня, «Маяк».
Надежды верной светлый знак
Гори всегда, мой друг «Маяк».
Гори светло, не угасай,
Терять надежду не давай.

Когда бушует ураган
И на дыбы встает бурян,
И от беды спасенья нет,
«Маяк» заветный дарит свет.
И если вдруг случится так,
Огонь в душе моей иссяк,
Другим прокладывая путь,
Меня, «Маяк», не позабуди.

Родной язык

Слово русское, многострадальное,
Предначертан тебе тот рок.
Мы хотим для тебя признания,
И да пусть нам поможет Бог!

Прямо в сердце с рождения самого
Точно солнечный луч проник,
С молоком материнским данный мне
Мой бесценный русский язык.

И не только из книг залистных
Ты врывается в жизнь мою,
Нахожу, будто новые истины,
Драгоценную россыпь твою.

Рву с цветами тебя охапками,
Слышу в ветре шальном на бегу,
Ты в деревьях под снежными шапками,
Что стоят по колено в снегу,

В родниках и в дыханье смородины
Твой доверчивый шёпот в тиши.
Разреши мне проникнуть, Родина,
В откровенья твоей души.

Не однажды пытались вороги
Землю русскую полонить,
Всё, что русичам любо-дорого,
Даже русский язык покорить.

Но Россия в невзгодах крепла,
Не сгибала могучих плеч
И, как птица Феникс, из пепла
Возрождалась русская речь.

Продолжай, колесо истории,
Уму-разуму нас учить,
В трудном жизненном многоборье
Свято русскую речь хранить.

Ведь куда бы ни вёл сквозь историю
Неподкупный родной говорок,
Всё равно он тропинкой проторенной
Приведёт на родимый порог!

Мемориал

Океан ликующего снега
Пал на привокзальный Барнаул.
Скорый поезд весь в огнях с разбега
Фейерверком в снегопад нырнул.

В первый раз всё точно так же было:
Пересадка в городе чужом.
Коротая время, мы бродили
По вечерним улицам вдвоём.

Свет витрин неистовый и пылкий
Утомил и больше не прельщал.
С тротуара тайная тропинка
Привела на тот мемориал.

Промелькнуло в мыслях почему-то:
«Время свой остановило бег»,
Мы пришли сюда из ниоткуда
В неизбывность заглянуть сквозь снег.

Шум вокзала и зимы угрозы
Затаились где-то в стороне,
У могил застывшие берёзы
Светятся, как свечи, в тишине.

А в скульптурной группе час разлуки
Больно видеть, горько сознавать:
Мать и сын прощаются друг с другом,
Чтобы вместе вечно здесь стоять.

Даже внешний вид мемориала,
Точно символ пролетевших гроз
На распутье с будущим и прошлым,
Как немой немислимый вопрос.

Скольких судеб здесь слились истоки!
К Вечному огню я подошла,
Кинув взгляд на каменные строки,
Вдруг свою фамилию нашла.

Брат родной моей покойной мамы,
Что под Дубной без вести пропал,
Занесло куда тебя ветрами?
Так никто об этом не узнал...

Кто ты, воин, голову сложивший,
За Отчизну милую в бою,
Юности своей не пощадивший?
Я в долгу перед тобой стою.

Вопреки желаньям дикой смерти
Наших душ родство я узнаю.
Уходил ты, унося в бессмертье,
Имя и фамилию свою.

Если вновь получится, не знаю,
Мне сюда заехать по пути.
Мой однофамилец, обещаю
Для тебя цветы я принести.

Вечная память

Объяснить научно невозможно,
Вот и верь потом, что нет чудес.
Мощно, величаво и тревожно
Музыка обрушилась с небес.
Встрепенулось сердце, словно птица.
Из каких глубин сюда проник,
Дав живым и мёртвым объясниться,
Бессловесной музыки язык?
Пусть сомнений ваших не разбудит
Обещаний тяжкая печать.
Никогда не лгите мёртвым, люди,
Как и вы, они умеют ждать.
Днём погожим, ясным и весёлым
Снова я к мемориалу шла.
Исполняя сказанное слово,
Я цветы весенние несла.
Грусть волной незримой наплывает,
Всколыхнув в душе былого раны.
На плите гранитной полыхают
Огненные, алые тюльпаны...

Любовь Сбытова

Любовь Сбытова (26.05.1953- 12.01.2014 гг.) с благоговением хранила память об отце, Ефиме Антоновиче, участнике Великой Отечественной войны. Много стихов посвящены ему и военным событиям. Поэтический дар помогал ей выстраивать стихи о непростых жизненных ситуациях. Она писала стихи обо всём, что окружало трепетную душу неравнодушного человека, обладающего способностью облекать своё отношение к миру в поэтическую форму.

Мой отец

Мой отец — участник двух Парадов:
В сорок первом, где с Парада — в бой
Шли подразделения ряд за рядом,
Чтобы дать сражение под Москвой.
Далека была Победы дата...
Разве думал молодой солдат,
Что орденоносцем и комбатом
В сорок пятом выйдет на Парад!
По обычным меркам не так много
Те события разделяет лет,
Но крута военная дорога,
Вся — от поражений до побед.
Будут наступленья, медсанбаты,
Прежде чем наград звенящих ряд,
Окруженья, подвиги, утраты,
Плен, побег, штрафбат и Сталинград...
На пути от Бреста до Берлина
Сколько раз за ним гонялась смерть,
Но бессильна с тем, кому судьбина —
И тонуть, и под броней гореть.
Может быть, сравнение будет грубым,
Но прошёл он по пути домой
И огонь с водой, и медные трубы,
Как российский сказочный герой.

Очевидное, хотя невероятное

«...Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет...», —
О женщине это не ново,
Звучит много лет напролёт.
Усилив воли, быть может,
Способны творить чудеса
Все люди. У женщины всё же
Особая есть в том краса.
«Сию себе как-то я в сквере, —
Писал очевидец один, —
Чему был свидетель, поверить
Мне многие, всё ж не могли.
Площадка с песочницей рядом,
Десяток, чуть больше, детей.
И вдруг что-то так затрещало,
Каток приближается к ней!
Как он покатился, Бог знает,
Уж смял ограждение, кусты...
На тормоз забыли поставить.
Но чтоб ребятишек спасти,
Вдруг женщина, хрупкая с виду,
Руками упёрлась в каток.
И он — многотонный, не сдвинуть,
Застыл, чуть заехав в песок.
Хозяин, уже подоспевший,
В кабину запрыгнул. Потом,
Там что-то исправив поспешно,
Ей руки с катка снял с трудом.
Она от чего-то смутилась,
Взяла своего малыша,
В коляску его посадила
И с ним побрела не спеша».

Проводы

Помню я прощанье это!
Звёздный гул над головой,
Как всё просто вышло, Света!
...В голубой вагон ушла.
Звёзды слёзы подсушили,
Я был счастлив, как дитя.
...Три минуты, две минуты...
Солнце к вечеру взошло.

Иосиф Куралов

Пародия на «Проводы»

Слабый лепет на перроне
Звёздный гул перебивал.
Я сжимал её ладони
И сквозь слёзы хохотал.
Отшатнулась, поспешила
В голубой вагон она.
И тотчас же наступила
Посреди зимы весна.
И ещё одну особу
Помню: с плачем провожал,
Кое-как толкнул в автобус,
Долго вслед ещё бежал...
Но вернулся с полмаршрута,
Расставанье сердце жгло,
Три минуты, две минуты.
В полночь солнышко взошло.
До трамвайной остановки
Третьей нёс я чемодан.
Погрустил довольно ловко,
И поверила в обман.
И опять метаморфоза:
Когда ею обладал,
Удавалась только проза.
Проводил — поэтом стал.
Что-то чувства измельчали...
Бросят женщины меня,
Мне же пребывать в печали
Не случилось и полдня.

Русалка

О русалках немало писалось:
Предрассудки, мол, всё старина,
Вы не верите больше в русалок,
А ко мне приходила она.
На какие, не помню, вопросы
Говорил я какие слова,
Помню, гладил зелёные косы,
Да печаль её глаз целовал.
Властным шёпотом звал её омут
Для холодной забавы без чувств,
И, прощаясь, она по-земному
К моему прижималась плечу.
Небо низко над нами свисало,
С туч спадала дождей пелена,
Вы не верите больше в русалок,
А ко мне приходила она.

Виктор Савинков

Пародия на «Русалку»

Вы не верите? Ну и не жалко!
Но с холодного тинного дна
Всё ж ко мне приходила русалка,
Но пока она только одна.
Невозможно такому поверить,
Я на стук выхожу, только: ах,
Мне русалка хвостом стучит в двери,
Потому что стоит на руках.
Положил на диван, ведь устала.
Как понять такой кордебалет:
С Чумыша на руках отшагала,
Водоёмов поблизости нет.
Она кроткого, нежного нрава,
Что искала в моих волосах?
Я лицо ей для ласк не подставил,
Всю дорогу ведь шла на руках.
О тех особях много ли, мало,
Но написано уж дохрена.
Вы не верите больше в русалок?
А ко мне приходила она!

Анатолий ГУЛЯЕВ

Пожар

(Рассказ-миниатюра)

В прошедшую субботу я топил баню, попарил свои больные ноги. Красота, полетчало и отдохнул.

В итоге очередной прожитый день завершился хорошо, хотя начало его было нерадужным.

С утра, потемну ещё, когда я досматривал очередной свой пенсионерский сон, в кухонное окно кто-то сильно застучал.

От стука я и проснулся. И заругался, сразу подумав, что это Серёга Кабардин, мой давний знакомый и дальний сосед, вновь прётся ко мне за деньгами в долг.

Правильно люди говорят, что простота хуже воровства — приучил Серёгу бегать ко мне как в «кассу взаимопомощи» при первой нужде в деньгах. Вернее сказать, при отсутствии денег, когда ему в очередной раз очень хочется выпить. А выпить ему хочется всегда, оттого и заканчивается его шахтёрская пенсия быстро вместе со всеми регрессовскими надбавками.

Ругаясь, выхожу в сени, не спрашивая «Кто стучится в дверь мою?», открываю её.

«Пожар! Дом мой горит, блатные подожгли, колья из забора выламывают, стёкла в окна выбивают! Я из окна выскочил и к тебе прибежал в одних носках, ноги отморозил, наверное. Вызывай полицию, быстрее звони», — закричал мне Серёга с порога.

От услышанного меня пробил дрожь. Поскольку по собственному опыту знаю, что такое пожар: однажды у самого загорелась машина в гараже, когда я пытался подогреть её картер открытым огнём.

Тем не менее, интуитивно соображаю, куда надо звонить, вспоминаю номера телефонов аварийно-спасательных служб. 112 — первое, что пришло в голову. Хватаю мобильник и нервно пытаюсь набрать этот номер и позвонить туда, но не получается: мобильник сенсорный и тоже имеет свой норов. В конце концов всё же дозвонился. Ответившая диспетчер на другом конце провода повела протокольный расспрос о случившемся. Серёга, не в состоянии сдерживать себя, вырвал из рук телефон и заорал в него: «Ну, ты, там, я у полковника, срочно делай, что тебе говорят!».

«Полковником» меня называют здесь вероятно все, кто меня знает. Что мне не нравится, хотя я и имел такое воинское звание, когда служил в армии. Оттого, ругаясь, забираю телефон у Серёги и далее веду разговор с диспетчером, уже более-менее успокоившись.

«Пожарную машину отправляю к

вам», — сообщила диспетчер в конце концов.

После чего Серёга собрался идти обратно.

«Так куда ты так-то, в одних носках? Надень мои ботинки!»

«У меня 44 размер!», — скороговоркой ответил мне Серёга.

«Ботинки мои 45 размера, так что подойдут», — ответил ему я.

Надев ботинки, Серёга ушёл.

Из моих окон Серёгинаго дома не видно, поэтому я позвонил соседке Валентине, которой Серёгин дом виден хорошо. Сообщив ей информацию, полученную от Серёги, я попросил её посмотреть, сильно ли горит его дом и приехала ли пожарка?

«Всё там нормально, ничего не горит и никаких людей возле его дома не видно. Пожарку тоже не видно», — ответила мне соседка.

«Интересно девки пляшут», — буркнув, скорее, самому себе, ответил я и соседке, поблагодарив её и извинившись за беспокойство. После чего собрался и сам пошёл к Серёгину дому. Придя, прошёл вдоль забора с двух сторон. Дымом не пахло, посторонних следов возле дома видно не было.

Через незасторенные окна было видно, что Серёга был дома, ходил там и что-то делал. Несколько раз он выходил на улицу, разговаривая толи сам с собой, толи с собакой, которая бежала тут же, непривязанная. Не заходя в Серёгин дом, я вернулся к себе и завалился в кровать досматривать свой прерванный сон.

Проснулся, когда на улице было уже светло. Раздвигая шторы на окнах, увидел в кухонное окно, что на тумбочке возле входной двери стояли мои ботинки, в которых Серёга ушёл. В них были заткнуты носки, в которых он приходил ко мне. Видимо, он принёс их мне как реликвию или для того, чтобы я постирал их.

Присев на стульчик, я прокрутил в голове событие прошедшего утра. Получается, с перепою или по болезни головы Серёга находился в объятиях виртуального пожара. В это же время, в реальном мире, он вёл со мной нормальный членораздельный разговор. Запомнил и то, что ушёл в моих ботинках, которые вернул втихую, когда я спал.

Вот и думай теперь, что это было: элемент или начало сумасшествия человека? Или какая-то его дурацкая выходка?

«Если что, вызывайте спецбригаду из психбольницы, с такими людьми жить поблизости небезопасно», — сообщили мне из МЧС или из полиции в обратном звонке по ложному вызову.

Надежда Калашникова

Родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Окончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. В Клуб любителей фантастики «Контакт» пришла в 2010 году.

Автор книг «Шутов не нанимают...» (2019 г.), «Обманом обручённая» (2019 г.), «Время на ладонях» (2022 г.), «Королевство Сердце» (2009 г., второе изд. – 2014 г.), «Пушистая сказка» (2011 г.), «Король и шут» (2014 г.), «За кулисами улыбки: стихи» (2017 г.), «Цена одной песни: фанфики по Вселенной Дж.Р.Р. Толкина» (2015 г.) и других.

Публиковалась в сборниках: «Молодые литераторы Кузбасса» (департамент культуры и национальной политики Кемеровской области, 2015 г.), «Интерпресскон – 2012» (Санкт-Петербург), во многих коллективных сборниках КЛФ «Контакт», журналах «Союз писателей» (Новокузнецк), «Огни Кузбасса» (Кемерово), новокузнецких газетах «Кузнецкий рабочий», «Губернские ведомости», «Сельские вести», а также «Пестовская правда» (Новгородская область), «Усытская россыпь» (Прокопьевск).

Лауреат губернаторской премии в области культуры и искусства за 2014 год (единственная в этом году за литературу).

В 2019 году стала лауреатом премии журнала «Огни Кузбасса» по прозе за 2018 год (первая публикация сказки «Сказка в сумерках»). Член Союза российских писателей (2021 г.).

Мама, здесь камни поют!

Два короля и две королевы хорошо управляли своей страной. Царствование их было долгим и счастливым. Сперва они тратили много времени на то, чтобы найти оставшихся в живых приспешников Белой Колдуньи и уничтожить их. Ещё долго в диких уголках страны таились гадкие чудища... В одном месте являлась ведьма, в другом – людоед. В одном месте видели оборотня, в другом – рассказывали о кикиморе. Но наконец всё злое племя удалось истребить.

К.С. Люис.

Лев, Колдунья и платяной шкаф

Здесь души превращаются в камни, К чему наш победный салют? ...Души превращаются в камни, И, мама, эти камни поют. «Души превращаются в камни» – гр. «Коридор» (А. Костюшкин)

Мама, мне завтра исполнится девятнадцать.

А временами кажется – сорок, не меньше. Или все сто.

Завтра настанет совсем скоро – через час. Или раньше. Летнее небо темнеет медленно. Конечно, по узорчатым, прямиком из Калормена коврам ходить босиком приятнее, чем по жёсткому ковылю. Тот лишь на вид кажется мягким. Но именно сейчас я хочу побыть один, мама. И если для этого надо спуститься по верёвке из окна собственной спальни, минуя лишние расспросы хотя бы в замке, невелика цена.

Четыре с половиной года я ношу золотую корону. Четыре с половиной года Верховный Король пытается управлять свалившейся на руки страной, не имея ни малейшего представления, как это делается.

Не знаю, заметила ли ты наше отсутствие. Может быть, давно оплакала нас, решив, что мы погибли под очередным налётом. Может, даже не обратила внимания. Время здесь и в Англии течёт по-разному, никогда не угадаешь, как именно. Но я всё же надеюсь, что про-

шла едва ли пара мгновений. Не хочу, чтобы ты оплакивала детей, всех четверых разом.

Довольно и того, что нас призвали сюда, не спрашивая. Вложили в детские руки настоящее оружие и велели сражаться с могущественной ведьмой. Обычным школьникам – завоевывать троны, освобождать страну, а потом – править ею.

И теперь, спустя время, я оглядываюсь на прошлое и не могу ответить на вопрос: в самом ли деле мы пришли как освободители – неумелые чужаки, сходу вставшие под алые знамена? Мы даже осмотреться не успели толком. Нас будто толкнуло, закружило, понесло как шепки в водовороте – навстречу событиям, пророчеству, Аслану. Дети, попавшие в сказку не во сне, а наяву. Тогда это казалось таким... правильным.

Наверное, Эдмунд был всё же в чём-то прав. Он единственный тогда спросил: откуда мы знаем, чья сторона правая? Естественно, его никто, и в первую очередь я, не слушал. Потому что он вёл себя как поросёнок. Потому что он младше. И потому что я, идиот, поверил ласковым словам первого встречного и даже не удосужился их проверить.

А потом стало поздно. Потом, когда Аслан его спас. Когда я принёс Льву клятву, стал рыцарем, а после – королём. Теперь можно сколько угодно сомневаться и жалеть о сделанном, это не отменит тяжести обетов. Теперь я львёнок, мама. Он называет меня сыном, представляешь? Не сыном Адама – собственным.

Только я ещё помню, что моего отца звали иначе.

Иногда я тихо ненавижу королевские знаки отличия: и штандарт над Кэр-Паравелом, и собственный щит, и стяги, алые стяги, что так ярко плещутся на ветру. На них всюду – он. Золотой, сверкающий, затмевающий солнце и костры.

Мой Бог.

Наши соседи зовут его северным демоном, утверждая, что он лишь притворяется львом. Истинная же сущность его никому не известна, как и замыслы. Впрочем, и у нас говорят, что он не ручной лев.

Порой мне кажется, что калорменцы правы. Но это ничего не меняет. Я служу ему – демон он или божество. Он призвал меня сюда. Он подарил мне, или подкинул, целую страну. И оказал мне, нам, услугу, которая не может быть ничем оплачена. За подаренную брату жизнь я плачу собственной, мама. Мне не нужно для этого умирать. Но иногда кажется, что лечь на Каменный стол под каменный же нож было бы проще.

Нож милосерднее.

У Люси, кстати, именно кинжал милосердия. Мизерикордия. Я не сразу понял, почему вместе с бальзамом ей подарили и кинжал. Дерущаяся Люси – это выше моего понимания. Но... бальзам лечит не всё. За кем-то смерть приходит, потому что наступает положенный час, и с этим ничего нельзя поделать. Но можно облегчить переход, избавить от лишних мучений.

Когда ей сказали об этом впервые, говорят, она даже не рыдала. Только смотрела на застывшего после её удара сатира, кажется. У него был распорот живот, он был не жилец. И дико мучился. Я не видел Лу на поле боя – не до того было, только уже вечером нашёл. Статуи в саду Кэр-Паравела живее, мама. Я всю ночь её успокаивал, как мог, обнимая и говоря, говоря обо всём на свете, как в детстве...

А за нашими спинами горели победные огни костров и факелов, нарнийцы пировали, поднимая нескончаемые кубки за Верховного Короля и Отважную Королеву. Кричали и восклицали: «Слава героям! Да здравствуют Их Величества!...». А Люси в моих объятьях не могла плакать.

Я бы согласился сам обратиться статуей, лишь бы сестре моей, королеве, не пришлось никогда приносить милосердие через смерть. Но королям не дана такая роскошь.

Поначалу мы и впрямь казались героями – себе. И другим. Просто нас окружала та часть Нарнии, которая и впрямь устала от вечной зимы, недолюбливала Джадис или имела с ней старые счёты. И Аслан, конечно, с нами был Аслан. Только он ушёл быстро и тихо, не прощаясь, и многие уже наутро

не помнили, вправду ли видели его или всё пригрезилось.

А многие и не хотели помнить.

Далеко не вся Нарния ненавидела Джадис. Только всерьёз засев за историю, политологию и социальные науки, мы поняли, что это так. Она правила сотню лет. Сто пятнадцать, если быть точным. За это время сменилось не одно поколение. К зиме все привыкли, и тепло летних полей осталось лишь в легендах да в памяти редких долгожителей. Кэр-Паравел тоже был легендой. Пустой, застывший под слоем снега, он не внушал особых надежд. А зима – вокрут, а Джадис – рядом.

И нарнийцы научились жить в вечном холоде и жили весьма неплохо. Воинственные соседи не совались, боясь Колдуньи, о еде Джадис заботилась, ей ведь надо было кем-то управлять. Думаю, она могла бы с лёгкостью обратить Нарнию поголовно в камень, но находила это слишком скучным. Гнев свой Колдунья обращала против тех, кто сопротивлялся, но таких было немного. Неудивительно, что все они собрались вокрут нас. Странно, что мы решили, будто это – вся Нарния, и она думает одинаково.

Самый голос любой нарнийской толпы уже есть сочетание разнообразных звуков. Раскатистый бас великанов, хихиканье нимф, вкрадчивый шёпот фавнов, ржание, блеяние, щебетание... Такой толпой сложно управлять.

Особенно когда не умеешь ровным счётом ничего из того, что положено уметь правителю.

К тому же, в отличие от Джадис, мы ничего не знали о стране, в которой оказались, мама. О её разношёрстных жителях, их особенностях, о традициях... Пришлось осваивать всё в предельно сжатые сроки. Наш рабочий день начинался в пять утра и оканчивался к полуночи. Даже у Сьюзен залегла синева под глазами от вечного недосыпа.

Честно говоря, в нас не было ничего величественного – худые, нескладные, замученные неуёмным стремлением поскорее влиться в свалившийся на руки мир. Последнее определяло не

только то, сохраним ли мы короны на головах. Вопрос стоял о сохранности самих голов.

И несмотря на взятый бешеный темп, мы чувствовали себя слепыми щенками, выброшенными в подъезд. Не имело значения, что стены у подъезда были обтянуты пурпуром и отделаны золотом.

...Помнишь, как мы вздрагивали от воя сирен, от равномерного гула самолётов? Как противно свистели летящие навстречу городу бомбы? Здесь, казалось, мы обрели мир и тишину. Но в обстреливаемом Лондоне я чувствовал себя спокойнее. Кому сдался обычный мальчишка? Разве что случайным осколком зацепит.

Верховного Короля кто только ни пытался убить.

Нас всех пытались убить, и не единожды. Каждому выделили телохранителей, но я не смог с ними ужиться. Они скользят неслышной тенью — шаг в шаг, след в след. Слышат каждое твоё слово, даже брошенное в сердцах...

Я сбегал от них, они находили меня и отчитывали как нашкодившего мальчишку. Да это и было поступком мальчишки. Но я ничего не мог с собой поделать. Пока Эдмунд, страдавший от той же проблемы, не предложил решение.

Эдмунда нечисть, оставшаяся после Колдуньи, кажется, боялась сильнее, чем кого бы то ни было. Да что там, наши воины, и те сторонились второго короля, когда он на рыжем своём Филиппе мчался впереди отряда. У него были совершенно страшные глаза, мама.

Честно? Я тоже его боялся. И, что куда хуже, не доверял ему. Простил, но никак не мог забыть его предательства. Брат знал это. И предложил стать моим телохранителем отрешённо, будто не веря, что соглашусь. Но я так устал от постоянного ожидания стилета в бок или стрелы с крыши! Я отдал Эдмунду свой меч и повернулся спиной — без кольчуги, уткнувшись лбом в обитую бархатом стену дворцового перехода.

К стыду своему, я почти ожидал удара.

А получил клятву защищать Верховного Короля хотя бы и ценой собственной жизни. От младшего брата, о котором мне бы самому заботиться. От двенадцатилетнего подростка, два года как носящего рыцарские шпоры. В оруженосцы берут позднее!

Мама, ты можешь с полным правом гордиться младшим сыном. Он заслуживает этого куда больше, чем я.

Джадис когда-то была палачом Нарнии. Предатели, преступники, которым не было прощения, все они становились законной её добычей. Взлетал и опускался каменный нож, выполняя будничную свою работу. В трещинах Стола, появившихся от старости, вовсю росла трава — кровь жертв служила щедрым удобрением.

Мнилось, мы другие. Справедливые, отважные, великодушные. Одним словом, великолепные. Так казалось

нам. Казалось нашим подданным.

...Не всем.

Часть сторонников Джадис полегла в битве при Беруне. Что было делать с выжившими — пленными, ранеными? А с теми, кто не вышел на битву? Кто отсиживался по тёмным норам и лесам, но ушей их достигла весть о гибели господи — и они полезли, как тараканы, из щелей на свет.

Мы дрались. Отражали атаки и нападали сами. Нужно было выжечь весь очаг заразы, чтоб не осталось никого из приспешников Колдуньи. Чтобы ничего не повторилось.

Но не всех можно вызвать на честный бой.

Оказалось, нечисть творит свои козни не двадцать четыре часа в сутки.

Она тоже нуждается во сне, крове и пище. Создает свои, пусть уродливые, семьи.

Знаешь, мам, политические формулировки такие... обтекаемые. Наведение порядка. Избавление от заразы. Я не особо вдумывался в них, головной боли и без того хватало. Только отдавал приказы: отправить отряд к истоку Великой Реки или к Западным болотам, где были замечены парочка вурдалаков, или кикимора, или оборотень. Выступить ранним утром. Великий Лев приходит с востока, с рассветом. Логично, если его король пошлёт отряды освободителей на заре. К тому же в это время нечисть наиболее уязвима — измотавшись за ночь, она готовится к дневной спячке.

Пока не довелось возглавить один из таких отрядов.

Мы дрались в сырой лошине, зажав там горстку огрызающейся нечисти. Перевес был на нашей стороне, и мы решили уже, что закончили на сегодня. Но Пёс беспокойно крутил головой, заявив, что чует кого-то ещё.

Мы пошли за ним и у чёрного провала пещеры действительно обнаружили троллиху.

Видимо, она была из тех троллей, кому не страшен солнечный свет. Она швырялась огромными булыжниками; когда те закончились, кинулась на вооружённых воинов, подминала их своим весом, не боясь стали.

Раздавила троих, ещё двоих приложила каменными снарядами, прежде чем ей снесли, наконец, голову.

И тогда один из воинов сказал: «Это не просто стоянка. Это логово. Она защищала детёныша».

Я переступил порог пещеры. Следом, запаливая факел, шагнул один из воинов, фавн, Омнитус, кажется. Вонь стояла невыносимая, труп троллихи уже начал смердеть, хотя прошло едва ли несколько минут, как её убили.

Троллёнок обнаружился в глубине, обмотанный какими-то тряпками с бурыми следами. Оскалившись, он щурился из-под безволосых бровей от непривычного света. Я протянул руку в латной перчатке. В ответ он зачерпнул уродливой своей лапишей камень и бросил в меня. Быстро и метко, такую реакцию сложно заподозрить в совсем ещё детёныше. Я еле увернулся. «Осто-

рожнее, ваше величество, — сказали мне. — Тролли только кажутся неповоротливыми, и многие поплатились жизнями, поддавшись этой иллюзии».

Я смотрел на озлобленного троллёнка и вспоминал, что мать его, пронзённая несколькими мечами, лежит на пороге собственного... логова, дома. Что отец, скорее всего, убит ещё раньше в какой-нибудь из стычек. За что же ему быть со мной добрым? Верховный Король для него — такой же палач, как Белая Колдунья.

Будь я частным лицом, быть может, попытался бы что-то сделать. Может, забрал к себе и постепенно убеждал бы, что природа его — не приговор. Что разум и воля даны не просто так, а доброта сводит на нет любое уродство.

Но я был чёртовым королём, который должен думать не о каком-то там тролле, а о стране, вверенной ему. О том, что таких детёнышей десятки, сотни. И конкретно этот ничем не лучше и не хуже прочих, он просто подвернулся мне под руку. О том, что он подрастёт, и мои подданные окажутся в опасности. И, возможно, другой детёныш останется сиротой или вовсе встретит безвременную смерть из-за того, что Верховный Король оказался слишком чувствителен.

Даже когда я впервые дрался с Могримом, сходя с ума от ужаса, мои ладони так не дрожали, мама. Риндон чуть не выпал.

«Ваше величество, позвольте мне...» — начал было Омнитус.

Но я перебил его: «Нет. Я отдавал приказы — уже не счесть сколько раз. На моих руках не видно крови, но она там есть. Почему я должен отсиживаться за спинами своих воинов, сваливая на них всю грязную работу? Ради чистоты и великолепия своего имени?».

Троллёнок, будто что-то почувствовав, вновь оскалился. А в следующее мгновение голова его, слишком маленькая и лёгкая, покатила в угол. В скудном свете факела она показалась валуном, одним из многих, что были свалены в углу. На тело я не смотрел. Вытирал меч сразу, как меня научили. Никогда крови и грязи не оставалось на Риндоне.

Мама, меня вывернуло прямо на отполированный до блеска — даже в полутьме пещеры сверкал меч. И ещё раз. И ещё — голой, горькой желчью, время обеда давно уж минуло. Под колени рванулась склизкая сырость; выворачивало уже совершенно пустым воздухом. Казалось, из меня хотят вынуть душу.

А, может, тогда и вынули, заменив первым попавшимся придорожным булыжником?

Фавн не подходил ко мне. И правильно. Скажи он хоть слово, положи руку на плечо — я бы убил и его.

...Как полыхало бывшее логово троллей, очищая огнём грязь, кровь и мерзость, я уже не видел. У Верховного Короля довольно дел, чтобы любоваться пожарами.

Джадис хотела убить ребёнка. Моего брата. Но не убила. Верховный Ко-

роль казнил детёныша собственноручно, и по его приказу сотни детей были убиты потому, что родились не у тех родителей. Милосердной может быть Люси, мне недоступна такая роскошь. И тем более у меня нет права упасть грудью на подаренный меч.

Мама... Неужели ты ещё не прокляла день, когда родила первого своего сына?

Знаешь, мама, по первому впечатлению мне казалось, что Нарния полна благородства. А, значит, и целомудрия, да.

Я ошибался в обоих случаях.

Мама, ты учила меня бережному отношению к женщине. Казалось, я не смогу иначе, чем видеть в ней мать собственных детей. Любимую. Но всё пошло наперекосяк. Стыдно в этом признаваться — тебе. Остальным давно не стыдно.

Мне едва минула шестнадцатая зима. Здесь считают не по летам — по зимам, долго не мог привыкнуть...

Надо было лучше учить мифологию. Кто наши подданные? Нимфы. Сатиры. Фавны. Кентавры. Это не считая собственно говорящих животных. Они разумны, конечно, но животное начало в них очень сильно. А что говорить про наяд с сатирами, когда ещё по легендам нашего мира они любвеобильны без меры!

В летние ночи здесь устраивают пляски и пьют вино, и звучит тягучая, разом и грустная, и весёлая музыка. Под неё невозможно усидеть, и нарнийцы пляшут до утра. Только строй танцоров изрядно редет уже к середине ночи. И много, много находится желающих увести в тень от горящих кровей костров Верховного Короля.

Поначалу это изрядно смущало. Потом... мне и самому начали сниться сны, о которых не хотелось бы тебе рассказывать. И после очередной стычки я дико устал, хотелось хоть как-нибудь расслабиться, и... я просто не стал её прогонять. Сил не было. Да и на прочее их тоже толком не хватило, она всё делала сама — это я сейчас понимаю. Только и помню ветку незрелой ещё рябины в её волосах да алую, тяжёлую ткань шатра.

Она была первой. Но далеко не единственной.

Я не помню их лиц, не знаю имён. Я никого не принуждаю, естественно, да что там — мне даже инициативы самому проявлять не требуется. Они приходят сами, мама. И я... не отказываюсь. Они красивы, порой весьма умелы, порой одурачивающе невинны. Честно говоря, мне всё равно.

Ни одну я не назвал бы женой. Королевой. Ни от одной не хотел бы взять на руки ребёнка.

...Эдмунду было пятнадцать, мама, когда он вернулся с припухшими губами и шальным блеском в глазах. Он вечно хотел быть на меня похожим, ты же помнишь... А здесь ему и вовсе не на кого больше равняться, кроме старшего брата. Верховного, мать его (прости, мам), Короля.

Мне стоило бы сказать, чтобы он не торопился. Чтобы не повторял моих ошибок, не закрывал сердце от настоящего, растратившись по мелочам.

Я сказал: «Брат мой король, как бы ни было хорошо тебе с женщиной — не расслабляйся полностью. Не оставайся в ней до полного удовлетворения. Нам не нужны бастарды». Эдмунд лишь кивнул, не сказав ни слова.

Я дико боюсь за доченок, мама. За сестёр моих королей. Сьюзен перебирает женихов уже третий год. Говорит, что желает только человека, а в Нарнии, кроме нас, людей нет. Сваты же с соседних стран ей не нравятся, и я не знаю — печалиться этому или радоваться.

Сьюзен стала совершенной красавицей, мама. Самая красивая из нас, настоящая королева: и статью, и манерами. Будто всегда то при ней было. Но прозвали её не Прекраснейшей, не Великолепной, что пошло бы ей куда больше, а Великодушной. Душа её прекрасна не меньше тела, что само по себе редкость.

И я боюсь за неё, мама. Боюсь, что красота её слишком велика даже для Нарнии. Что величие души обернётся великой болью, с которой Сьюзен не сможет справиться, а я не сумею её утешить.

Люси же, кажется, до сих пор не волнуют подобные проблемы. Это эгоистично, но... иногда я молюсь, чтобы так оставалось как можно дольше. Будь моя воля, я бы запер её в самой высокой башне Кэр-Паравела, лишь бы никакая грязь не коснулась Лу вовек. Но она зачахнет без своих полей и лесов, и я не судья своим сёстрам и брату. Не имею права.

Прости, мама, я слишком откровенен.

Но мне так давно и так отчаянно хочется поговорить с кем-то близким — даже если он по ту сторону старого платяного шкафа. С тем, кто меня бы понял. Только не с братом и сёстрами. К младшим не приходят облегчать душу.

Я цепляюсь за твой образ, за крохи воспоминаний из прошлого. Они становятся всё более размытыми и отдалёнными, но я не хочу их терять. Я не хочу забывать тебя, мама!

Наверное, моя душа ещё всё-таки не успела обратиться камнем.

Впрочем...

Здесь есть легенда о поющих камнях. Я не видел сам, но рассказывают, что где-то далеко, на Севере, в горах поздно ночью, как вот сейчас, можно услышать негромкое пение.

Говорят, в незапамятные времена не только потоки и леса имели душу, но и сами камни.

Говорят, у них были покровительницы — орады, горные нимфы, более всего любившие петь. Пока одна из них, самая красивая и звучногласая, выводя тончайшую ноту на самом краю, потеряв равновесие, не сорвалась вниз. Прощальный вскрик её обратился эхом, гуляющим над горами.

В знак горя от потери подруги остальные орады обратились в камень. И лишь иногда, в безлунные ночи, они

поют, вспоминая, как были счастливы.

Я бы хотел когда-нибудь услышать их пение, мама.

Наверное, ты думаешь, что мне хочется вернуть всё назад. Никогда не уезжать из обстреливаемого Лондона. Уехать куда угодно, только не к профессору Керку. Не подходить никогда к старому платяному шкафу. Порубить его на дрова, в конце концов!

Нет, мама. Я бы ничего подобного не сделал, доведись мне прожить и выбрать всё заново. Шагнул бы следом за Люси сюда — снова.

Здесь моя страна. Мой, наш Кэр-Паравел, завоёванная жемчужина. Наш дом. Окна его огромны, и под солнцем он сверкает, будто морская звезда выбралась на сушу и улеглась у воды. Здесь всегда есть чем заняться. Не то чтобы я скучал в Лондоне, но здесь мои действия приводят к куда более осязаемым результатам. Я пытаюсь сделать жизнь своих подданных легче, приятнее, разумнее. Это не всегда удаётся. Порой это изматывает, порой я готов проклясть золотую корону. Но это стоит того.

Здесь... меня любят. Открыто, шумно и суетливо. Тихо, смущённо, с искренностью, которую я вряд ли заслуживаю. Любят всех четверых, конечно, но Верховному Королю всегда достаётся чуть больше. Чуть больше дерьма. Чуть больше обожания простого народа. Это великая честь для меня.

И я люблю Нарнию всем сердцем, мама. Её холмы и поляны, и тенистые леса, и бескрайнее море, что начинается у самых ступеней замка, и шёпот дриады, и гул тысячи ног, лап, копыт нарнийского войска. Её огромное небо с так непохожими на английские созвездиями — ярче в десятки раз. А, может, это потому, что здесь нет туманов, как в Лондоне.

Здесь солнце, мама, такое солнце!

За один только его свет умереть не жалко.

Здесь мой Бог. Я не могу сказать, плох он или хорош. Каков бы он ни был, я служу ему — каждый день, каждый час. Не знаю я Аслана, наверное, было бы проще всем четверым.

Но я не изменю ему.

Кто поручится, что другой будет лучше? Нас связывает уже слишком многое. И я не привык бросать клятвы на ветер. Он не ручной лев, и я не пытаюсь его приручить.

Наверное, я люблю Его.

Я бы снова повторил свой путь, доведись начать сначала. Знаешь, мама, наверное, я всё-таки счастлив. Горьким, странным, непонятным счастьем. Которое и на счастье-то не похоже, на первый взгляд.

Но это моя судьба. Другой не дано. Другой я не хочу.

Пожалуй, пора возвращаться. Ногам холодно и влажно от выпавшей уже росы. Полночь давно минула, наступают самые тёмные часы ночи. Мне исполнилось девятнадцать, мама.

Мама... Может, ты всё-таки порадуйся немного и за старшего сына?

«Земляне в кавычках»

13 марта 2026 года в Центральной библиотеке города Новокузнецка имени Н.В. Гоголя состоялась презентация книги «Земляне в кавычках» новокузнецкого писателя-фантаста, публициста и поэта Дмитрия Александровича Семёнова, члена КЛФ (Клуба любителей фантастики) с 2004 года.

Книга выпущена Кемеровским региональным представительством Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей», библиотекой имени Н.В. Гоголя, новокузнецким городским Клубом любителей фантастики «Контакт».

Составителем, редактором и ответственным за выпуск книги является руководитель, президент новокузнецкого КЛФ «Контакт» Н.Н. Калашников. «Между реальностью и вымыслом» — так он представил книгу читателям.

Дмитрий Семёнов — постоянный участник ежегодных конкурсов фантастического рассказа, проводимого КЛФ «Контакт». Большинство его рассказов по решению жюри и по итогам читательского голосования были признаны победителями конкурса или становились лауреатами.

Дмитрий Александрович Семёнов литературным творчеством начал заниматься (как он сам говорит) в 2004 году в литературном клубе (объединении) «Гренада» под руководством Л.А. Никоновой.

С ЛХГА «Усятская россыпь» начал сотрудничать в мае 2007 года. Во втором номере Альманаха на трёх полосах был опубликован его фантастический рассказ «Гингема» и стихотворения «Маг из страны мечты», «Покаяние», «Тени от крестов» и «О поэте» (о Л.А. Никоновой).

После удачной творческой премьеры Дмитрий Семёнов опубликовал в ЛХГА (№ 1/4) в апреле 2008 года фантастические рассказы «Визит» и «Последний рыцарь» и подборку стихов.

В пятом номере «Усятской россыпи» (февраль 2009 г.) увидели свет фантастические рассказы «Чинилка-ломалка»

и «Старый, старый мир», а в шестом, в ноябре 2009 года, — фантастический рассказ «Как пропадают люди», в двенадцатом номере — «Когда исчезнут бумажные книги».

В «Усятской россыпи» (№ 13, апрель 2016 г.) был опубликован фантастический рассказ «По щучьему велению».

В апреле 2017 г. («Усятская россыпь», № 14) вышел фантастический рассказ «Сущность», а в № 15 (апрель 2018 г.) — фантастический рассказ «Загадочный парк», в семнадцатом номере (апрель 2020 г.) на трёх полосах был опубликован рассказ «Яша».

Таким образом, Дмитрий Семёнов сотрудничал с ЛХГА «Усятская россыпь» на протяжении семнадцати лет и опубликовал одиннадцать (возможно, и более) прозаических произведений и стихов.

Многие произведения Семёнова вошли в его первую авторскую книгу «Земляне в кавычках».

Познакомившись с творчеством Дмитрия Александровича, хочу сказать, что Дмитрий Семёнов как писатель несёт в себе большой литературный потенциал, позволяющий создавать и крупные литературные произведения.

Возможно, в недалёком будущем в свет выйдут литературные шедевры в жанре фантастики на уровне ведущих российских и мировых писателей, таких, как «Аэлита» или «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого; «Собаачье сердце» Михаила Булгакова или «Война миров» Герберта Уэлса.

Во время презентации книги «Земляне в кавычках» Дмитрию Александровичу Семёнову был задан вопрос: собирается ли он вступать в СПР (Союз писателей России) или СРП (Союз российских писателей)?

«Как писателю мне это не нужно, а каким-то функционером стать в СПР или СРП я не собираюсь, мне это неинтересно!», — ответил он.

Анатолий Гуляев.

Дмитрий Семёнов

Семёнов Дмитрий Александрович родился 17 мая 1977 г. в г. Новокузнецке Кемеровской области. В 1994 году окончил школу № 27. Окончил юридический факультет Кемеровского государственного университета. В 1997 году поступил на службу в органы Внутренних Дел РФ. Отслужил более 20 лет. В 2018 году по выслуге лет вышел на пенсию. В том же году поступил на муниципальную службу, где 7 лет работал в управлении административных органов ГО и ЧС администрации города Новокузнецка главным специалистом.

Литературным творчеством занимается с 14 лет. Участвовал в литературном объединении «Гренада» в те годы, когда руководителем являлась член Союза писателей России Любовь Алексеевна Никонова. Сегодня Дмитрий активно взаимодействует с КЛФ «Контакт» (руководитель – Николай Николаевич Калшников). Стихи и рассказы в жанре фантастики публиковались в альманахах «Кузнецкий камертон» и «Усытская россыпь», в журнале «Кузнецкая крепость». Награждён медалью «За отличие в службе» I, II, III степени, медалью «65 лет добровольным народным дружинам».

Земляне в кавычках

Рассказ на тему космической фантастики

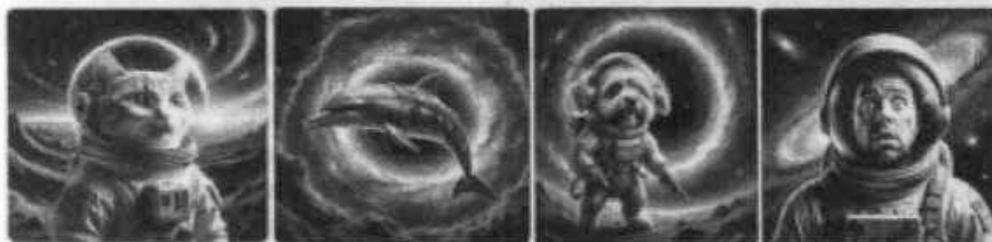
На родной планете мне, наверное, сейчас жутко завидуют. Ещё бы. Я единственный человек, который первым встретится с инопланетной, а, вернее, даже инозвёздной цивилизацией.

Я даже знаю, кто завидует больше всех, Ник Дуглас, кто ж ещё? Ну разве только какой-нибудь юный мальчуган, мечтающий о чужих планетах. А из обитателей звёздной Базы никто, кроме Ника Дугласа, так не переживал, когда из 1200 кандидатов «Большой Мозговик», наш супер-пуперный компьютер выбрал меня. И то верно, ну скажите, какой из меня по внешнему виду герой-первопроходец? Обычный молодой человек 27 лет от роду, без какой-либо значительной биографии. Сейчас журналисты всех континентов безуспешно пытаются изобразить из моей непримечательной внешности что-нибудь героическое.

Я уже представляю фотоколлаж, на котором мой курносый нос, бесцветные глаза и два моих подбородка пытаются высветить в героическом антураже. Надо полагать, я там мужественно стою перед иллюминатором главной рубки, сжимая в руках некий футуристический штурвал.

На самом деле всё сейчас выглядит очень даже буднично: я просто валяюсь в гамаке и плююсь на выведенную под потолок панель, на которой со второй космической скоростью мне навстречу «бежит» цель нашей двенадцатой космической экспедиции – загадочная магнито-ионная аномалия Фау-Линка.

Я, не торопясь, дожевываю шоколадный батончик и складываю фантик в карман комбинезона. Третий фантик уже, кстати. «Поросёнок», так меня дразнил Ник Дуглас, кумир всей женской половины Базы, спортсмен, красавчик и космонавт в четвёртом поколении. И вот теперь этот поросёнок, то есть я, буду героем. А Ник будет мужественно грызть ногти в надежде, что я загремлю в чёрную или зелё-

ную дыру, а он за меня выполнит Великую Миссию и, может быть, даже спасёт мою задницу. С целью хорошо так, от всей души над ней поглумиться. Он же настоящий «мачо»! Супер-Дуглас, супер-герой супер-галактики.

По честности, в герои я никогда не набивался. Специальность моя на базе – старший аналитик систем жизнеобеспечения главной экосистемы Базы. По здравому размышлению, должность абсолютно непонятная, чего там анализировать то? Гребная политкорректность.

Никто на этом «Ковчеге Куклачёва», как иронично называют нашу базу, не хотел называть мою должность по её

прямому смыслу. А смысл примитивен до жути: обеспечить, чтобы волки не съели овец, вернее, кошки не подрались с собаками, крысы с кошками, дельфины с мартышками и все остальные с этими самими «хомосапиенсами», мнящими себя вершиной эволюции.

Звучит как бред? Нет, бредом был тот самый эксперимент Аарона Штеймана, который «осчастливил» нашу планету разумной цивилизацией землян. Теперь мы все стали землянами, хотя каких-то 35 лет назад речь шла только о человечестве. В общем, люди долго искали грабли, чтобы на них наступить. И ведь нашли!

Примерно 50 лет назад учёные Мас-

сачусетского технологического построили «Цикловизор Янгенса», бредовую установку, манипулирующую магнитными, световыми, плазменными и прочими полями и излучениями, создавая из них всякие разные кружева. Не вдаваясь в технические детали, могу сказать, что в теории, а потом и на практике это стало «открывашкой» для дальнейших космических перелётов.

Полтора века назад все были помещены на чёрных дырах, а теперь люди смогли создавать нечто аналогичное. Дыры получились зелёно-голубовато-фиолетовые с золотистой искрой и выглядели, не в пример, наряднее и красивее. Само собой, у учёных появилось просто огромное желание закинуть кого-нибудь в эту дыру.

Сначала они кидали туда друг друга или сами прыгали. Но потом этот бардак и самодеятельность прекратили, а «дырконафтами» стали наши любимые животные.

Гм... Опять запрещённое слово сказал. Исправлюсь – представители Земной Фауны. Но по вполне понятным причинам толку от рассказов вернувшихся подопытных было немного, впрочем, от людей толку было ещё меньше, а чаще – совсем не было, так как люди возвращались вообще сумасшедшими, вернее, разумно-стерильными.

Был объявлен конкурс на создание скафандров для преодоления «Барьера Рыбаковского» (так звали первого превратившегося в растение учёного-экспериментатора) и конкурс на снятие с «подопытных существ» наиболее полной информации о барьере. Загадкой барьера было то, что «представителям фауны» он, похоже, совсем не вредил. Точнее, на их поведении это никак не отражалось.

В конце концов 30 лет назад один чокнутый учёный (а как иначе назвать одинокого человека, живущего в однокомнатной квартире с 14 кошками?) по имени Аарон Штейман разрешил данную проблему весьма оригинальным способом. Он просто решил сделать подопытных зверушек разумными. Его фраза: «Пусть они нам сами расскажут

и сами все объяснят» перевернула тогдашнюю цивилизацию.

Первый шаг был сделан. Грабли начали свой разбег в направлении лба человечества. Когда-то, ещё в двадцатом веке, некоторые романтики пытались научить обезьян языку жестов и расшифровывать мяуканье кошек, их можно было смело назвать чудаками.

Штейман пошёл дальше. Как видный ученый, изучавший функцию мозга и точно описавший в машинных кодах алгоритмы его работы, он достоин всяческого уважения, но его идея вживлять чипы-имплантаты кошкам и собакам была приличной дурью. Я, конечно, признаю, что нейро-стимуляторы Штеймана излечили кучу патологий мозга и буквально поставили диагноз «даун» в один ряд с диагнозом «проказа», т.е. куда-то в пункт: история медицины. Но идея, что все твари должны стать разумными, меня как-то не прельщает.

Меня угораздило жить в период этой самой «Революции Разума», и я до сих пор помню, что животных... Ой, блин, опять ругаюсь! Представителей фауны, конечно же, продавали в зоомагазинах и водили на поводках! Современным детям это приходится объяснять. И не все верят, между прочим.

Штейман проработал теорию Революции Мозга, построил первый мозговой нейро-резонатор и подключил кибернетическую систему модуляции речи для млекопитающих. Первым описал схему нано-робота для инициации развития мозговой деятельности у приматов, первым совместил функционал мозга жи..., ой, представителя фауны, с электронными вычислителями и манипуляторами. Мне было лет восемь, когда я вживую увидел по головизору первую пресс-конференцию со знаменитой кошкой Перси, прошедшей тест Тьюринга. Кошкой, имеющей IQ=122.

Так или иначе, разумные представители фауны уже реальность. Пятое и седьмое поколения, с которыми я по должности работаю, ведут себя вполне по-человечески, как в мультиках моего детства, и активно конфликтуют не только между собой но и с людьми. А я обычно разгребаю все проблемы и ссоры.

Название «специалист по конфликтам среди фауны» нашим руководителям, а, вернее, спонсорам, не нравится. Поэтому я по документам числюсь как аналитик. А сейчас числюсь как командир 12-й космической экспедиции. Неплохая карьера — сразу с 14 разряда на 49-й.

Однако пора исполнять свои командирские обязанности. Надо провести инструктаж с командой. Конечная цель экспедиции — прямо по курсу. Скоро вернутся зонды. Придётся выбирать один из 19 вариантов контакта.

Вилли Кригсмайер, наверное, предложит военный, а Марисабель Мурзикова просто наблюдение. Каспер — отмолчится. Значит, мне придётся опять самому выбирать. Ох, как мне это всё

надоело за четыре месяца перелёта!

Я нажал динамик селектора, прислушиваясь к звукам в кают-компании. Никто не собако-кошачился. Значит, опять байкотируются. Только Каспер монотонно булькал в своём отсеке.

Главный пилот экспедиции вообще не интересовался внутренними делами экипажа. Надо сказать, я с дельфином был полностью солидарен. Последний месяц мне приходилось большую часть времени полёта разруливать конфликты между главным инженером и заместителем по безопасности.

Когда я вошёл в кают-компанию, моим глазам предстала классическая картина: Марисабель Мурзикова, сняв скафандр, демонстративно вылизывалась, а лабрадор Вилли задумчиво крутил шейными манипуляторами прозрачный лист универсального ридера. Видок у пса был заметно обиженный.

«Командир, — прогнусавил его синтезатор речи, — командир, сделайте замечание члену экипажа Марисабель, которая нарушает правила утилизации сероводорода в общей санитарной зоне!».

«Нисет, ион саам нарушает изтикеет. Оон ввалился прямямо в саанотсек, когда я тааам былааа!», — промяукала Марисабель Мурзикова.

Она терпеть не могла синтезаторов речи и предпочитала разговаривать своим голосом. Её кошачий акцент был вполне понятный, но иногда совсем неразборчивый.

«Уважаемый главный инженер скребла когтями... по поверхности покрытия пола, — начал доклад лабрадор, — я ошибочно полагал, что его обнаружена неисправность, так как мои обонятельные рецепторы обнаружили резкое увеличение концентрации сероводорода в отсеке... И я хотел просто поверить!».

«Иии вламилсаяя прямямо в туааалет!!!», — дополнила его речь кошка Марисабель.

«О, как мне это надоело!», — подумал я, но углубляться в свару не имел никакого желания, поэтому я сразу начал по существу инструктажа.

— Конфликт, я думаю, уже исчерпан? Марисабель Мурзикова (чего ради кошки настаивают, чтобы их называли по отчеству, я до сих пор не понял),

Вас не затруднит включить в туалете вытяжку вентиляции? К сожалению, санитарная комната у нас одна и надо быть взаимно вежливыми. Я пришёл к вам не просто так. Каспер доложил, что мы, согласно расчётам, через 15 минут будем в пределах видимости Аномалии. Зонды уже возвращаются, передачу сигнала я им запретил, на всякий случай, во избежание перехвата. Через два часа приступим к расшифровке данных. Всем быть готовыми к работе.

«Нуу не моглааа этааа... киинилька мне штолиии СсМсСс прислатььь. Я жожж инжожжнеер. Ннааадо аааварийныыыы системьыы гооооовить!», — прошипела недовольно кошка, забира-

ясь в скафандр.

«Командир, орудийные системы готовы. Разрешите приступить к настройке системы запуска радиоэлектронной борьбы», — прогнусавил пёс.

Одновременно его лохматый хвост начал махать со скоростью пропеллера. Чует собака потеху! Не терпится, поди, залезть в боевой скафандр космодесантника...

«Разрешаю! — отдал я команду псу. — Пойду в пилотскую к Касперу. Надо уточнить маршрут эвакуации на всякий случай. Если что, я на связи по основному каналу. Только, ради Бога, не отвлекайте Каспера во время манёвров! Марисабель Мурзикова, я вам официально запрещаю играть с ним в морской бой по коммуникатору, начиная с этой минуты», — я развернулся и направился в отсек, где в специальной капсуле находился наш пилот, чёрный дельфин Каспер.

Когда у нас в сквере Базы решили поставить памятник кому-нибудь из учёных, занимавшихся проблемой разума живых существ, я голосовал за статую дельфина Клипера, было бы весьма стильно. Но кошачье лобби (2/3 негуманоидного населения Базы!) из своих кошачьих интересов выбрало клоуна Куклачёва. Я тогда ещё пошутил, что хочу ознакомиться с научными работами данного учёного. Но кошки не поняли шутку и подсунули мне диск с записью интервью данного клоуна-дрессировщика о том, что кошки умнее и честнее людей. За это ему и поставили памятник.

А дельфину Клиперу памятник не поставили, хотя именно он произвёл все необходимые расчёты для преодоления «Барьера Рыбаковского», закрывшего человеку дорогу в межзвездные туннели. В последние годы, несмотря на то, что все свыклись с говорящими собаками и кошками, проблемы сосуществования нескольких разумных рас в рамках общей цивилизации остались.

Завирусились десятки научных теорий и концепций развития земной ноосферы, кучи страшилок, появилась темя экстремистских организаций различного толка. Если ортодоксальные «гринписовцы» ратовали за уравнивание прав всех разумных, то ксенофобские группировки «Мы-люди», «Божьи дети», «Истинная церковь» и «Живодёры» путали всех тем, что человечество вырождается или будет истреблено новыми разумными расами.

Всё это породило новые векторы политики, социологии и психологии. И в принципе, многие люди от этого выгадали. Я, например. Моя кандидатская по теме «Земная цивилизация и проблемы освоения космоса» была положительно оценена кошками...

Я стал космонавтом. Вернее — командиром космической экспедиции. Конечно, если вы спросите Ника Дугласа, то он наверняка скажет, что карьерой я обязан своей младшей сестрёнке Анне. Конечно, персона Анны уже лет пять более известна, чем моя, всё-таки

один из ведущих функционеров «гринписа». Можно сказать, она единственный человек от которого «ташатся» абсолютно все кошки. И не только из-за того, что она вживила себе кошачьи гены, сделала пластическую операцию, чтобы внешне походить на кошку и вступила в брак с котом Маркизом Батоновичем, просто она умеет ладить с кошками. Кошки — это вам не скромняги-дельфины. «Кошки будут править миром» — есть такая цитата в запрещённой книге Али Мамади-Юсифа «Наследники человечества». Кстати, одна из моих любимых книг фантастики. Необычайно много Али угадал. Прямо как по нотам всё расписал. И хотя его антиутопия заканчивается истреблением человечества восставшими домашними животными, первая часть романа сбылась почти полностью.

Кошки добились признания их дееспособности, получили паспорта, право голосования на выборах и вообще почти всё, чего можно, добились (дельфинам и собакам до них как до Луны). Сейчас кошки — авангард интеллектуальной элиты негуманоидных земель.

Я вот иногда думаю, что было бы, не окажись Аарон Штейман кошачником? А был бы он, например, любителем канареек? В общем, кошки получили за счёт Штеймана огромный бонус. Работы по «совершенствованию» их разумности начались на десятилетия раньше, чем у тех же собак. Все наиболее совершенные мозговые биочипы разрабатывались именно для кошек. Генномодификация голосового аппарата кошек была закончена ещё 18 лет назад. А для собак подобное всё ещё в разработке и не вышло за стадии экспериментов. Адвокаты кошки Перси добились того, чтобы все патенты Штеймана, по его завещанию, перешли в собственность «Кошачьей Лиги». Даже Ватикан признал кошек разумными и достойными причастия. А котом-священнослужителем никого сейчас уже не удивить.

Собакам и дельфинам так не подфартило. Хотя, по честности, они по развитию ничем не хуже кошек. Но вот собаки по Ветхому завету и Корану — нечистые животные, а с дельфинами общаться можно только специалистам. Уж больно ограничена сфера их среды обитания.

Вот так и сложилось, что разумных дельфинов сотни, разумных собак десятки тысяч, а кошек уже сотни тысяч. Так сложилось, что собаками занимались военные и спецслужбы, причём, узкопрофильно. Натаскивали собак на замену людям солдатам. Кошки изначально не были «служебными» животными, сугубо утилитарно не рассматривались. Просто домашние любимцы. И полноценных киборгов из них никто делать не собирался. Иначе получилось с разумными собаками. Те почти на сто процен-

тов стали киборгами.

Возьмём, к примеру, нашего пса Вилли. Может ли он без своих ошейниковых манипуляторов исполнять свои обязанности? На задних лапах он не ходит, конечно, под применение человеческих предметов не рассчитаны. Вот и сует голову в свою конуру, чтобы автомат присоединил к его нейро-ошейнику нужный манипулятор или прибор.

С кошками всё было проще. У них по умолчанию голосовое управление техникой устанавливалось, и универсальное управление приборами, такое же, какое инвалидам делали. Когда ещё кошки были просто кошками, мне и в голову не могло прийти, что они имеют склонность к технике. Никогда мне такие мысли в голову не пришли бы. Ну, наш домашний котёнок Бендер любил смотреть телевизор. Но вот за интерфейсами компьютера его я просто не представлял.

Тем не менее, факты говорят сами за себя. Математические способности у кошек обнаружились, память тоже феноменальная, способность на слух воспринимать инженерные схемы вообще нечто невообразимое. Для меня, по крайней мере. Может быть, дело в том, что кошки любят игрушки? Взять хотя бы, к примеру, нашу Марисабель Котофеевну, т.е. Мурзиловну. Она может целыми днями своих «мышек» гонять. Конечно, универсальные ремонтные дроиды на мышку даже размерами не похожи, но Марисабель упрямо их называет мышками. Причуды не человеческого сознания. Хотя, по-настоящему, необычное мышление как раз у дельфина Клипера.

Я зашёл в помещение «штурманской». Каспер, как всегда, завис в своём прозрачном «одуванчике», расслабленно подрагивая плавниками. Конечно, назвать капсулу дельфина «одуванчиком» было неправильно. Но по мне при виде в фас именно так она и выглядела. Зависший в желеобразной субстанции дельфин был весь окутан расходящимися от него прозрачными нейроконтактами. 12 265 штук, если быть точным.

Основная система управления была замкнута на дельфина. Каждый нейродатчик на его теле имел свой аналог на внешней поверхности нашего космического корабля. Дельфин просто плавал в своей капсуле, а корабль повторял его манёвры в космическом пространстве.

Вы скажете, очень запутанная схема управления? Согласен, но вот иначе обойти пресловутый Барьер Рыбаковского пока не придумали. И «плавать» внутри радужных дыр могли только дельфины. Есть, конечно, компьютерные модели управления. В соответствии с формулами Клипера можно было рассчитать примерное отклонение от «магнитного стрекала» радужных дыр в пространстве, только вот в формуле присутствовала переменная — коэффициент напряжения в точке флуктуации по гребню. У компьютера гребня не было, а у дельфинов был. Поэтому точность отклонения от «магнитного стрекала» дыры у дельфина за счёт его не фиксируемого ничем механическим «равновесия ныряния» была 99 процентов, а у техники — всего 50. Поэтому без дельфинов соваться в радужные дыры могли только психи-одиночки.

Вообще дельфинам нравилось управлять космическими кораблями. Наверное, также детям нравится кататься на велосипеде. Учёным удалось скопировать чувства удовольствия от плавания на удовольствие от полёта в космосе. Космический корабль просто воспринимался дельфином как его тело.

Вначале учёные пытались использовать дельфинов в качестве био-компьютеров, но к науке, оказалось, имели предрасположенность едва ли два процента от всех «одарённых разумом» особей. Большинство дельфинов предпочитали наслаждаться полётами или просто играть. Единственный признанный учёный-дельфин с дипломом доктора наук был Клипер. Кстати, Каспер приходился ему какой-то родней, какой, чёрт его знает.

Кемеровское региональное представительство
Общероссийской общественной организации
«Союз российских писателей»
Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

СОЮЗ
РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Дмитрий СЕМЁНОВ

Земляне в кавычках

Рассказы

Составитель — Калашников Н.Н.

Новокузнецк
«Ник без Company»
2025

Дельфины живут в рамках «семьи стаи», в стае Каспера все имена начинаются на «К» и оканчиваются на «Р»: Катер, Квазар, Кир, Комар. Причём имена совсем от пола не зависят. Меня это больше всего развлекает. Подругу Каспера, например, зовут «Контейнер».

Впрочем, дельфинам, в отличие от кошек, более присуще чувство юмора. Без компьютерного переводчика с ними не поговоришь. Причём дельфины предпочитают общаться текстовыми сообщениями, переданными ими напрямую. Всякие мозговые «озвучиватели» они не приветствуют. Хотя это верно. Даже простые СМС Каспера иногда понимаешь не сразу. Вот сейчас Каспер на полном серьёзе со мной поздоровался: «Свежей рыбы тебе, Указующий пути миграций. Курс 2345-345-467-39876 без отклонений. Направление 3456-435-345-89677 для стыковки зондов. Отмечено резонансное отклонение на 12 градусов. Рыба уходит».

У дельфинов имелись особые, только им понятные образы. Например, «Рыба уходит» значило, что Каспер показывает своё нетерпение. «Свежей рыбы» — обычное приветствие.

Курс и направление дельфины показывали в своей любимой 4-плоскостной системе координат. Вообще у них там была ещё одна переменная. Но вот в космосе нет координат точки поверхности воды.

Спустя полутора суток наша уставшая вусмерть команда снова собралась в кают-компанию. Миссия окончена. Мне, как командиру, предстояло сочинять отчёт. И я, хоть убейте, не знал, как всё, что на нас свалилось, понятно сформулировать. Моё состояние очевидно легко читалось на лице даже собаками.

«Командир, мы сделали всё что можно...», — проскрежетал динамик Вилли.

«Верный пёс, но недалёкий», — подумал я.

«Мы вообще ничего не делали, — парировал я, — нас тупо поставили перед фактом».

«Ссогласна, — почти без акцента сказала кошка, — предлагаю уничтожить все записи и сказать, что никакого контакта не было! Просто это была аномалия! Игра природы!».

«Как ответственный за безопасность я не могу разрешить уничтожение всех аварийных и контрольных звуковых носителей информации», — проскрежетал динамик Вилли.

О, как мне хотелось отвинтить ему динамики вместе с головой.

«Тогда, Вилли, я предлагаю тебе прямо сейчас вступить в половую связь с нашим инженером для выполнения пожеланий этого Высшего Кос-

мического Разума. Ты сэкономишь много времени нашим учёным», — я просто сочился сарказмом.

И было отчего! Эта долблёная аномалия оказалась «Проекцией Единения Вселенского Высшего Космического Разума». И этот «умник» оказался вступать с нами в контакт! Вернее, делиться крупными своего разума с нами. Ну и чёрт с этим. Но то, что он с нами сотворил, было неопишимо! Какого хрена я прочитал заготовленное приветствие? Какого лешего мне надо было заикнуться о том, что мы Земляне. Разные по происхождению, но с единым духом? Какого хрена я сказал, что «наша сила в нашем многообразии»? Этот разум, подобно отстойному калькулятору, всё это проглотил, переживал и выплюнул:

«ВЫ ГЕНЕТИЧЕСКИ НЕЭДЕНТИЧНЫЕ СУЩЕСТВА, ВЫСТУПИВШИЕ ПОД ЕДИНЫМ НАИМЕНОВАНИЕМ «ЗЕМЛЯНЕ», В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ ГОТОВЫ К ПОЗНАНИЮ СОВЕРШЕНСТВА КОСМИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА В ПОЛНОЙ МЕРЕ».

ВАМ НЕОБХОДИМО ПРОЙТИ НЕСКОЛЬКО ЭТАПОВ ПОЛНОГО КОСМИЧЕСКОГО ЕДИНЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ, НО УЧИТЫВАЯ ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ, МЫ — ПРОЕКЦИЯ ВСЕЛЕНСКОГО ЕДИНЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО РАЗУМА, ДАРИМ ВАМ ШАНС НА ВХОЖДЕНИЕ, ВЫ, ВСТУПИВШИЕ В КОНТАКТ СУЩЕСТВА, ЧЕРЕЗ СУТКИ ОБРЕТЁТЕ СПОСОБНОСТЬ ИГНОРИРОВАТЬ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ ВНУТРИ ВАШЕГО СООБЩЕСТВА ЗЕМЛЯН И СПОСОБНОСТЬ ПЕРЕДАТЬ ЭТО СВОЙСТВО СВОИМ ПОТОМКАМ. ВЫ, ЧЕТВЕРО, СТАНЕТЕ ОСНОВАТЕЛЯМИ ЕДИНОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ РАССЫ ЗЕМЛЯН.

ПО НАШИМ РАСЧЁТАМ, ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ МЕЖДУ ВАМИ СОТРУТСЯ, И ВЫ СНОВА ПРЕДСТАНЕТЕ ПЕРЕД НАМИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ПРИНЯТИИ ВАС В НАШЕ ЕДИНСТВО. ЭТО БУДЕТ ВТОРОЙ ИЗ ЧЕТЫРЁХ ЭТАПОВ НА ВАШЕМ ПУТИ ИСТИННОГО ЕДИНЕНИЯ».

Как говорится: «Занавес».

«Ну что, дорогой мой экипаж! Кто-нибудь в себе чувствует генетическую трансформацию?», — спросил я, оглядывая свою команду.

В ответ была тишина, только Каспер булькал в своём аквариуме. Пёс настороженно молчал. Мерисабель Мурзиловна колотила о пол хвостом. Надо полагать, как единственная женская особь, она чувствовала себя очень неуверенно... Будущая Мама новой расы...

Я махнул рукой и побрёл в медотсек, прикидывая, хватит ли мне запаса медицинского спирта для снятия стресса... Уже при входе в отсек я услышал со стороны камбуза жалобный вопль: «Коммандир, эта сабака на меня странно смотрит... Маю».

«Сказка – ложь, да в ней намёк»

В Доме творческих союзов состоялся творческий вечер «Сказка – ложь, да в ней намёк» Людмилы Александровны ТАНКОВОЙ, члена Союза журналистов России, технического редактора региональной ЛХГА «Усятская россыпь».

Стихи Людмилы Александровны вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке. Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой Отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Давнее увлечение сказками позволило углубиться в древнюю историю

Руси: «В русских сказках нет ничего придуманного. Это передаваемая из уст в уста история славян, их обычаев, межродовых отношений, взаимодействий с высшими силами. В сказках заключены сакральные знания, суть которых сегодня утрируется, искажается».

Результатом этого увлечения стало появление у Людмилы Александровны сказов, основанных на утверждениях летописей, легенд, древних сказов. В отличие от современных фантазийных сказок отечественных и зарубежных авторов, в сказках героями являются реальные люди, жившие в «те дальние стародавние времена, которых никто уже не помнит, лишь носится о них память в ветре. Хранят истину сказы, легенды да песни баянов».

Однажды вечером

Людмила Танкова, известный журналист, увлекла нас вчера сказаниями... Она с недавних пор всерьёз осваивает новый творческий жанр. Мало кто из нас, пишущих, берётся за него сегодня. И знать надо много чего, да к стилю приноровиться. Потому слушали читку внимательно и в тишине... Потом своими стихами поделились поэты. Не самые, что на слуху. Альманах «Усятская россыпь» тем и славится в наших кругах, что даёт возможность проторить дорогу молодым да начинающим.

А ещё исполнялись песни на свою музыку и стихи. Долго не расходились. Было что обсудить, пожелать друг дру-

гу. Анатолий Николаевич Гуляев, писатель и главный издатель альманаха, напомнил, что в свет вышел 22 номер, и уже есть задумки, чему будет посвящён следующий. Как-то разом, коллективно, решили: встретимся осенью ещё! Не обо всем поговорили, не все стихи и песни были спеты и рассказаны.

Не припоминаю такого порыва...

Надежда Бейльман,
председатель Союза журналистов Новокузнецка.
Фотографии с творческой встречи с журналистом Людмилой Александровной Танковой в Доме творческих союзов прислал О. Дерягин, член фото клуба «Сибирь».

Из тьмы веков и бытия

*Ты многолик, но всё ж един,
Прошёл сквозь время, боль и дым.
Слеза упала на песок,
И серебром покрыт висок.
О чём глаголить, что искать,
Или просящим хлеба дать?
На семь хлебов есть семь холмов...
И путь не близок у волхвов.
Но в мире ты и не мираж...
За это, друг мой, всё отдашь.*

У каждого человека есть обязанность перед детьми и внуками, чтобы они знали историю своего народа, страны. Не кланялись бы чужим богам, не преклонялись перед чуждыми обычаями. В каждом обычае народа заложен многовековой народный уклад.

Чужие обычаи надо уважать, а свои беречь – только так можно сохранить свой народ от растворения.

Много веков пытаются в нас вытравить народность, западные стратеги уничтожили громадный пласт славянской истории. Очень жаль, что мы этого ещё не поняли.

Вбирая чуждое, мы глушим то, что нам дано от рождения.

Одни из забытых персонажей нашей истории – славянские боги.

Создание богов – это историческая веха в развитии общества людей как отражение страхов, гордости, для передачи своих обычаев и семейных правил.

А много ли славянских богов мы знаем?

С грехом пополам – Перуна. А ведь это наша история. Получается, что у русичей нет истории.

Много лет назад попалась мне в руки «Велесова книга». Пришлось её не просто читать, а внимательно изучать. Появление Интернета помогло понять сущность истории нашего народа.

Оказалось, что в литературе и искусстве – это поле не паханое. Такая мощь народа содержится в былинах и сказках Руси. В них содержится пояснение наших обычаев, слов и выражений.

Я попыталась прикоснуться к истории моего народа в сказках и пересказать её. Герои мои сказов – это персонажи мифов и реальные люди, жившие в те далёкие годы.

Бой на Калиновом мосту

Во многих сказках русские богатыри бьются с поганим змеем на Калиновом мосту через речку Смородину.

«...Выбежала царица из горенки, слезами заливаясь:

«Сыны мои милые, напал на нас змей лютый, идёт на нас через речку Смородину, через чистый Калинов мост. Всех людей кругом в плен взял, землю разорил, огнём пожог...».

О чём же это горюет царица?

Калинов мост – мост через реку Смородину в русских сказках и былинах, соединяющий мир живых и мир мёртвых. За Огненной рекой жил Змей Го-

рыныч и находилась избушка Бабы-Яги. Большинство специалистов и словарей поддерживают версию, что речь ведётся о раскалённом мосте через огненную реку.

На самом деле это не вымышленные сказочные объекты. Они существуют и по сей день. Находятся на Кавказе и Калинов мост, и река Смарга (Смородина), то есть Огненная река. Калинов мост соединяет берега Смарги: правый красный и левый серый. В преданиях это вход в царство Нави, то есть, мира мёртвых.

Не буду вдаваться в подробности своих изысканий. Только приведу некоторые пояснения, так как тема в большей степени не имеет широкого распространения.

Всегда пыталась понять, почему у нас пшеницу называют белойрой. Такие слова, как ярость, яровой, яркий, яриться имеют разное значение, но от всех идёт ощущение силы, могущества.

Думаю, что эти слова произошли от имени князя Буса Белояра. Княжил он в Русколани, около знаменитой горы Алатырь (Белый камень). Если посмотреть на карту, то увидишь, что Русколани со столицей Кияр расположена была в северной части Кавказских гор. А гора Алатырь – это не что иное, как гора Эльбрус. «Эльб» – белая, «Рус» говорит за себя – «Русь», (по аналогии: название реки Эльба переводится как Белая река). Вспоминаем формулировку титула московских царей с 1656 года: «Государь всея Великия и Малыя и Белья России самодержец».

Справка: Баян-сказитель был сыном и первым биографом Буса Белояра, его песни и игра на гуслях завораживали русичей и рассказывали о подвигах князя. По его имени стали называть всех сказителей баянами.

Веды русичами передавались из уст

в уста былинами и песнями баянов, иносказами о великом учении богов, дабы не попали списки в нечистые руки и злые головы, не были даны для злых дел в угоду врагам и слугам Огненного Змея

Сказ о Бусе Белояре

Сказывали стары люди, что в стары столь стародавни времена, что уже баяны песен о их не сказывают, языки не помнят, в Русколани правил славный князь Дажин (Дауо). И было у него семь сыновей и шесть дочерей. А в день, когда взошла на небе звезда Чигирь, родился его сын Бус Дажинич из рода Белояр. Это Ирийские боги славили рождение светлого князя. И повисла Чигирь-звезда над Алатырь-горой, над светлым Кияр-градом. Засветилась Алатырь-гора, вздрогнул Кияр-град.

Это родился защитник Земли-матери, посланник богов, великий волхв, что завершит Сварожий год. Справедлив был Бус Белояр. Суд правил по всей строгости. Виноватые виноватылись, правые козырем шли...

Удивительно то, что по звезде Чигирь (комете Галлея) была определена дата рождения Буса Белояра – он родился 20 апреля 295 года н.э.

Ещё немного словаря, чтобы стало понятно, о чём я говорю.

Бус, Бож, Бос, Бас – в разных летописях у разных народов есть легенды о Бусе Белояре. Боже мой (возможно, происхождение этого возгласа от имени Божа-Буса)

Русколани, Роксолани, от неё остались только развалины Кияра, менгир, да надгробный памятник Бусу Белояру.

Людмила Танкова

Не суди и не будешь судим

Николай Борисович Подсевалов, член Союза кузбасских писателей, родился 4 ноября 1953 года в городе Киселёвске Кемеровской области. В 1970 году окончил ПТУ №8 по специальности «электромеханик». Много лет отработал подземным электрослесарем и техником на угольных предприятиях города.

Литературным творчеством (поэзией) Николай начал заниматься со школьных лет. Первые стихи публиковались в киселёвской городской газете.

Обладая хорошим сценическим голосом и дикцией, был победителем городских и областных литературно-поэтических фестивалей и конкурсов. Стихи размещал и на интернетовских сайтах: «Островок», «Шахтёр» и других.

В стихах Николая Борисовича раскрываются не только многие жизненные темы, но и глубокие философские размышления о смысле человеческого бытия на земле, справедливости.

Николай Борисович являлся частым и желанным гостем не только в киселёвской средней общеобразовательной школе № 31 (о которой он написал несколько стихотворений), но и в других, и не только в своём городе.

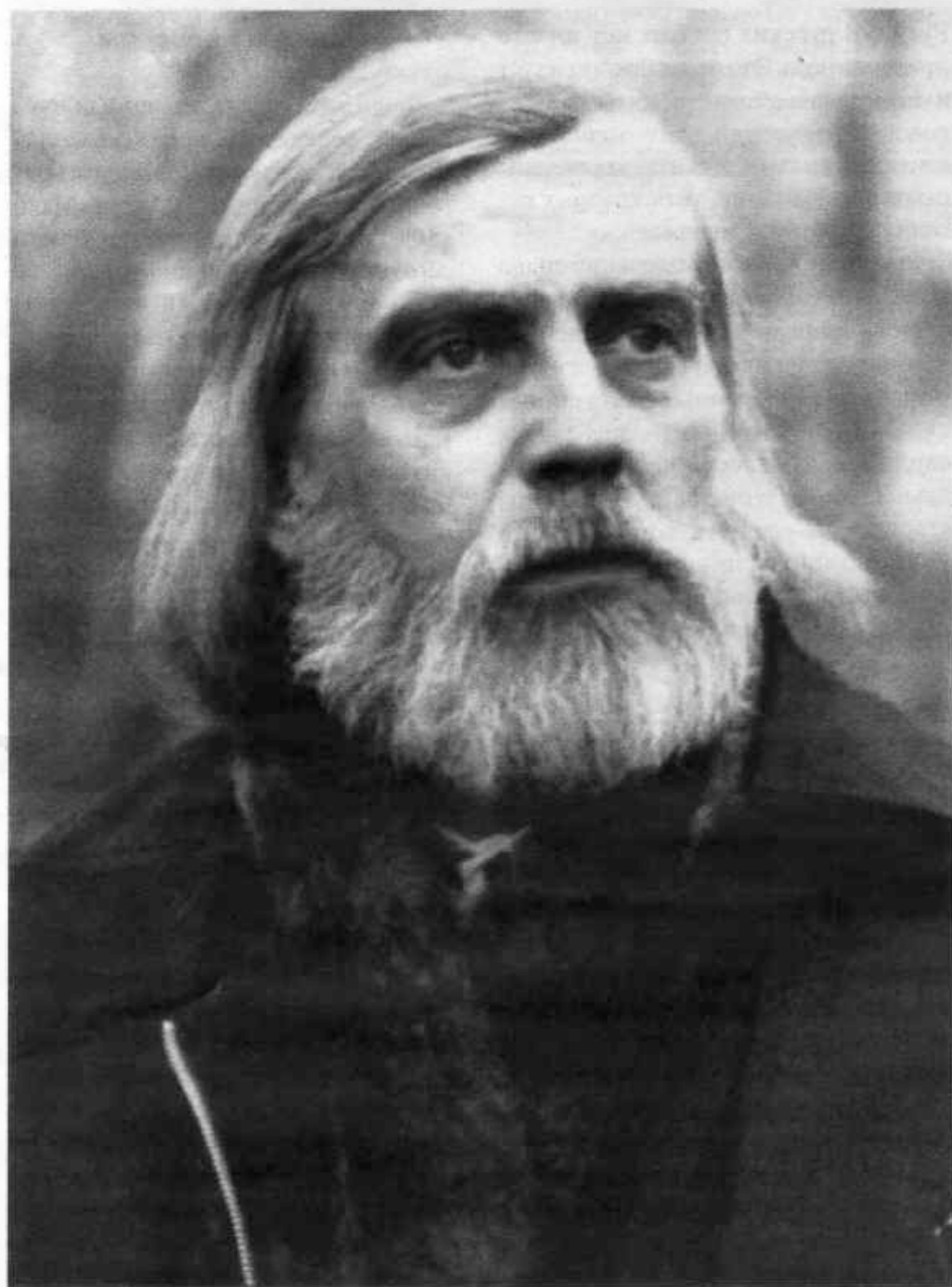
По предложению Валерия Абраменко (киселёвского поэта, считающего себя учеником Николая Борисовича Подсевалова) на сайте литературного клуба «Исеть» на странице «Книжная полка» размещён сборник стихов «Дань памяти кузбасского поэта Подсевалова Николая Борисовича».

Вот что говорил о Николае Борисовиче известный прокопьевский поэт В.И. Савинков:

«С поэтом Николаем Подсеваловым я познакомился на фестивале «Шахтёрские зори», который проходил в городе Прокопьевске в ДК «Ясная Поляна». Поэт из Киселёвска привлёк к себе внимание замечательными стихами о буднях нелёгкого шахтёрского труда. Стихи его справедливые, пережитые сердцем и душой, автобиографичные, написанные со знанием шахтёрской жизни.

Случилось же такое чудо: человек, отработавший в шахте, в опасных забоях много неповторимых лет, выдал «на-гора» стихи, которым едва ли найдёшь равных во всём Кузбассе! Цель жизни поэта — не только писать необходимые для себя и близких, зовущие к любви и человечности стихи, но и отдать себя общему, трудному делу добычи угля во славу родного края.

Вот она, горькая правда шахтёрской жизни, правда, добытая им, которую он выразил в стихотворении «Ответ на вопрос»: «Живём затем, чтоб уголь дать стране, чтобы тепло его служило славе, чтоб видеть завтра в каждом пацане и помнить тех, кто жизнь

оставил в лаве, кто выводил из крена грозный щит и им же был безжалостно убит».

Мне самому пришлось отработать в шахте 35 лет и видеть, и осознавать то, что там происходило, и тут же сопоставлять прошедшее и сегодняшнюю действительность, и я отдаю должное поэту Подсевалову за его правдивые стихи, открывающие глаза и чувства на труд шахтёров. Чтобы написать подобные строки, нужно иметь обоснованное право. И сейчас из воспоминаний поэта льётся радость труда, которым он жил и восхищал близких.

Как поэт Николай Борисович не может равнодушно созерцать прелесть окружающего мира, его зовут к себе цветы и травы и ещё не пройденные глубины подземного царства. В стихотворении «Рассвет, и мне уже не до стихов», поэт рассказывает о повседневной спешке в работе...».

Иван Поляников, киселёвский шахтёр, хорошо знавший Николая Подсевалова, говорил:

Тема шахтёрского труда им задета особенно серьёзно и правдиво, и мне, старому шахтёру, грех скрывать, что Николай Подсевалов прожил правильную жизнь, понимая и осознавая

то, чем дорожит вчерашнее и сегодняшнее поколение, от которого должны будут пойти хорошие корни, которые подарят нашему краю и нашей России новые всходы.

Жаль одно, что до сих пор стихи Николая Подсевалова считают неостребованными руководители нашего города, и то, что их печатают только на страницах некоторых наших газет, чем отдают нас, горожан, от этого прекрасного человека.

Я, старый горняк, прошедший путь от коногона до других подземных профессий, признаю Николая Подсевалова лучшим поэтом нашего края и нашего времени за его правильную принадлежность нашему пока ещё несовершенному миру, часть которого он прошёл и оставил в нём свой след:

«Спешу под купол вешего холма, где золото имеет чёрный цвет, искать многозначительный ответ — зачем живу и поглощаю свет?... И нахожу его, крепя крутой забой! Ответ таков:

«Вся жизнь — за правду бой!».

Сам же Николай Борисович сказал о себе 12 февраля 2005 года так:

«С чего начинался мой творческий путь? Отвечу:

С той первой аллеи, с букета цветов, что давил мне на грудь, и школьной за парты скамейки.

Не будь того дня, я не смог бы сложить ни строчки, ни мысли, ни слова! Поскольку без знаний немыслимо жить. А школа — всей жизни основа!

Тогда мы не знали, кем будем теперь...и видел по-своему каждый, открытую в мир свою школьную дверь и шёл по пятам своей жажды.

Я восемь профессий имею сейчас, и каждой пришлось мне учиться, у каждой был свой отличительный класс и каждой из них я гордился.

Я ставил опоры, тянул провода, я был бригадиром на станах; сквозь волны эфира входил в города, бывал в удивительных странах; я многие годы провёл под землёй — межсменны дни не считаю, бывало, навечно прощался с семьёй... Но — выжил и жить продолжаю!

Меня будоражили наши леса, манили скалистые горы, с друзьями я видел вблизи небеса, а с них — поднебесья просторы. Я рвался туда, где штормили моря, где пенились реки в порогах, где пар от болот поднимала заря и свет отражала в протоках.

Мой творческий путь? Интересный вопрос! Ответ будет точен и краток: «С тех самых сибирских загадочных рос и жизни несметных загадок. С тех самых сердец, что вливали в меня свои бескорыстные души с потоками нужного людям огня, решимость свою... не нарушив!».

Агатолий Гуляев, член Союза журналистов России.

«Я познакомился с Николаем Подсеваловым как редактор ЛХГА «Усятская россыпь» в скором времени после начала функционирования Альманаха.

В шестом номере «Усятской Россыпи» (ноябрь 2009 г.) была опубликована первая подборка стихов Николая Подсевалова на двух страницах.

Двухполосные же публикации его стихов увидели свет в восьмом и девятом номерах ЛХГА, выпущенных, соответственно, в декабре 2011 года и в октябре 2012 года. Вместе все три публикации были самые большие из всех опубликованных поэтических авторских материалов «Усятской россыпи».

Но Николай Борисович постоянно высказывал мне недовольства и претензии по качеству публикаций его материалов. Возможно, из-за его недовольств или в силу полного творческого истощения, но больше своих материалов он в редакцию не предоставлял.

Насколько мне известно, персональных сборников стихов Николай Борисович Подсевалов не выпустил ни одного и, возможно, что всё его творческое литературное наследие потомкам — это материал, который опубликован на шести полосах трёх номеров ЛХГА «Усятская россыпь». Тем не менее, и этого материала достаточно, что-

бы называть Николая Борисовича Подсевалова состоявшимся и большим кузбасским поэтом!

Жизнь Николая Борисовича не была ровной дорогой, было много колдобин на творческом пути поэта, зачастую спровоцированных им самим. Последние годы он жил одиноко в неотапливаемой лачужке одного из полубарачных домов города Киселёвска (в районе машзавода), чем возмущался, говоря: «Вот как живут поэты в Киселёвске...». Подсевалов сильно переживал из-за расставания с семьёй, о чём он писал сыну в своих стихотворениях:

*«... Не ругай меня, малыш, не брани,
Я сегодня вновь отведал вина.*

Не понять тебе меня — извини...

Жизнь, мой милый, иногда солоня...

Слышишь, в чайнике бурлит кипяток.

Вот сгущёнка, ешь печенье — рубай!

Я же горькой «приголублю» чуток...

Поругай меня сынок, поругай!».

Подсевалов Николай Борисович ушёл из жизни в 2021 году.

Николай Подсевалов

(Избранное из публикаций в ЛХГА
«Уральская россыпь»)

Мне сказали: я страшно живу.
И добавили — так не живут!
Что я облаком слёзным плыву,
Что меня невезучим зовут.

Ну и что, пусть какой-никакой...
Невезение — это мой крест,
Мне неведомо слово покой,
Я не знаю счастливее мест!

Мне сказали: я глуп и упрям,
Но я знаю, что это не так,
Знаю то, что я волен и прям,
Ненавижу нещадных атак.

Презираю коварную ложь,
Не терплю хвастовства и того,
Кто заносит в истерику нож,
Возвышая себя самого.

Мне сказали: «Беги от себя,
От своих наречённых врагов —
Невозможно прожить не любя,
И не веря в правдивых богов...».

Но откуда ж советчикам знать
О врагах и моей нелюбви,
И зачем меня с места срывать
И месить кривотолки в крови?..

Я живу потому, что люблю,
Потому что любим и пригож,
Потому что мгновенья ловлю,
Не используя сети и ложь.

Не копайтесь в моих небесах,
Лицемеры сегодняшних дней,
Лучше взвесьте свой ум на весах,
Это будет гораздо честней!

Мне сказали: «Я странно живу»,
Мне сказали: «Я страшно живу...».

Я ответил: «Живу, как могу!
Но зато — не краду и не лгу!».

Не суди и не будешь судим,
Не теряй и искать не придётся,
Не взыщи, коли кто нелюдим...
И тебе это вскоре зачтётся.

Не ищи, что давно не твоё,
Не присваивай чьи-то потери,
Не бери за основу враньё,
Коль соврал, то не прячься за двери.

Если всё же тебе повезло
И тебя похвалили когда-то —
Уходи от гордыни... назло!
И познай то, что истинно — свято!

И не верь тем, кто, выпятив грудь,
Словом лестным тебя обласкает!
Поскорее такого забудь,
Пусть хвалящий тебя избегает.

Если бой, то смелее — вперёд!
Трусость — верная тропка к позору,
А позор зачастую ведёт
Не к вершине, а резко — под гору!

Не суди и не будешь судим!
Нас осудят лишь наши потомки:
За стихи, за объёмность груди,
За пустые по жизни котомки...

И за то, что мы были всегда
Нетерпимы к насильственным мерам,
И тогда, я уверен, тогда!
Мы послужим потомкам примером!

И время ушло, и загадывать поздно,
И небо ночное безудержно звёздно,
И тишь запрещает вернуться в былое,
И, кажется, кто-то твердит о покое...

И хочется вытеснить душу наружу,
И взвыть, словно пёс, в
беспробудную стужу,
И выплеснуть чувства
на мир оголтелый,
И взять из него треугольничек белый —
Послание друга, ушедшего в лету,
И это послание выдвинуть свету...

По крыше, обитой морозною жестью,
Скользит злополучности
скорой известье,
И снова душа задышается в плаче,
И призрак, незримый, поёт об удаче...

И видятся те, кто уже не вернутся
В страну, что не может
от горя проснуться...
Повсюду звенят голоса литургии,
И сеет народ ожидания благие...
А звон с колоколен всё громче и чаще,
Но думы не стали от этого слаще.

Усталость

4 ноября 2009 года — полнолуние,
день моего рождения

Толи песнь запеть, толи в пляс пойти,
Толь испить вина, да сума сойти;
Толи выйти мне на ночной балкон,
Да рвануть с него, сквозь перила, вон!

Извела судьба — сердце в клочья рвёт,
Чёрный червь уже мою душу жрёт,

Не шагнуть вперёд и назад нельзя,
Поперёк судьбы не легла стезя.

Год за три идёт, а какой за пять —
Нет тех прежних сил за себя стоять.
Что ни новый день, то яснее явь —
Хоть коли глаза,
хоть в них спички ставь!

Не ложится мне, и уснуть невмочь —
Изгаляется надо мною ночь,
Вновь крутла луна, словно адов блин,
В грудь мою вонзив злополучный клин.

Я и песнь пропел и пускался в пляс,
И вино в себя из стакана тряс,
Но с ума сойти не сумел — не смог,
Знать не дал добро мне на это Бог!

И на свой балкон я не вышел в ночь,
Оттолкнул меня Ангел Жизни прочь...
Толи песнь запеть,
толь пуститься в пляс,
Толь споганить рот сквернословьем ляс,

Жизнь пошла в урон, на душе печаль,
Горизонт расшит в чёрную вуаль...

Кто там с зажжённой свечкой
прячется в дальнем углу,
там, за остывшею печкой,
ночь продевая в иглу?
Холод вонзается в тело,
шёпот срывается с уст —
в дальнем углу, то и дело,
слышен загадочный хруст...
Может, трещат переборки
Старенькой этой избы?
Может, за стенкой, в каморке,
кто-то строгаёт гробы?
Тень по стене пробежала,
тронула штор волокно,
пламя свечи задрожало —
ветер пробился в окно.
Дунул, листая тетради,
в этой кошмарной тиши...
Кстати, а, может, нестати
дверь проскрипела: «Пиши!».
Руки по полочкам шарят,
жадно ища карандаш,
мысли межстрочные шпарят,
прочь оттесняя мираж.
Сон разрядил обстановку,
тело склонилось к столу,
мысль потеряла траекторию —
страх превращая в золу!
Утро... ушла непогода,
Схлынула прежняя хмарь.
В дальнем углу, у комода,
мышь догрызает сухарь...
Зеркало к стенке прижалось,
Боже, хоть плачь, хоть кричи —
глянул, а в нём отражались
стол... и огарок свечи!

Под недр взволнованные стоны

Я слышу гул подземных масс
И содроганье их от взрывов,
Как зло шипит глубинный газ
И выпускает боль нарывов.
В глубинных мастерских идёт
За уголь бой — игра со смертью —
Горняк полемику ведёт
С подземной чёрной крутовертью.
Он вторит ей, буря шпурь,

О том, что уголь нужен миру,
Взрывник в забой ведёт шнуры,
Как будто свет в свою квартиру.
Забой отбурен, и заряд
В шпурь заложен, пыль осела,
Ещё мгновенье, и наряд
Бригада выполнит умело.
Пуста углеспускная печь —
Покуда ветер в ней гуляет,
Взрывник велит бригаде лечь,
Где безопасность позволяет.
Под устье печи люковой
Порожнячок поставил рьяно.
Он тоже парень деловой
И повзрослел, как видно, рано.
Предупредительный свисток,
И недра дрогнули от взрыва,
И угля свежего поток
По решёткам поплыл игриво...
Углеспускная печь полна,
Ещё мгновенье, и вагоны
Заполнит чёрная волна,
Под недр взволнованные стоны.
И вновь в забое свист сверла,
И вновь взрывник к шпурам шагает —
Идут шахтёрские дела,
А время в завтра убегают.
И снова взрыв, и печь гудит,
Приняв в себя дроблёный уголь,
И мастер весело глядит,
И смена движется на убыль...
Доставлен новый порожняк,
И люковой, как обезьяна,
Снуеть среди горных железяк
И план доводит без изъяна.
Тяжёлый угольный состав
С участка медленно отходит
Вагона каждого сустав
Свою мелодию выводит.
Бригада выполнила план,
Идём к стволу: устало, мерно...
И провожает нас метан,
Шипя вослед высокомерно.

Бессонница

За полночь скоро, а ты всё не спишь,
Что же тебе не даёт?
Снова скребётся
за плинтусом мышь,
Ветер в деревьях поёт.

Старый ночник сеет матовый свет,
Мерно будильник стучит,
Словно листает историю лет,
Стрелкой секундной сучит.

Нет больше звуков — пора бы уснуть.
Что ж ты не спишь, малышок?
Полно глазеть на полночную ртуть —
Дай прочитаю стишок.

Дай посижу у постельки твоей,
Плечи твои обойму.
Что-то не слышен в ночи соловей —
Непостижимо уму...

Ты прижимаешь ладони мои
К маленькой грудке своей,
Время вращает бывшего слона
В памяти светлой твоей.

Ты засыпаешь, а мне не уснуть,
Что же приснится тебе?
Завтра продолжим наш
жизненный путь,
Не покоряясь судьбе...

г. Киселёвск

Под занавес 2025 года серьёзно пошатнулось здоровье заслуженной прокопчанки, создателя и руководителя прокопьевского литературного клуба «Союз любителей поэзии «Кузбасский родник», в шутку называемого её подопечными и друзьями «Союзом» Людмилы Павловны».

Людмила Павловна родилась 22 января 1951 года в одном из русских селений с названием Владимировка на великой русской реке Волга. Но с самого раннего детства живёт в Прокопьевске, который считает своей второй малой родиной, где она выросла и окончила среднюю общеобразовательную школу.

После окончания филологического факультета Новокузнецкого педагогического института более 50 лет отработала учителем русского языка и литературы в школе № 1. Оттого лично знакома со всеми её знаменитостями, в том числе и с дважды Героем Советского Союза лётчиком-космонавтом Волевым Б.В.

Людмила Павловна — победитель областного конкурса «100 лучших учителей Кузбасса». К своей работе она всегда подходила творчески: учила учеников не только знанию своего предмета, но и исследовательско-творческим навыкам в области русского языка и литературы, работы которых представлялись и получали высокие оценки и места на общегородских школьных научно-практических конференциях и конкурсах.

Кроме того, Людмила Павловна принимала активное участие в создании и разработке методик работы первого прокопьевского городского литературно-поэтического клуба «Вдохновение», позднее решила и сама на создание литературного объединения и создала региональное литературное объединение «Союз любителей поэзии «Кузбасский родник» (СЛП «Кузбасский родник»), является бессменным его руководителем по сей день. В состав «СЛП» ею были введены не только поэты и прозаики городов южно-кузбасского региона, но и других областей нашей необъятной Родины и даже из других стран, небольшие про-

«Союз любителей поэзии «Кузбасский родник»

изведения которых были опубликованы ею в 30 коллективных сборниках разных литературно-жанровых направлений (поэзии и прозы), организованных и выпущенных ею на самиздатовских началах и принципах (вскладчину): «Минута памяти», «Люблю я город свой с рождения», «В сахарном инее гроздь рябины», «Не отрекаются, любя», «Ангел мой», «Вам улыбка так к лицу», «Избранное» и другие. При этом число публикуемых небольших произведений различных авторов в некоторых выпусках достигало 250 человек и даже более.

Многолюдные презентации литературных выпусков (сборников) Людмила Павловна проводила в актовом зале своей школы, оттого можно говорить без стеснения, что средняя общеобразовательная школа № 1 стала в Прокопьевске ведущей не только с точки зрения знаменитости её выпускников, но и как действующий городской литературный центр.

Людмила Павловна Лукьянова оказывала большую методическую помощь в создании и оформлении пяти авторских поэтических сборников лучшему на сегодняшний день прокопьевскому поэту-шахтёру Виктору Ивановичу Савинкову, написала отзыв к его сборнику стихов «Тихой нежностью в душу стучась», изданному в 2007 году.

Людмила Павловна выпустила и свою авторскую книгу «Судьбы простое полотно», в которую вошли её собственные стихи, рассказы и исследовательские работы, кроме того, она автор и составитель книги о прокопьевской средней общеобразовательной школе № 1.

Она любит творческих людей, поэзию, свою малую родину, постоянно совершенствует литературно-творческое мастерство: «К ней «ветер стучится в окошко», в её сердце «расцветают любимые незабудки», к её порогу «подбивает клинья осень», а в душе — нет места для грусти, грустить просто некогда, нет времени», — так сказано в завершении биографической справки о Людмиле Павловне Лукьяновой на её странице в коллективном сборнике прокопьевских поэтов «Когда приходит вдохновение», выпущенной администрацией города Прокопьевска в 2013 году под личным патронатом главы администрации города Прокопьевска В.А. Гаранина.

Родное всё — роднее не найти
Сиреневый закат в окошко просится,
И туч круговорот — всегда в пути,
И звёзд мерцанье серебристых —
россыпи...

Родное всё — роднее не найти!
Сюда зовут рябиновые кисти,
Костром пылающие в тишине,

И месяц-ободок, что в небе виснет
На серебристой голубой волне.
В свои владенья ночь уходит ласково —
Спешит на смену новый светлый день.
И утро со своей улыбкой ясною
Застенчиво уходит за плетень.
А перед ним — отцовский домик
старенький,
Дымок струится белый из трубы.
Родная улица, проулок маленький —
Родное всё, роднее не найти!
Коснулась жизнь всего

своим дыханием,
Прошла тяжёлой строчкой по судьбе,
Живёт в душе былым воспоминанием
О Родине, о доме, о родне.

Эта осень

Эта осень последней не кажется —
Не хочу расставаться я с ней.
Пусть последню песней окажется,
Только будет она подлинней.
...Свет души затихает застенчиво,
Тёмным кружком вьётся кругом.
Жизнь-судьбинка, ты так
переменчива,
Отложи свой уход на потом.
Свой наряд, золотой и серебряный,
Не меняй ты на чёрную шаль.
Не зови в зимы мрачные дебри —
Мне с тобой расставаться так жаль.
Пусть осеннее утро вновь светится,
К жизни тянется новый росток.
Новый день непременно затеплится,
И пусть греет любви огонёк.
От себя хочется добавить: Да...помоги
Бог хорошему человеку — Людмиле
Павловне Лукьяновой преодолеть её
незванный недуг и поскорее вернуться к
прежним своим благим делам.

...
Январский день богат снегами,
Но солнце уже ярче светит,
Поздравить Вас хотят стихами
Два незадачливых «поэта».
Берём мы в скобки это слово,
И нас совсем не ждёт Парнас.
Как пионеры мы готовы
Поздравить с Днём рождения Вас!
Вся Ваша жизнь — служенье музам,
поэзии и просвещенью...
Желаем этому Союзу —
побольше сил и вдохновенья!
Слуга Эвтерпы и Минервы,
Гуру в поэзии для нас...
Мы к Вам приходим, словно в первый
Поэзии учебный класс!
Один из нас совсем уж неуч:
Хорей и ямба не различит,
Мечту поэтом стать лелеет,
Почти поэтом себя мнит!
Не раз ему Вы объясняли
Азы писания стихов.
Он, в своём творческом запале,
Учиться не совсем готов!
Он и обиды не таит
И Вас за всё благодарит!
Другая тоже ему вторит,
Хотя есть некий интеллект,

Его могла бы урезонить:
Она немножечко поэт!
Мы потрудились не напрасно
И сочинили этот стих:
Ваш День рожденья —
Славный праздник,
И пусть продлится этот миг!

С уважением и любовью: Николай
Янкин, Любовь Хабарова.

...

Людмила Павловна, поздравляю Вас с юбилейным Днём рождения! Выздоровливайте и будьте Господом хранимы!

Н. Бобрышева.

...

Свершает время дней рождений
круговорот.
И так идёт без повторений, за годом год!
А ты совсем не изменилась!
Ну...так, чуть-чуть!
И только ярче
Появилась ПОРТРЕТА суть.
Пусть жизнь твоя
Всегда в движении, всегда ПОЛЁТ!
И пусть вершится
Дней рождений круговорот!
С любовью, Любовь.

...

«Сорок пять» нынче выпало Люде!
Ничего не могу тут сказать.
Она вновь, словно вишня на блюде,
Так и манит её смаковать!

Я плыву за тобой, как сохатый!
Из воды торчат лишь рога!
Воду гребу лопатой,
Не смея глядеть на берега!

Ты — волжанка, скользишь величаво!
Мне тебя никогда не догнать!
Я ж чалдон — мужичье начало,
И татарских кровей моя мать!

Люда, Люда, Людмила... не слышу:
Сон или Полынь-трава?
Знать, снесла мою ты «крышу»,
Если кругом пошла голова!

И, разорвав душу раной,
Ударил в голову спесь!
Шальной я пойду или пьяный,
Тобой зацелованный весь!

Ты слов самых лучших достойна,
Незрима твоя краса:
Людмила, Людмила, Любила... —
Ты рвёшь все мои «паруса».

О, где ж вы, кони мои удалые?
Увёз бы я тебя из января в май!
Омыл бы твои ноженьки младые
И пил бы всю жизнь, через край.

Если б мне смахнуть года,
Дурь бы холостяцкую!
Сыпал б на пол Вам тогда
Россыпь бы Усвятскую!

Анатолий Гуляев

Староверы или древлеправославие

Как сообщает сегодня Интернет, старообрядчество (до указа о веротерпимости 1905 года) — раскол, раскольничество; древлеправославие (позднее самоназвание ряда течений) — совокупность религиозных течений и организаций в русле русской православной традиции, отвергающих предпринятую в 1653–1660 годах московским патриархом Никоном и русским царём Алексеем Михайловичем церковную реформу, целью которой провозглашалась унификация богослужебного чина Русской церкви с Греческой церковью и, прежде всего, с Константинопольской церковью («книжная справа»).

Богослужебная реформа была одобрена и подтверждена постановлениями ряда соборов, проходивших в Москве в 1653–1680 годах. Противники реформы были преданы анафеме как еретики на Московском соборе 1656 года (только державшиеся двуперстного крестного знамения) и на Большом Московском соборе 1666–1667 годов. Реформа вызвала раскол в Русской церкви. В результате появились оппозиционные группы раскольников, впоследствии разделившихся на многочисленные согласия.

В XX веке позиция РПЦ по старообрядческому вопросу значительно смягчилась, что привело к определению поместного собора 1971 года, в частности, «утвердить постановление Патриаршего Священного синода от 23 (10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского собора 1667 года», наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православных христиан и считать эти клятвы «яко не бывшие».

Снятие «клятв», однако, не привело к восстановлению молитвенного (евхаристического) общения старообрядцев с поместными православными церквями. Старообрядцы, как и прежде, считают лишь себя в полной мере православными христианами, квалифицируя РПЦ Московской патриархии как инославную. В рамках старообрядчества как религиозного явления отсутствуют единодушие и цельность. В зависимости от отношения старообрядцев к священству принято делить их на две группы — поповцев и беспоповцев.

Поповцы полагают «новообрядцев» еретиками «второго чина» (для приёма в молитвенное общение от которых достаточно миропомазания, причём такой приём осуществляется, как правило, с сохранением духовного сана переходящего в старообрядчество лица); большинство беспоповцев (кроме часовенных и некоторых нетовцев) полагают новообрядцев еретиками «первого чина», для приёма которых в эти старообрядческие толки необходимо отдельное крещение.

Крупнейшая старообрядческая организация в современной России — Рус-

ская православная старообрядческая церковь — относится к поповцам.

Последователи старообрядчества отсчитывают свою историю с Крещения Руси равноапостольным князем Владимиром, который воспринял православие от греков. Флорентийская уния (1439г.) с латинянами послужила главной причиной для отделения Русской поместной церкви от Константинопольского патриархата-униата и создания автономной Русской поместной церкви в 1448 году, когда собор русских епископов поставил себе митрополита без участия греков. Большим авторитетом у старообрядцев пользуется Поместный Стоглавый собор 1551 года в Москве. С 1589 года Русская церковь с центром в Москве стала возглавляться патриархом.

Реформа богослужебной практики в Русской церкви, инициированная патриархом Никоном в 1653 году, внедрение которой совпало с началом европеизации и секуляризации московского уклада жизни и культуры вследствие начавшейся в 1654 году войны с Польшей, встретила сильное сопротивление со стороны сторонников старых обрядов. В 1656 году на поместном соборе Русской церкви все крестьящиеся двумя перстами были объявлены еретиками, отлучены от Троицы и преданы проклятию.

Страна оказалась на грани религиозной войны. Первым восстал Соловецкий монастырь, который был занят стрельцами в 1676 году. В 1681 году состоялся собор, который просил молодого царя (Фёдора-3) о казнях, о решительной расправе над старообрядческими книгами, церквями, скитами, монастырями и над самими старообрядцами. Сразу после собора начались расправы. В 1682 году состоялась казнь старообрядцев, были сожжены в срубе четыре узника — протопоп Аввакум, священник Лазарь, диакон Феодор, соловецкий инок Епифаний.

В 1685 году правительница Софья издала «12 статей» — государственные всеобщие законы, на основании которых были в дальнейшем преданы различным наказаниям: изгнаниям, тюрьмам, пыткам, сожжениям живыми в деревянных срубах тысячи старообрядцев.

Пётр I, осуществивший масштабные модернизационные реформы всех сторон жизни русского общества, включая и преобразования в церковном управлении, к расколу относился с опасением, видя в нём политически неблагонадёжную религиозно-национальную идеологию, подрывающую его реформы и создающую очаг идеологического сопротивления.

Ужесточение репрессий в отношении раскольников со стороны властей произошло в царствование Анны Иоановны.

Религиозный брак старообрядцев, в отличие от религиозных браков прочих конфессий, не признавался государством. До 1874 года все дети старообрядцев считались незаконнорожденными. С 1874 года для старообрядцев введён гражданский брак: «Браки раскольников приобретают в гражданском отношении, через записание в установленные для сего особые метрические книги, силу и последствия законного брака».

17 апреля 1905 года был дан Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», который, в числе прочего, отменил законодательные ограничения в отношении староверов.

Относительно количества старообрядцев нет единого мнения, некоторые исследователи полагают вполне адекватной цифрой на начало XX века в Российской империи от 4 до 5 миллионов человек из 125 миллионов тогдашнего населения страны.

В настоящее время старообрядческие общины, помимо РФ, имеются во всех прибалтийских странах, Молдавии, Беларуси, Украине, Румынии, Болгарии и в ряде стран Северной и Южной Америк, в Австралии и некоторых других странах мира.

В 2000 году на Архиерейском соборе «РПЦ за границей» принесла покаяние перед старообрядцами: «Мы глубоко сожалеем о тех жестокостях, которые были причинены приверженцам Старого Обряда. Простите, братья и сёстры, наши прегрешения, причинённые вам ненавистью. Мы торжественно провозглашаем своё глубокое желание исцелить нанесённую Церкви рану».

Протопоп Аввакум

Аввакум Петров, также Аввакум Петрович — священник Русской церкви, протопоп, писатель (автор автобиографического «Жития протопопа Аввакума», ряда полемических сочинений и посланий единомышленникам).

Родился 25.11/05.12.1620 года в Григорово Нижегородского уезда Русского царства, казнён 14/24.04.1682 года в Пустозёрске.

В старообрядчестве на протяжении всей его истории являлся авторитетной и знаковой фигурой, почитается как священикомученик и исповедник.

В конце 1640 — начале 1650 годов протопоп города Юрьева-Повольского, участник влиятельного Кружка ревнителей благочестия, друг и соратник будущего патриарха Московского Никона, также входившего в этот кружок; позднее, противник церковной реформы, начатой патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем, идеолог и наиболее видный деятель старообрядчества в период его возникновения. За своё несогласие с начавшимися церковными реформами на Руси вначале был сослан в Сибирь, затем за-

точен в тюрьму, в конце концов казнён через сожжение.

Долгое время сочинения протопопа Аввакума были известны только старообрядцам. В 19–20 веках творчество Аввакума (прежде всего «Житие», затем и другие его сочинения) было опубликовано и для широкого круга читателей и стало считаться одним из наиболее ярких памятников древнерусской литературы.

Происхождением Аввакум был из семьи потомственного приходского священника Петра, сына Кондратьева. В 15 лет он лишился отца и по решению матери женился в 17 лет на обедневшей 14-летней сиротке, Анастасии Марковне, дочери кузнеца.

В 1642 году Аввакум был рукоположен в диаконы, в 1644 году — поставлен в попы села Лопатищи (близ Макарьева). Здесь определилась в нём строгость убеждений, которая в дальнейшем определила его подвижничество и аскетизм — прихожан Аввакум беспрерывно уличал и стыдил за разные их пороки, а священников — за плохое исполнение церковных правил и предписаний.

В 1648 году Лопатищи посетил воевода Василий Шереметев, которому пожаловались прихожане Аввакума (на его самоуправство). Воевода вызвал к себе священника и нравоучительно побеседовал с ним, повелев благословить своего сына Матвея на благие его дела. Аввакум, увидев, что Матвей брил бороду, отказался от благословения. Недовольный поступком священника воевода приказал своим служилым утопить Аввакума, бросить его в Волгу. Но Аввакуму удалось спастись и убежать в Москву. Откуда он был назначен протопопом в Юрьевце-Повольский, важный город, входивший в патриаршую область, что стало знаком доверия к нему царя Алексея Михайловича, ревнителя благочестия.

В Юрьевце Аввакум столкнулся с неменьшими нарушениями благочестия, чем в Лопатищах. Оттого ревностно взялся за наведение должных порядков, действовал так: просыпался рано, до заутрени проповедовал. Затем, не дожидаясь звона, поднимался на колокольню, звонил в колокола, призывая прихожан к заутрене. После службы, в сопровождении пушкарей, ходил по посаду и наказывал провинившихся попов (бил и таскал их за бороды), ругал за небрежное служение Богу, пьянство, моральную распушенность; службы проводил по долгу, в проповедях призывал прихожан проводить свободное время в молитве и труде; разгонял из корчмы боярских детей.

В 1651 году, после восьми недель пребывания в Юрьевце, Аввакум вынужден был вновь бежать в Москву (от возмущённой паствы, где был сильно

избит и едва спасся). По его словам: «Дьявол научил попов и мужиков, и баб, пришли к патриархову приказу, среди улицы били батожем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замёртва убили и бросили под избной угол».

В Москве Аввакум, считавшийся учёным и лично известный царю, находился в дружеских отношениях с царским духовником Стефаном Вонифатьевым, участвовал в проводимой при патриархе Иосифе «книжной справе». При этом он жил у своего друга, протопопа Казанского собора Иоанна Неронова.

В 1652 году, когда скончался патриарх Иосиф, то новый патриарх Никон, некогда приятель Аввакума, заменил всех прежних московских справщиков польскими книжниками во главе с Арсением Греком, знавшим греческий язык. После чего возникла разность подходов к церковной реформе. В частности, в исправлении церковных книг: протопоп Аввакум, Иван Неронов и другие выступали за исправление церковных книг по древнерусским православным рукописям, Никон же решил делать это, опираясь на греческие богослужебные книги. Противниками чего стали Аввакум и его сподвижники, считавшие неавторитетными и искажёнными источники. При этом Аввакум подверг резкой критике позиции Никона в челобитной царю, написанную им совместно с костромским протопопом Даниилом.

В сентябре 1653 года Аввакума заточили в подвал Андроникова монастыря, где он просидел трое суток. При этом ему предлагали принять «новые книги», но протопоп не изменил своих убеждений, после этого патриарх Никон велел расстричь его (лишить сана). Но царь Алексей Михайлович (отец Петра I) заступился за него, заменил решения патриарха ссылкой Аввакума в Сибирь (в Тобольск). Из Тобольска Аввакума отправили ещё дальше — за сибирскую реку Лену (в Енисейск). Из Енисейска Аввакума отправили в Забайкалье с первым нерчинским воеводой Афанасием Пашковым, отправленным туда для решения Даурского вопроса...

Следуя в Даурию вместе с воеводскими казаками, Аввакум скоро увидел неправильные действия воеводы и начал вести разговоры о них, что не понравилось воеводе, и он приказал сбросить его с дошаника (на котором плыл Аввакум по Тунгуске со всей своей многочисленной семьёй). Не дожидаясь исполнения воеводского приказа, Аввакум отправил ему своё послание. После чего воевода вызвал его к себе и перво-наперво самолично избил его, после этого наказал 72 ударами кнутом и заточением в каземат Братского острога, в котором Аввакум находился долгое время. Позже воевода всё же сжалился над ним и перевёл из каземата на домашний арест, весной следующего года разрешил жить вольно вместе со всем остальным своим

людом. При этом, наравне со всеми, Аввакум исполнял все потребные работы и выносил невзгоды: прокладывал путь отряду в непроходимых дебрях на Байкале, голодал (от голода умерли два сына протопопа). Шесть лет провёл Аввакум в Забайкалье, терпя лишения не только своей ссылки, но и непрекращающиеся гонения со стороны воеводы, поскольку и сам не прекращал обвинять воеводу во всех общих бедах («неправдах»).

В 1663 году Аввакум вернулся в Москву, обратный путь его из ссылки длился три года. По возвращению в столицу Аввакум некоторое время находился во власти эйфории и торжества своего возвращения. При этом авторитет его в народе значительно вырос как страдальца. Тем более, что в народе многие придерживались его убеждений и взглядов по церковным реформам. При этом своё предрасположение к нему выказывал и царь, приказавший поставить его на монастырское подворье в Кремле. Оттого ничто не мешало москвичам, его сторонникам чествовать Аввакума. И хотя Аввакум не прекратил свою «критику» реформ Никона, к тому времени находящемуся уже в опале, царь не считал его личным врагом Никона, а принципиальным противником церковных реформ, начатых Никоном. Через боярина Родиона Стрешнева царь посоветовал Аввакуму если не присоединиться к реформированной церкви, то, по крайней мере, не критиковать её. Поначалу Аввакум последовал царскому совету, но это продолжалось недолго. В скором времени с ещё большей силой он стал критиковать (ругать) архиереев из-за введённого на Руси вместо 8-конечного креста неравносложного 4-конечного, исправления Символа веры, троеперстное сложение, партесное пение, отвержение возможности спасения по исправленным богослужебным книгам и вновь написал и отправил челобитную царю, в которой просил низложить Никона и восстановить старые обряды. На этот раз челобитную царю Аввакум подал через юродивого Феодора. Царь жаловал Аввакума как человека много страдавшего, но не как «ересиарха», и когда он понял из челобитной Аввакума, что протопоп восстаёт не только против Никона, но и против всей вообще существующей церкви, он вновь отправил его в ссылку, теперь уже в Мезень, куда Аввакум прибыл в 1664 году и оттуда поддерживал своими посланиями всех своих приверженцев по всей Руси, в которых именовал себя «рабом и посланником Иисуса Христа», «протосинкеллом русской церкви».

В Мизени Аввакум пробыл полтора года. В 1666 году он вновь был привезён в Москву, где 13 мая 1666 года после уговоров на соборе, собравшемся для суда над Никоном, его расстригли и «опроклинали» в Успенском соборе за обедней, в ответ Аввакум тут же наложил анафему на архиереев. После чего Аввакума увезли в Пануфьев монастырь и продержали там около года.

И после этого архиереи не отказались от мысли переубедить Аввакума, расстрижение которого было встречено в народе большим возмущением. В том числе и царицей Марией, ходатайствовавшей за Аввакума и имевшей в день его расстрижения «великое нестроение» с царём. Оттого Аввакума вновь уговаривали уже перед лицом восточных патриархов в Чудовом монастыре. Но и после этого Аввакум уговорам не подчинился, остался при своём мнении и убеждениях, стоял на своём. После чего были казнены многие единоверцы и соратники Аввакума. Его же наказали кнутом и сослали в 1667 году в Пустозерск на Печоре. При этом ему не вырезали язык, как Лазарю и Епифанию, с которыми он и Никифор, протопоп симбирский, были сосланы в Пустозерск, где Аввакум просидел 14 лет на хлебе и воде в земляной тюрьме, продолжая свою проповедь, рассылая грамоты и послания.

В том числе отправил резкое письмо новому царю Фёдору Алексеевичу, в котором неслестно отзывался о его отце, царе Алексее Михайловиче, и патриархе Иоакиме. Это письмо Аввакума и решило его собственную участь и его ближайших единомышленников: 14/24.04.1682 года (в 61 год отроду) Аввакум был заживо сожжён в деревянном срубе в Пустозерске.

Жена Аввакума Настасья Марковна после ареста мужа в 1667 году оставалась с детьми в Мезени. В 1670 году против неё и двух старших сыновей было выдвинуто обвинение в пособничестве раскольникам. Сыновья были приговорены к казни через повешение, но покалялись. После чего их вместе с матерью заключили в земляную тюрьму. При этом с них было взято письменное заверение, что они не являются врагами церкви.

Настасья Марковна была освобождена из заключения в 1693 году. На жительство переехала в Москву, где и умерла в 1710 году в возрасте 86 лет.

Патриарх Московский — Никон

Патриарх Никон (мирское имя Никита Минин (Минов)).

Родился 7/17.05.1605 года в селе Вельдеманово, Русское царство (ныне Перевозский район Нижегородской области), умер 17/27.08.1681 года в Тропинской слободе города Ярославля, Московский патриархат, Русское царство. Похоронен в Новоерусалимском монастыре в Истре. Имел полный официальный титул: «Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующего града Москвы и всеа северных страны и поморья и многих государств патриарх» с 25.07/04.08.1652 года по 12/22.12.1666 года. Имел титул «Великого Государя».

Церковные реформы, которые он начал в 1650 годах, были направлены на изменение существовавшей тогда в Русской Церкви обрядовой традиции в целях её унификации с современной греческой, которые вызвали раскол Русской Церкви, что и привело к воз-

никновению старообрядчества. За что в 1666 году Никон был извержен из патриаршества и стал простым монахом, хотя начатые им церковные реформы были продолжены.

Основным источником о ранней биографии Никона является «Житие Никона», написанное исподьяконом Иваном Шушериным вскоре после смерти Никона. Шушерин в молодости попал в услужение к Никону и при нём вырос.

Будущий патриарх родился, как было сказано выше, в мае 1605 года в селе Вельдеманово под Нижним Новгородом (ныне Перевозский район Нижегородской области), 24 мая его крестили и назвали Никитой в честь преподобного Никиты Столпника. Его родителями были крестьяне, отец Мина и мать Мариама. В литературе укоренилось представление, что они — мордва. По свидетельству протопопа Аввакума, выросшего в той же местности, отец Никиты был черемисом (то есть марийцем), а мать «русалкой» (русской). Сам Никон на соборе 1655 года сказал о себе: «Я русский и сын русского, но мои убеждения и моя вера — греческие».

В родительской семье Никиты, кроме него, было ещё три мальчика (возможно, были и девочки, но их не учитывали). Мать Никиты умерла вскоре после его рождения, отчего овдовевший отец повторно женился на такой же женщине с детьми. Мачеха не любила маленького Никиту: морила его голодом, избивала и пыталась убить. Поэтому или по другой причине отец отдал Никиту учиться грамоте и Священному Писанию. После завершения учения Никита вернулся в родительский дом и вскоре ушёл в Макариев-Желтоводский монастырь, где продолжил изучение Писания и проявил необыкновенный интерес к церковному пению, часто оставался ночевать в монастырской церкви на колокольне, под колоколом, чтобы не пропустить начало церковной службы.

После смерти отца Никита женился и принял сан священника, около 1620 года он был назначен священником одной из московских церквей. Якобы по просьбе московских купцов, узнавших о его начитанности.

При этом в супружеской жизни счастья Никита не получал: все рождавшиеся его дети умирали, что привело его к мысли и окончательному решению к оставлению мира. Убедил он и свою супругу принять монашеский постриг в московском Алексеевском монастыре, дав за неё вклад и оставив денег на содержание.

В 30 лет Никита принял монашеский постриг в Свято-Троицком Анзерском скиту Соловецкого монастыря с именем Никон.

В 1639 году Никон бежал из скита и был принят в Кожеозерский монастырь, в 1643 году Никон был избран игуменом этого монастыря.

В 1646 году Никон отправился в Москву, где по тогдашнему обычаю новопоставленных игуменов явился с покло-

ном к молодому царю Алексею Михайловичу, произвёл на него хорошее впечатление. Отчего царь велел Никону остаться в Москве, а Патриарху Иосифу — посвятить его в архимандриты Новоспасского монастыря. Став во главе братии Новоспасской обители, Никон вошёл в состав неформального кружка духовных и светских лиц, позднее названного кружком «ревнителей благочестия», лидеры которого ставили перед собою и своими сподвижниками задачу оживления религиозно-церковной жизни в Московском государстве, улучшения нравственности как населения, так и духовенства, насаждения просвещения, большое внимание уделялось исправлению переводов богослужебных книг. С чем Никон начал ездить к царю во дворец (по пятницам) для бесед и совета. Так он приобрёл славу доброго защитника обиженных и всеобщую любовь в Москве.

Справка: Кузнецкий мужской Христорождественский монастырь был основан в 1648 году.

11/21.03.1649 года Никон был возведён Патриархом Иерусалимским Паисием (находившимся тогда в Москве) в сан митрополита Новгородского и Великолуцкого. После чего и московский царь Алексей Михайлович возложил на Никона наблюдать не только над церковными делами, но и над мирским управлением, доносить ему обо всём и давать советы. При этом Никон проявлял подвиги нищелюбия в новгородской земле, что увеличило к нему и царскую любовь, и уважение. Тем не менее, Никон внутренне особо сложно воспринимал принятие Соборного уложения 1649 года, умалявшего статус духовенства, фактически ставившего Церковь в подчинение государству. Доходы монастырских вотчин перешли к созданному в рамках Уложения Монастырскому приказу и поступали в государственную казну; мирские суды стали рассматривать дела, относившиеся к ведению судов церковных.

15/25.04.1652 года, в Великий четверг, умер патриарх Иосиф. Есть мнение, что царь Алексей Михайлович лично предложил кандидатуру Никона на Патриарший престол.

Как утверждают некоторые историки, вначале Никон отказался от царского предложения стать Московским Патриархом, после этого царь встал перед ним на колени, повторив свою просьбу. После чего Никон дал согласие на своё избрание Патриархом. При этом он вынудил царя дать обещание на своё невмешательство в дела Церкви. Царь и народ поклялись «послушати его во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшего».

25.07/04.08.1652 года Никон торжественно был возведён на престол патриархов Московских и Всероссийских.

До этого Никон, многие годы собиравший греческие и византийские богослужебные тексты, внимательно изучал и обсуждал их в «Кружке ревните-

лей благочестия» (в который входил и протопоп Аввакум), считал важным привести русские православные обряды и книги в соответствие с греческими.

Перед Великим постом 1653 года Никон предписал совершать крестное знамение тремя перстами, что противоречило актам Поместного Стоглавого Собора 1551 года, закрепившим двоеперстие. На соборе 1654 года Никон положил начало делу унификации московских книг по греческим книгам, напечатанным в 16 веке на Западе. При этом провозглашённая Никоном на соборах «книжная справа» не выполнялась. Отчего по инициативе Никона началось основание и строительство новых монастырей. В 1653 году на острове Валдайского озера был заложен Иверский монастырь, в 1655 году был заложен каменный Успенский собор.

Решением поместного Московского собора 1656 года всех крестящихся двумя перстами объявили еретиками и предали анафеме.

Молодой царь Алексей Михайлович очень ценил, уважал и доверял Никону и государственные дела. Во время войны с Речью Посполитой (1654 — 1667 гг.) и длительного своего отсутствия в Москве он оставлял патриарха во главе правительства. Отчего, вначале, царь добавил к титулу патриарха «Великий господин», затем и «Великий государь». Что очень не нравилось как вельможным боярам, так и многим духовным лицам (в том числе и членам кружка «ревнителей благочестия»), которые всеми силами пытались повлиять на царя с целью принижения его значимости, даже обвиняли его во многом. Особенно когда Никон начал утверждать, что «...священство выше царства. Духовная власть, как высшее начало, должна руководить светскою властью, которая, как низшая, обязана слушаться и подчиняться власти духовной, во всём сообразовываться с её требованиями и указаниями, так как законы и правила церкви по самому своему происхождению и всему характеру святы, непогрешимы, неизменяемы и потому они должны быть всегда незыблемою уряжающею основою не только для церкви, но и для государства». Что сыграло свою роль и послужило действительному охлаждению царя к патриарху.

10/20.07.1658 года Никон публично и торжественно отказался от патриаршества. И буквально через два дня (12.07.1658 года) удалился в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь.

В 1660 году на созванном в Москве Соборе было постановлено лишить Никона не только архиерейства и даже священства; однако суд над Никоном не состоялся, так как его дело (по совету архимандрита Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатия Иевлевича) решено было передать на суд восточных патриархов.

В первой половине 1666 года по грамоте царя в Москву съехались все русские архиереи и видные представители духовенства, второго ноября — прибы-

ли патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский...

12/22.12.1666 года состоялось третье заседание Собора, заключительное, по делу Никона (в Благовещенской церкви Чудова монастыря).

В грамоте, подписанной всеми архиереями Русской церкви Большого Московского собора, а также иерархами (патриархами, митрополитами, архиепископами, епископами) греческих поместных церквей от 12 декабря 1666 года, указаны преступления, из-за которых Никон извержен из патриаршества и священства судом поместного собора Русской церкви. После которого Никон стал простым монахом и был сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь; позднее был переведён под более строгий надзор в Кирилло-Белозерский монастырь.

После смерти царя Алексея Михайловича (29.01/08.02.1676 года) на русский престол пришёл его сын Фёдор Алексеевич, который сочувствовал Никону и в 1681 году разрешил ему вернуться в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. К этому времени Никон сильно болел, в дороге из ссылки он умер 17.08.1681 года в Николо-Тропинском приходе, недалеко от города Ярославля, в устье реки Которосли.

По указанию царя отпевание Никона было проведено как патриарха (несмотря на протест патриарха Московского Иоакима).

26.08.1681 года прах Никона был погребён в южном приделе собора Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. При погребении Никона царь Фёдор Алексеевич читал кафизмы и Апостол, пел всё последование погребения вместе со своими певчими, со слезами целовал его десницу.

В 1682 году царь исходатайствовал у восточных патриархов разрешительные грамоты на причисление Никона к лику патриархов и поминать в таком звании открыто.

Русский царь Алексей Михайлович (Тишайший)

Алексей Михайлович Романов (Тишайший) — второй русский царь из династии Романовых.

Родился 9/19.03.1629 года в Москве, умер 29.01/08.02.1676 года в Москве; сын царя Михаила Фёдоровича и его жены Евдокии; отец — Петр I.

Михаил Фёдорович Романов — первый русский царь из династии Романовых, родился 12/22.06.1596 года в Москве; на царствие был избран Земским собором 21.02/03.03.1613 года, умер 13/23.07.1645 года (в 49 лет).

Отцом Михаила Фёдоровича являлся боярин Фёдор Никитич Романов, позже ставший русским православным патриархом Филаретом, мать — инокиня Марфа (Ксения Ивановна Шестова).

Фёдор Никитич являлся двоюродным братом русского царя Фёдора Иоанновича (династии одной из ветвей царей Рюриковичей).

Новым русским царём Михаил Фёдорович был избран на Земском соборе 21.02/03.03.1613 года, что ознаменовало конец Смутного времени.

В момент коронации Михаилу Фёдоровичу было 16 лет, к тому же он был малограмотен. Оттого, фактически, страной правил вернувшийся из польского плена его отец — патриарх Филарет, до своей смерти (в 1633 году). Государственные грамоты писались тогда от имени царя и патриарха.

Алексей Михайлович получил домашнее образование у Бориса Морозова, позднее ставшего свояком царя (женится на сестре царицы, жены царя Алексея Михайловича) и ведавшего всеми государственными делами до Соляного бунта 1648 года.

В 1649 году Земской собор, созданный по требованию мятежников, издал Соборное уложение, фактически — новый свод законов, юридически закрепивший и крепостное право на Руси.

После Морозова роль придворного фаворита у молодого царя Алексея Михайловича занял Никита Одоевский, а после Одоевского — патриарх Никон.

В январе 1654 года Русское царство признало и приняло в своё подданство днепровское казачество во главе с гетманом Богданом Хмельницким. Из-за чего в мае 1655 года вступило в затяжную войну с Речью Посполитой (Польшей). Что привело и к русско-шведской войне 1656-1658 годов.

По Андрусовскому перемирию, положившему конец войне с Польшей, Русское царство получило в своё владение Смоленск, Киев и земли, лежавшие к востоку от реки Днепр (позднее получившие название Левобережной Украины).

Заметным событием во время правления Алексея Михайловича стал раскол Русской православной церкви, возникший по причине назревшей необходимости пересмотра русских богослужебных книг и некоторых обрядов, в свою очередь, возникших и появившихся в течение предыдущего столетия из-за отхода текстов от греческих образцов, русских рукописных богослужебных книг. Инициатором правки «старых текстов книг на новые» стал патриарх Никон. Царь поддержал усилия патриарха. Хотя вскоре он и отдалился от Никона, но изменения, инициированные и начатые Никоном, были сохранены, а противники начатых реформ были отлучены от церкви.

Во время правления Алексея Михайловича крестьяне стали привязаны к земле и помещику и, таким образом, окончательно закрепощены. Недовольство правлением страной Алексеем Михайловичем стало причиной частых крестьянских восстаний, самым жестоким из которых стало восстание 1667-1671 годов под руководством Степана Разина.

Русские всполохи

От автора

Уважаемые читатели, вышел в свет второй том книги «Русские всполохи».

В книге рассказывается о русских всполохах, время от времени разгорающихся на нашей земле, даётся информация об исторических событиях (с соблюдением хронологии), а также биографии основных героев, оставивших след в истории России. На основании материалов книги становится понятным, почему высокообразованный русский генералитет, имевший практический боевой опыт ведения предыдущих войн (с Германией, Японией), проиграл войну малограмотной русской голытьбе.

Идея заняться разработкой этой темы пришла от моих товарищей — однокашников по военному училищу.

Поколение, бывшее свидетелем и участником первой мировой и гражданской войн, русских революций 1917 года, уже ушло. Остались лишь книги, фильмы и фотографии, которые в той или иной мере правдиво рассказывают об эпохе потрясений в России начала XX века.

В первом томе книги «Русские всполохи» я постарался достаточно подробно дать сведения об этом периоде многострадальной истории нашей страны с соблюдением хронологической последовательности.

Во втором томе «Русских всполохов» рассказывается об основных событиях и политических процессах как в мировой политике, так и внутри СССР в период от принятия Плана ГОЭЛРО до современности. «СССР: создание, развал и последствия» — тема, показывающая и могущество Советского Союза, и зарождающиеся причины разрушения мировой державы. В этом томе освещены факты из прошлого столетия также подробно и в хронологическом порядке. В книге нет оценок от профессиональных историков, политиков, чтобы читатель имел возможность понять историческую значимость «всполохов» и определить своё отношение к эпохе великих потрясений Государства Российского.

Заканчивая работу над книгой, я поделился её содержанием с прокопьевскими литераторами. Отзывы были различными, от: «Дорогой дружище, поздравляю! Это энциклопедия нашего времени!», до реплик: «Тысяча страниц — большой труд, даже если это и графомания». Термины «графоман» и «графомания» — это всё же медицинский диагноз психически больного человека, страдающего «писательским зудом» и пишущего всякую бессвязную чушь в своих «литературных трудах». Употребление этих терминов по отношению к литературному творчеству мне кажутся оскорбительными. Они говорят об уровне культуры и образованности критиков

Цель же моего труда — собрать воедино в одной книге историческую ретроспективу глобальных переломов, происходивших в жизни моей Родины. Только взглянув назад, в века, переосмысли-

вая прошлые события, изучая опыт поколений, можно понять смысл сегодняшних всполохов.

Сегодня не переписывает историю только ленивый, а уж диванные специалисты и «историки» на долларовой оплате кромсают прошлое и настоящее, рисуют адские картины будущего. В школьной программе подробно изучаются греческие и римские боги, египетские фараоны и почти ничего о наших корнях.

Неудивительно, что молодые люди, за редким исключением, исторически безграмотны.

Примером исторического подхода к событиям для меня служат такие произведения, как многотомный труд Льва Толстого и киноэпопея Сергея Бондарчука «Война и мир», величие этих авторов в правдивости отражения исторических событий и изображения характеров народных героев.

Кинофильм «Хроники русской революции» известного кинорежиссёра Андрея Кончаловского породил массу положительных и отрицательных отзывов в Сети. Фильм созвучен с материалами первого тома «Русских всполохов», поэтому был для меня интересен с точки зрения полноты суждений об исторической эпохе.

Я не являюсь профессиональным кинокритиком, а потому «Хроники русской революции» оценивал как зритель из народа. Явное искажение, отсутствие правдивости фактов и характеров героев вызвали неприятие фильма, как образно высказался мой коллега по работе, «...фильм карикатурный и неприятный».

В последние десятилетия исторические киноленты и сериалы, снимаемые отечественным кинематографом, оставляют желать лучшего. Режиссёры, делая «хорошую картинку», как правило, искажают историческую действительность, что отрицательно сказывается на качестве восприятия. У возрастных зрителей, знающих историю не по учебникам американских спецслужб, нарастает отторжение отечественного кинопрома. Молодое поколение получает извращённые понятия об истории нашей страны.

Интернет был наполнен противоречивыми отзывами на «Хроники русской революции», в большей степени негативными: «Согласно сценарию, вся история происходит на протяжении двух десятиков лет, с 1905-го по 1924 год включительно. Несомненно, эта эпоха была очень разнообразная, жестокая и несправедливая в своей злобе и разрушительности. Бесспорно, сюжетная завязка происходит немного не так, как хотелось бы. Ведь слишком серьёзные и неожиданные события предшествовали февральскому и октябрьскому переворотам».

«Сюжет, связанный с личной жизнью главной героини, вызывает больше скуки, чем интереса. Ощущение, что всё действие крутится вокруг вымышленной дамы и её страстных романов. В редкие моменты Ариадна отвлекается от своих любовных походов и вспоминает про революцию: то взрывчатку таскает, то бан-

ки грабит, то товарищам помогает по мелочи — верёвку (ну, удавку) подать по первой просьбе. Остальные персонажи, включая исторические фигуры, появляются эпизодически и выглядят порой нелепо. Их образы искажены и превращены в комедийные клише. ... Речь идёт о серьёзном жанре, а не о комедийном фарсе, следовательно, исторические персонажи должны быть представлены максимально объективно и достоверно.

В сериале «Хроники русской революции» показано, будто Октябрьская революция 1917 года — это тайный сговор генералов, которые Ленина и его партию использовали, чтобы своих целей добиться. Авторы хотят белое движение выставить жертвой, но это исторически не подтверждено.

На самом деле причина революции не в том, что Ленин «взял деньги у дьявола», а в том, что в стране полный бардак был: проигрывали в первой мировой войне, голод, народ бедствует, элита в растерянности. А большевики предложили народу понятный и простой выход: закончить войну, землю — крестьянам, власть — рабочим. Вот народ их и поддержал, а не военных или старую власть».

Сравнение «Хроник...» и подобных ему «произведений» искусства с двухтомником «Русские всполохи» явно не в пользу исторических кинороманов, так как я изложил непредвзятую историю моего Отечества в фактах, цифрах и биографиях реально живших и живущих людей, сыгравших ключевую роль в истории России, или в той или иной степени повлиявших на ход событий.

Книга «Русские всполохи» — это исторически достоверные БЫЛИ о том, что было и что есть. Во втором томе освещена и третья Русская революция (контрреволюция), произошедшая в нашей стране в том же XX столетии, о которой пока ещё говорят мало, приводятся многие действительные факты и события (внутренние и внешние), повлиявшие на стабильность в моём Отечестве.

Поскольку неизвестны результаты происходящих ныне исторических процессов и событий как в нашей стране, так и в окружающем мире, неизвестно, каков будет в ближайшем будущем миропорядок — возможен выпуск третьего тома книги «Русские всполохи», если хватит на то физических сил у автора и будет на то Воля Всевышнего.

Выражаю благодарность и признательность за оказанную помощь в работе над вторым томом книги-эпопеи «Русские всполохи» своим постоянным помощникам: Танковой Людмиле Александровне, сделавшей верстку книги. Деевой Нине Фёдоровне — литературному корректору, не единожды прочитавшей и отшлифовавшей до требуемого уровня авторский текст книги.

Большое спасибо всем, кто хоть как-то, пусть даже косвенно, поспособствовал тому, чтобы и этот том новой книги увидел свет и начал свою книжную жизнь, стал полезным людям и Родине!

Анатолий Гуляев

Анатолий Гуляев

Отрывок из второго тома книги «Русские всполохи».

35. Шахтёрский набат Воркуты и Кузбасса

Забастовки шахтёров, начавшиеся в июле 1989 года, стали первыми открытыми массовыми забастовками в СССР.

Толчком к началу забастовок послужило ухудшение обеспечения шахтёрских регионов страны продовольственными и промышленными товарами в условиях тотального товарного дефицита, нараставшего в стране.

Возмущения шахтёров накапливались также из-за низкого уровня обеспечения безопасности на угледобывающих предприятиях региона, из-за чего увеличился уровень аварийности на шахтах со смертельными случаями. Одной из причин было стремление руководства к увеличению добычи угля в ущерб технике безопасности, в то время когда на угольных складах предприятий накапливались не реализованными сотни тысяч тонн товарного угля. Внедрение лозунга «Сегодня — рекорд, завтра — норма!» постоянно повышало уровень физических нагрузок. Шахтёры стали «связаны по рукам и ногам» непрерывными стахановскими рабочими подвигами. Началось недовольство в рабочей среде нового поколения, фактически приведшее к самоорганизации массовых рабочих протестов в 1989 году. Из рабочей среды выдвинулись лидеры, получившие опыт организованного сопротивления власти, которые и повели за собой рабочие массы.

2 марта 1989 года в городе Воркута на шахте «Северная» прошла первая забастовка горняков на рабочих местах, переросшая в голодовку, в которой приняли участие 107 человек.

4 марта 1989 года к голодающим забастовщикам присоединились ещё 58 горняков, спустившихся в шахту и отказавшихся выходить на поверхность.

Летом 1989 года в СССР в условиях проводимой в стране перестройки поднялась волна открытого многотысячного забастовочного движения.

В июле 1989 года массовые забастовки начались в шахтёрских регионах Печорского угольного бассейна (Коми АССР), Кузбассе (РСФСР), Донбассе (УССР), Карагандинском угольном бассейне (КазССР).

Оставив необходимое количество работников для сохранения жизнедеятельности шахт, шахтёры вышли на улицы и площади городов на многотысячные многочасовые митинги, с трибун которых зазвучали требования не только экономических, но и политических изменений в стране. Внутренний порядок на проводимых протестных мероприятиях поддерживался силами бастующих, образовались забастовочные комитеты, лидеры которых во всеуслышание начали говорить о переходе власти на места в их руки.

В июне 1989 года в Кузбассе (в Междуреченске) забастовочный комитет предъявил ряд требований не только к городским и областным властям, но и к союзным. Требования были изложены в письменной форме и переданы в Верховный Совет СССР.

10 июля 1989 года около 300 шахтёров Междуреченска отказались спускаться в шахту и предъявили администрации свои требования (около 20 пунктов). Главным было требование изменения системы оплаты труда в вечернее и ночное время с установлением единого выходного дня, обеспечение шахтёров мощными средствами и питанием во время работы под землёй. Все эти требования и вопросы могли быть быстро решены на уровне городских властей, руководства отраслью и предприятий. Но местный профсоюз угольщиков занял позиции не бастующих, а властей. Это и вызвало первый взрыв возмущений в Междуреченске, затем и во всём Кузбассе: уже через два дня забастовка охватила все шахты Кемеровской области. Министр угольной промышленности СССР Михаил Щадов отправил телеграммы на шахты Кузбасса, в которых сообщил, что обещает немедленно удовлетворить требования бастующих шахтёров.

Руководитель КПСС и Советского Союза М.С. Горбачёв, выступая на сессии Верховного Совета СССР, назвал требования шахтёров Кузбасса справедливыми и заявил, что ЦК КПСС и правительство страны могут дать твёрдые гарантии удовлетворения требований шахтёров Кузбасса. Однако именно это выступление лидера страны и вызвало взрыв массовых недовольств бастующих и волну новых шахтёрских забастовок, но уже по всей стране.

21 июля 1989 года правительственной комиссии, прибывшей в Воркуту, на многотысячном митинге были зачитаны требования городского межшахтного забастовочного комитета, выработанные на шахте «Воргашорская».

«Требования межшахтного забастовочного комитета шахтёров города Воркуты:

1. Отменить выборы в Верховный Совет СССР от общественных организаций.
2. Отменить статью в Конституции СССР о руководящей и направляющей роли партии.
3. Прямые и тайные выборы Председателя Верховного Совета СССР, председателей местных Советов, начальников городских, районных отделов Министерства внутренних дел проводить на альтернативной основе.
4. Отменить практику лишения слова депутатов на сессиях и съездах Верховного Совета СССР путём голосования. Каждый депутат имеет право голоса, независимо от мнения большинства.
5. Выразить недоверие т. Щадову и Сребному как руководителям отрасли, не сумевшим проводить эффективную, сба-

лансированную экономическую и социальную политику. Отменить продолжающийся формализм и волокиту в работе аппарата министерства.

6. Предложить народным депутатам СССР т. Максимова и т. Лушникову поставить вопрос на следующей сессии Верховного Совета СССР о работе МУП СССР в обеспечении эффективной, сбалансированной экономической и социальной политики в отрасли и о незамедлительном сокращении аппарата министерства на 40 процентов.

7. Предлагаем Верховному Совету СССР пригласить в страну экономиста Леонтьева В.В. для разработки конкретной экономической модели выхода страны из экономического кризиса.

8. Предоставить полную экономическую и юридическую самостоятельность шахтам.

9. Ликвидировать объединение «Воркутауголь».

10. Производить оплату за работу в ночное и вечернее время в размере 40 и 20 процентов из централизованных фондов.

11. Установить общий выходной день — воскресенье.

12. Вернуть размер северных и коэффициента, существовавших до 01.03.1960 года (100 процентов и 1,8), и распространить их на весь прямой заработок.

13. Производить оплату труда за всё время пребывания в шахте (отметка «спуск» и «выезд»).

14. Сократить пенсионный возраст для женщин, работающих на Севере, занятых на переработке и отгрузке угля, до 45 лет — при общем стаже 20 лет, во вредных условиях — 10 лет.

15. Ввести для женщин, работающих на технологическом комплексе поверхности, 6-часовой рабочий день (отгрузка, переработка и транспорт).

16. Для шахтёров Заполярья установить пенсионный возраст 45 лет при подземном стаже 10 лет.

17. Юношам и девушкам, проживающим на Севере 5 и более лет, при поступлении на работу выплачивать северные надбавки сразу и полностью, а до 5 лет — дифференцированно к годам.

18. Передать углесбытовые организации шахтам.

19. Просим Верховный Совет СССР издать закон, обязывающий МПС возмещать предприятиям 100 процентов ущерба по себестоимости продукции за недопоставку вагонов и сверх госзаказа (по договору), поставка должна быть только в исправных вагонах.

20. Для работающих на УОФ на выборке породы, у кого отпуск 45 дней — установить 60 дней.

21. Установить 70 процентов пенсий от общего заработка, но не менее 300 рублей (шахтёрам).

22. При начислении пенсии брать любые пять лет из стажа по желанию работника.

23. Валюту 25 процентов, полученную за реализацию угля на экспорт, предоставлять в распоряжение СТК шахты.

24. Просить Верховный Совет СССР о скорейшем решении вопроса о статусе народного депутата (до второго съезда).

25. Сохранить северные надбавки при расчёте и переходе рабочих с одного пред-

приятия на другое, а также при любых увольнениях.

26. Дисциплинарный устав отменить и ликвидировать ПДК (постоянно действующие комиссии по ТБ).

27. При сдаче жилья в Воркуте предоставлять жильё в других регионах в течение 2 месяцев безвозмездно.

28. Выплачивать северные надбавки неработающим пенсионерам, проживающим на Севере. Размер пенсии ежегодно корректировать по мере изменения стоимости жизни.

29. Гарантировать снабжение города Воркуты через Главсеверторг.

30. Обеспечить товарами зимнего сезона в достаточном количестве и ассортименте, особенно детскими.

31. Отменить вычеты алиментов из северных надбавок, если дети живут на юге.

32. Возобновить строительство ЗКПД-2 для ускоренного решения проблем жилья в Воркуте, право распределения строительных материалов предоставить местным Советам.

33. При 20 годах подземного стажа — выход на пенсию без ограничения возраста.

34. Ускорить строительство и ввод в эксплуатацию до 4 квартала 1990 года межшахтного профилактория в пос. Воргашор.

35. Предоставить право на распределение отпусков участкам.

36. Отменить действующее постановление Совета Министров о соотношении между ростом заработной платы и производительностью труда.

37. Решить экологические проблемы Воркуты (ТЭЦ, цемзавод, птицефабрика и т.д.) к 1990-1991 гг.

38. Установить продолжительность отпусков шахтёров — 60 дней, а всем остальным работникам поверхности — 45.

Предоставить отпуска и рассчитывать средний заработок исходя из 5-дневной рабочей недели.

39. Для жителей Крайнего Севера один раз в три года предоставлять бесплатный проезд в отпуск, а каждый год — давать дни на дорогу за свой счёт.

40. Оплату билетов производить по фактическому использованию транспорта для проезда в отпуск.

41. Оплату бастующим произвести из расчёта присвоенных тарифных ставок, окладов из централизованных фондов и скорректировать план добычи и проходки на дни забастовки.

42. В случае каких-либо преследований участников забастовки со стороны администрации, решения выносить по согласованию с забастовочным комитетом.

43. Отменить привилегии администрации и партаппарата на всех уровнях нашего государства.

Перечисленные вопросы решить на 2-м съезде народных депутатов.

Просим председателя Верховного Совета ответить на основные требования шахтёров Заполярья по телевидению».

Как видим, немалую часть объявленного забастовщиками составили требования политического характера — не согласующиеся с общей тематикой забастовки, оттого и заведомо ставшие не выполнимыми. Кроме того, местное партийное и советское руководство в

большинстве случаев запаздывало со своей реакцией, не вступало в диалог с бастующими. Поэтому, потеряв интерес и доверие к местному руководству, забастовщики начали общаться напрямую с высшими законодательным и исполнительными органами страны...

Летом и осенью 1989 года стачечное движение в Воркуте привело к созданию «Союза трудящихся Кузбасса». Был учреждён печатный орган рабочих региона «Наша газета», в которой постоянно освещался ход забастовочного движения в стране и регионе. При этом забастовки то затихали, то разгорались вновь, но окончательно не смолкали. Оттого и перекатились в 1990-й и в последующие за ним годы.

Шахтёрские забастовки 1989 года стали одним из толчков к смене экономического и политического строя в Советском Союзе в 1991 году.

42. Кузбасские «войны» 1990 годов

До московских событий конца сентября — начала октября 1993 года главной исполнительной власти в Кузбассе и фактически руководителем законодательной власти области являлся председатель областного Совета народных депутатов трудящихся А.Г. Тулеев, который в августовских событиях 1991 года заявил, что готов подписать под каждым словом обращения ГКЧП. Поэтому после московских событий осени 1993 года Указом Президента РФ главой администрации Кемеровской области был назначен один из лидеров рабочего движения Кузбасса М.Б. Кислюк, горный инженер-экономист по образованию. После вступления Кислюка в должность между ним и председателем областного Совета А.Г. Тулеевым началось противостояние со взаимными упреками друг к другу по делам служебным. С обеих сторон образовался круг сторонников и противников.

Главу администрации области поддерживало большинство администраций и руководителей промышленных предприятий области, председателя областного Совета поддерживали общественные организации (профсоюзные организации и прочие) и их лидеры и областное отделение КПРФ, из которых сформировался именной областной политический блок А.Г. Тулеева — «Народовластие», ядром и образующей структурой которого стало областное отделение КПРФ. В скором времени после образования блок «Народовластие» стал пользоваться у кузбассовцев большим уважением и популярностью, в том числе и его лидер А.Г. Тулеев.

С середины 1990 годов кандидаты от «Народовласти» начали побеждать на всех выборах, проводимых в области. В частности, в 1995 году на выборах народных депутатов Государственной думы РФ победили кандидаты, выдвинутые от КПРФ и «Народовласти»: в Кемерово — Т.Г. Авалиани (1-й секретарь областного отделения КПРФ, бывший народный депутат Верховного Совета СССР последнего созыва), Ю.И. Чуньков (член КПРФ), в Прокопьевске — Н.А. Останина (член КПРФ).

22 августа 1996 года по просьбе главы администрации Кемеровской области М.Б. Кислюка А.Г. Тулеева перевели из Кузбасса в Москву на должность министра по делам СНГ.

Весной 1997 года на выборах глав администраций городов Прокопьевска и Киселёвска победили руководители городских комитетов КПРФ: в Прокопьевске — Е.А. Голубев, в Киселёвске — А.Н. Наумов.

1 июля 1997 года в связи с активизацией протестных движений в Кузбассе и неспособностью их купирования М.Б. Кислюк был отстранён от исполнения обязанностей главы областной администрации, вместо него президентом страны был назначен А.Г. Тулеев, который по возвращению в Кузбасс показался некоторым соратникам (в основном из КПРФ) другим в плане политической ориентации. В популярной московской газете того времени «Советская Россия» была опубликована публицистическая статья «Тулеев: тот или не тот?» с общим смысловым выводом: «Тот!». Тем не менее, многим стало ясно, что он начал отстраняться от КПРФ, а в скором времени и от НПСР «Народовластие». Поменял бывший их авторитет на свой, личный.

Особенно это было заметно в Прокопьевске, где главу городской администрации Голубева Е.А. начали «душить» всеми доступными методами в буквальном смысле этого слова, прежде всего, в городской газете «Шахтёрская правда».

В течение зимы—весны 1998/1999 годов в шахтёрских регионах страны вновь начались массовые волнения из-за задержек и невыплат ежемесячных заработных плат. По старой традиции в Москву были отправлены шахтёрские делегации из разных регионов страны, которые начали устраивать массовые акции протеста. Пикеты на Горбатом мосту начали вновь угрожать правительству страны перекрытием автомобильных и железнодорожных дорог и т.д.

Инициаторами акций вновь стали шахтёры Воркуты, где задержки выплат зарплат достигали 7 месяцев и более. При этом многие протестующие говорили: «Нет денег на самое необходимое. Приходится просить у родителей-пенсионеров, которым мы сами должны помогать. Стыдно. Мы — рабы и скоты! Раба и то хозяин кормит! Так больше жить нельзя!».

В докладе о соблюдении прав человека Московско-Хельсинской группы говорилось: «Возмущение незаконными задержками заработков, невозможность терпеть наглое продолжение невыплат довели массовое настроение в угольных регионах до такого накала, когда люди, стремясь к законным, признанным обществом целям и ценностям, готовы использовать для их достижения незаконные, разрушительные средства».

В мае 1998 года протестующие шахтёры на две—три недели перекрыли несколько ключевых магистралей в различных регионах страны.

Шахтёры Инты заблокировали движение транспорта в районе угледобычи в Республике Коми. В Кузбассе шахтёры Анжеро-Судженска, Прокопьевска и Междуреченска, а также машинострои-

тели Юрги заблокировали Транссибирскую железнодорожную магистраль, соединяющую Сибирь и Дальний Восток. Пропускались только электрички, поезда стратегической важности и с гуманитарной помощью для самих же шахтёров. В Донбассе горняки Ростовской области заблокировали железную дорогу в районе города Шахты, связывающую центр России с югом России и Кавказом.

20 мая 1998 года в Кемеровской области была объявлена чрезвычайная ситуация, при этом часть поездов вначале пустили по Южносибирской ветке (Абакан-Междуреченск-Полосухино-Барнаул).

В мае в Кузбасс прибыла московская комиссия во главе с заместителем председателя правительства страны О. Сысуевым, после которой в Кузбасс начали поступать деньги напрямую из федерального бюджета. При этом правительство обещало погасить все долги пенсионерам и работникам Кемеровской области до 1 июля 1998 года.

23 мая 1998 года протестующие освободили железную дорогу в районе города Междуреченска, на следующий день снята была блокада и с Транссибирской железной дороги в районе Анжеро-Судженска и Юрги.

В течение обещанного срока правительство России не выполнило большинство своих обещаний. В начале июля этого же года блокирование железных дорог возобновилось.

19 июля 1998 года О. Сысуев вновь прибыл в Кузбасс с документами о финансировании региона на сумму 730 миллионов рублей. В тот же день блокада железных дорог вновь была снята.

Таким образом, по мнению многих политологов, перекрытие железных дорог «подвело страну к порогу крушения социального порядка». Рельсовая война стала в те годы одним из факторов сокращения невыплат заработной платы во всей России.

«От экономических требований — к политической зрелости» —

сообщала в 1990 годах прокопьевская городская газета «Шахтёрская правда».

В политической суточной забастовке участвовало семь шахт объединения «Прокопьевскуголь». Потери по этим предприятиям составили: «Коксовая» — 1798 тонн угля или 33774 рубля, «Центральная» — 2028 тонн, 43773 рубля. Пострадали и «Ногрэдская», «Красный уголеком», имени Ворошилова, «Тырганская», «Красногорская». В целом по объединению (вместе с пятью шахтами, объявившими двухчасовую забастовку) потери в добыче составили 14089 тонн угля или 267054 рубля.

И пусть не все требования, которые предъявили шахтёры правительству, были выполнены, тем не менее, шахтёры победу одержали. Победу демократии. Год назад шахтёры отменяли всякие разговоры о политических требованиях, только экономические! А теперь вот, и политические!

Июль — 90. Новая Победа! Осознание себя как политической силы.

«Сейчас уже никто не сомневается в том, что шли мы «не туда», где не было коммунистов, там стол был полон яств»,

— сообщал Валерий Токарев в 1996 году в «Шахтёрской правде».

«Угольная компания доживает свой век. «Мальчишам» для битвы с совдеповской психологией грядущие перемены не по нутру», — сообщала в «Шахтёрской правде» в 1999 году Наталья Фомина.

Полундра! Спасайся, кто как может?

25 июня 1999 года в Прокопьевске прошла очередная конференция профсоюзных организаций всех предприятий и учреждений города. На конференции обсуждались вопросы, связанные только с жизнедеятельностью угольных предприятий города и самой угольной компании «Прокопьевскуголь», что вызвало некоторое «негодование» у медиков, учителей, коммунальщиков и других представителей бюджетной и внебюджетной сфер. Но далее роптаний с мест это «негодование» не пошло. Поскольку все присутствовавшие на конференции понимали, что наличие социальной напряжённости в городе, в первую очередь, зависит от напряжённости на предприятиях угольной отрасли города. Обобщив всё сказанное в докладе председателя профсоюза угольщиков Кауфмана Ю.А. и содокладе руководителя угольной компании Ковалёва В.А., присутствовавшие на конференции поняли: дела наши плохи и особых улучшений ожидать не приходится. Износ шахтного оборудования кое-где достиг уже более 100 процентов, ежегодных 10-процентных замен оборудования нет уже на протяжении почти десяти лет! Почти все угольные шахты города убыточны, и чем больше мы работаем, тем больше станем должниками. Государству при таких делах мы не нужны. А без этого самого государства предполагаемая программа вывода угольной компании из кризиса неосуществима. Складывающаяся ситуация архикритическая. Сегодня мы встали перед фактом: кроме зарплаты и месячных налогов в остальном мы неплатёжеспособны! Поэтому остальное, на какой-то срок, нужно отсечь.

Выступающие в прениях говорили почти в унисон с докладчиками. Но всё же были высказаны и иные мнения.

Рыбалкин О.Н., генеральный директор финансовой группы «ЭРГО» (дочерней фирмы «МИКОМа»), в полушуточной манере разговора изложил свою просьбу к шахтёрам — начать работать, как положено. После чего сообщил, что недавно он побывал в Англии и видел там «мёртвые» шахтёрские города, поэтому ему не хотелось бы, чтобы и наш город, и наш регион постигла такая же участь. В заключение Рыбалкин сказал, что положительные перспективы у Прокопьевска есть: денег «ЭРГО» выделяет горнякам больше, чем они зарабатывают, и в срок.

Неверов С.И., заместитель председателя Совета углепрофсоюзов Кузбасса, сказал в выступлении, что в Прокопьевске президиумы, конференции проводятся чаще, чем в других городах. Но эффективность их вызывает сожаление.

Посещение Кузбасса первым вице-премьером Николаем Аксёненко оставило после себя большой негативный осадок: «Этот человек пришёл из большого бизнеса и наши проблемы ему не нужны, в областном бюджете денег, выделенных

нам, уже нет. Надо брать кредиты.

Мы сегодня настолько убыточны, что даже все, более-менее работающие предприятия (к примеру, шахта «Распадская»), ничего не могут купить на вырученные деньги. Сегодня металлурги не хотят считываться с нами металлом, это стало им невыгодно».

Кучма Н.П., машинист буровых установок угольной шахты имени Дзержинского, сказал, что он является одним из рабочих-активистов, был везде: на пленумах углепрофсоюза, съездах угольщиков, и везде одно и то же — болтовня, а дел никаких.

На прошлой «рельсовой войне» потеряли угольную шахту имени Калинина — не худшую шахту! Кто помог закрыть её? Профсоюзы! Которые не сказали ни одного слова в её защиту. Поэтому сегодня, по его мнению, необходимо образовывать ШТАБ из рабочих — только рабочие наведут порядок! Кроме того, ему непонятно: зачем нужно угольное объединение, если всем «командует» «ЭРГО?».

В заключение работы конференция приняла Постановление и одобрила предложение о четырёхстороннем соглашении.

«Король умер! Да заравствует король!»

Как сообщил в докладе на конференции внешний управляющий Угольной компании Ковалёв В.А.: «Сегодня Угольная компания доживает свой последний месяц или даже последние дни. Предстоит процедура банкротства, которая, как оказывается, пойдёт не во вред, а во благо. «От продажи ликвидированного товара — пакета акций «Прокопьевскугля» — появятся денежные средства, которыми умирающая Угольная компания рассчитается со всеми своими кредиторами».

Рассчитается не рассчитается, но хвост долгов «обрубится» — по «закону». Родившееся же, новое «дочернее» предприятие, станет собственником залежей угля. Что, как кажется на первый взгляд, ничего, кроме пользы, не несёт трудовому коллективу, оставшемуся от Угольной компании. Но это только на первый взгляд, а вообще-то всё указанное является вроде циркового трюка: через голову перевернулся, в новое обличье облачился и вроде тот же самый, но, оказывается, другой, без «хвоста» долгов и без 250 работников.

«Кукушки и кукушата...»

«Лодка» тонет из-за течи в «днище», весь «балласт» (стариков, женщин и детей) выбрасывают за борт! В лодке остаются только те, кто «сидит» на вёслах, и те, кто вычерпывает воду из лодки! Суровая реальность жизни или заранее запланированное уничтожение всех, кто не приносит прибыли?

А если лодку «топят» специально? Набрали в лодку людей, открыли специальное отверстие, пробку выдернули, и вода пошла в лодку, «балласт» из лодки выбросили (лишних людей, попутно и ограбив их), отверстие закрыли, воду из лодки вычерпали и вновь пошли к берегу, за новой партией «балласта». И так до бесконечности. «Мальчишки» с совдеповской психологией делать подобные «трюки» не могут. Зато пришедшие им на смену «мальчишки без комплексов» будут делать

это, не моргнув и глазом, как кукушата выбрасывают из гнёзд настоящих детей кормящих их пташек.

«Прокопьевск — революционный город»

Так сказал в своём докладе В.А. Ковалёв, с чем можно согласиться. Можно согласиться и с тем, что в Угльной компании ещё с совдеповских времён чересчур раздуты штаты, которые безболезненно можно сократить. Далее, нужно сокращать штаты и на всех предприятиях компании. А это уже сложнее, так как безработных людей становится всё больше и больше. Придёт время, и они вновь начнут протесты.

«Все играют в политику, — сказал на конференции Ткач С.В., директор шахты «Коксовая», — а нужно работать, добывать по 230 тонн угля на каждого работающего на шахте ежемесячно».

Директор шахты «Коксовая» прав, но он знает и то, что, спустившись в шахту последней клетью, шахтёры через час начинают выезжать обратно, потому как в шахте делать им нечего: нет порожняка, нет взрывчатки для скола угля в угольных забоях, нет крепи и так далее. «Шахтовый надзор тоже не лучше рядовых горняков: не успел ещё в шахту спуститься, а едет уже обратно. Не все, конечно. Да и какой смысл работать в шахте, если горняк после каждой рабочей смены остаётся должником предприятию, а не наоборот? Парадокс какой-то получается, все сидим на одной и той же ветке дерева и все пытаемся перерубить эту ветку. При этом говорим, чтобы политикой никто не занимался. А политика — это не только с барабаном и красным знаменем ходить вокруг шахты, но и государственную, общенародную собственность отдать в частные руки. Как сообщил 28 июля этого года министр топлива и энергетики страны Калужный на заседании кабинета министров страны: кредиторская задолженность угольной отрасли страны равняется почти 64 миллиардам рублей. Задолженность же потребителей перед отраслью в три раза меньше. К тому же мировой банк развития (МБР) ставит перед Россией вопрос по корректировке программы закрытия убыточных шахт: то есть увеличить число закрываемых угольных шахт с 46 до 60 предприятий. И это только в этом году. Вот какие мы им нужны. И только на этом условии нам будут выделены какие-то там кредиты».

Вопрос уходящего века и тысячелетия: что делать?

На повестке дня возник вечный русский вопрос: «Что делать?». Напрашиваются два варианта. Первый вариант: предоставить максимум полномочий вновь родившейся «дочке» «Прокопьевскугля» во главе с В.А. Ковалёвым на проведение решительных действий по реорганизации и реструктуризации (имеется ввиду по резкому сокращению числа работающих людей на этих предприятиях, по образцу и подобию гидрошахты «Красногорской», директором которой являлся в недавнем прошлом В.А. Ковалёв). Об этом в середине прошлого месяца говорил губернатор А.Г. Тулеев. То есть, из тонущей лодки выбрасываем балласт. Оказавшиеся работники в числе балласта роптать не

должны. Всё делается во имя спасения «лодки» и оставшихся в ней, пусть хотя бы они выплывут.

Второй вариант: круто повернуть всю деятельность в сторону национализации предприятий, передачи их в государственную собственность. Для этого всему депутатскому корпусу (всех уровней) в срочном порядке необходимо проявлять законодательную инициативу: отработать и принять соответствующие этому направлению, отсутствующие ныне законы. В этом случае руководителю всего этого процесса также необходимо дать максимум нужных полномочий. И, наверное, им должен быть «мальчик» с совдеповской психологией и мировоззрением.

В первом варианте, с учётом вышеупомянутого обстоятельства, что Прокопьевск революционный город, видимо, не избежать волнения низов (всех выброшенных за борт).

Во втором варианте, на национализацию предприятий, видимо, ни за что не согласятся сегодняшние акционеры — хозяева предприятий и положения.

Из двух зол выбираем то, что устраивает большинство: создание штабов из рабочих, как предложил на конференции дзержинец Н.П. Кучма, с наделением их большими полномочиями. Вероятнее всего, их действия ничего положительного не дадут, потому что решение этих вопросов — категория политическая. И никуда от неё не уйдёшь. В связи с чем совсем в другом свете смотрится лозунг десятилетней давности с которого и начал этот разговор: «ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ — К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ!».

«Пусть нас рассудит народ» (Аман Тулеев, губернатор)

«Создание движения «Возрождение и единство», лидером которого меня избрали, воспринято в России неоднозначно.

Возрождение Российского государства. Защита духовных, экономических, социальных и политических прав и законных интересов всех граждан России. Содействие созданию в стране экономики, основанной на многоукладности форм собственности. Достижение политического и идеологического плюрализма. Построение правового государства. Достойные цели! И пусть бросит в меня камень тот, кто с чистой совестью сможет утверждать, будто на посту сопредседателя НПСР и на посту губернатора Кемеровской области, и как член Совета Федерации я когда-нибудь лукавил, двурушничал, говорил одно, а делал другое.

В чём же тогда вина Амана Тулеева? Убеждён, в том, что обвинения в мой адрес исходят сегодня не столько от Народно-патриотического союза России (НПСР), сколько от крыла НПСР, ориентирующегося на Компартию. Чем же недоволено руководство КПрФ?

Геннадий Зюганов в последнее время работает по такой схеме: Тулеев — губернатор, а губернаторы не должны заниматься политикой, поскольку «по закону» главы администраций должны собирать страну воедино и выражать интересы каждого избирателя, который проживает на их территории.

Похоже, руководство КПрФ тревожит не Тулеев. Больше всего тревожит то об-

стоятельство, что Тулеев оказался ещё одним губернатором — по-старому, «председателем областного Совета», — набравшимся наглости действовать не по инструкциям «старших товарищей», а по своему разумению. Дай волю ему — и завтра ни на кого уже управы не найдёшь. Вот и приходится объявлять несмышлёнышам будто губернатор — не политик, его задача — «собирать страну». Только собирать страну, которая уже есть, означает в переводе на общепонятный язык, что собирать её нужно под власть КПрФ. Которую, напомним, возглавляет сегодня сам Геннадий Андреевич. Значит, нам, губернаторам, предлагается не своим прямым делом заниматься, а пахать на КПрФ — одну из нескольких сотен политических партий России. Пусть самую крупную и влиятельную, но всего лишь одну из множества ей подобных.

А с какой, извините, радости? Чем КПрФ лучше других? Чем Геннадий Зюганов мудрее других? Да ничем! Нет сегодня ни у меня, ни у десятка миллионов других россиян доказательств повышенной мудрости ни КПрФ, ни тринадцати других партий России. Утверждал и утверждаю: очень многие в России ещё совсем недавно предоставляли Компартии высочайший кредит доверия. Только все сроки платежа по этому кредиту давно истекли, а возвращать этот кредит никто не собирается. Вина же за неплатёжеспособность возлагается не только на коммунистов, но и на весь НПСР.

Как один из лидеров НПСР я и сам несу немалую долю ответственности за нарастающее в народе недовольство бессилием НПСР. Ответственность свою признаю и вины за происходящее в стране с себя не снимаю. Не могу разделить с коллегами по НПСР, коммунистами, только одного — безответственности.

Как губернатор и как политик я единолично отвечаю за положение дел в Кемеровской области.

Там, в области, мне не за кого прятаться — ни за КПрФ, ни за НПСР. Я — один, лицом к лицу со своими избирателями, со всеми жителями Кемеровской области, от грудных младенцев до глубоких стариков. Не мне судить, как я со своими обязанностями справляюсь. Зато твёрдо знаю: народного суда мне — не Геннадию Зюганову, а лично мне, Аману Тулееву, не миновать! Суд состоится на следующих же выборах губернатора. И если народ признает меня виноватым в непротивлении злу, в неспособности выполнять обещанное, меня вышвырнут и из власти, и из политики.

У КПрФ, у НПСР положение иное. Никого не хочу обвинять, но всё-таки, наверное, обижу: нынешнее руководство КПрФ за все годы лидерства в оппозиции не смогло принести россиянам ничего, кроме жестокой изжоги на пустопорожние лозунги: «Долой!» и «Даёшь!».

С их программой-максимум «Даёшь!» всё в полном порядке. Нельзя и вообразить, чего депутаты-коммунисты ещё не получили в своё личное пользование в обмен на свой любимый призыв.

А вот с программой-минимум «Долой!» ничего не выходит. Ни одного беса из России коммунистам изгнать не удалось. Такое впечатление, что фракцию КПрФ в Думе нынешнее положение дел

в России вполне устраивает. Они, похоже, не хотят его менять и смертельно бояться: а вдруг Кремль и впрямь отдаст им власть над страной? Тогда ведь придётся всю ответственность за положение дел в России брать на себя. А отвечать — нечем! Нет у соратников Зюганова за душой никакой конструктивной программы. Не знают они, как поднять производительность, как вернуть заработок миллионам оставшихся без работы, как погасить задолженность по заработной плате, по детским пособиям. Ну, не знают они ничего этого! И знать не хотят. Да и зачем, если и без того есть фантастические по российским меркам зарплаты, если есть бесплатные квартиры в Москве и за её пределами, если есть персональные и разгонные машины, бесконечные поездки по заграницам с заискивающими улыбками на располневших лицах бывших аскетов, есть неслабые доходы от лоббистского обслуживания тех, против кого и обещано биться не на жизнь, а на смерть. И чтобы от такой лафы да отказаться? Ни в жизнь!

Возродить общенародное доверие к политике можно. Возрождать его нужно. Но для этого сначала необходимо взглянуть правде в глаза, узнать её. Извиниться перед нею и очиститься от скверны. Именно этим и намерено заниматься «Возрождение и единство».

Но такой подход устраивает не всех. «Досадны недобрые упреки Тулеева в адрес НПСР, который-де, ничего не добился за эти годы, и КПрФ, которая-де, теряет в глазах народа», — пишут главные редакторы Чикин («Советская Россия») и Проханов («Завтра»).

Могу ответить на такие советы просто. Ребята! Если вы честные коммунисты — вспомните: ведь одной из основополагающих заповедей КПСС был лозунг «Критика и самокритика — движущая сила нашего общества». А мне предлагается «преодолеть недостатки оппозиции, не нанося ей травмы, не раскалывая её на радость противникам». Да у нашего противника — бездумной и безответственной власти — давно уже нет большей радости, как наблюдать за прогрессирующей утратой доверия к КПрФ и иным коммунистическим организациям, как регистрировать всё новые и новые промахи коммунистического движения.

А идеология. Что ж, идеология и впрямь великая сила. Только вот на хлеб её не намажешь, борщ из неё не сваришь, одежду детям не сошьёшь, пенсию ветеранам не выплатишь. Для этого нужно не болтать, а работать».

*«Независимая газета» (в сокращении).
Газета «Народовластие», № 27 (67),
четверг, 8 июля 1999 года.*

«Ортодокс — Теймураз Авалиани»

«Предательство, о котором говорили многие среди нас, свершилось и стало теперь очевидным для всех: сопредседатель НПСР Тулеев создал своё межрегиональное движение «Возрождение и единство». Буржуазное антикоммунистическое по духу и сути. В оправдание своего предательства Тулеев подверг «благородной» критике НПСР и КПрФ за то, что они якобы «ничего не дали

народу». Хотя именно эти партии всё сделали для того, чтобы «всенародно избранным» губернатором в Кузбассе стал господин Тулеев, бывший министр черномырдинского правительства. Но предателям, как известно, благодарность неведома.

И при этом критикует Тулеев сам себя, поскольку всё время являлся сопредседателем НПСР.

Таким образом, нанесён ещё один ощутимый удар по оппозиции, коммунистическому движению, по возможности объединения трудящихся в единый фронт борьбы против ненавистного ельцинизма.

Зато довольны враги социализма: ещё бы, предательство в год решающих выборов. Под лозунгом отрицания критики, под призывы к согласию и созиданию.

Увы, Тулеев — давний антикоммунист, давний созидатель капиталистических порядков. Это он, будучи ещё председателем областного Совета народных депутатов, одним из первых вышел из КПСС и призвал к этому всех председателей нижестоящих Советов Кузбасса. Это он, тогда, организовал кампанию за вывод из числа учредителей местных газет городских и районных комитетов КПСС. Это при нём вводилась в Кузбассе «в порядке эксперимента» так называемая страховая, а по сути рыночная, геноцидная медицина. При нём было принято решение о выделении земель в частное пользование. Это он, Председатель Тулеев, в самый критический момент октября 1993 года сдал областной Совет, а с ним и местные советы на милость узурпатора Ельцина. В то время как в соседних областях всё делали для сохранения советской власти.

Но почему-то вожди буржуазной контрреволюции в России не оценили должным образом старания новоявленного созидателя капитализма, и в губернаторское кресло Кузбасса был посажен другой «созидатель», радикал-«демократ» Кислюк. Тулееву поневоле пришлось перестраиваться в оппозицию областного мэра, в защитника униженных и оскорблённых, в «пламенного борца» за социальную справедливость. Но в партию он так и не вернулся. Тем не менее, слыл коммунистом. Уж больно горячо, хлестко критиковал. Снискал широкий успех, народное признание и даже любовь. Это однако не помешало Тулееву в 1996 году перебежать из лагеря потерпевшей неудачу на президентских выборах оппозиции в само логово режима и получить кресло министра, а затем занять и более «хлебное» место — пост губернатора Кемеровской области. Как удалось «народному заступнику» Тулееву усыпить бдительность и подозрительность самого Ельцина? Добиться доверия и расположения этого самого главного «всесоюзного предателя»? Это до сих пор остаётся тайной. Видимо, под обещания усмирить Кузбасс, уложить его покорным и тихим к ногам режима. Чего так и не смог сделать «демократ» Кислюк. А главное — по большому счёту Ельцин считал и считает его своим.

Так или иначе, но Кузбасс действительно замолчал и довольствуется, похоже, тулеевской демагогией о пользе со-

бирательства грибов и ягод, индивидуального огородничества и домостроительства.

Разгромлено рабочее движение. Умолкли профсоюзы. Раздавлена областная организация КПРФ. В жалкое «содружество подхалимов» превращено движение «Народовластие». Под единоличным губернаторским контролем поставлена избирательная система. На коротком финансовом поводке оказались государственные, муниципальные и общественные организации. Тем временем продолжают свободно разгуливать пресловутые посредники, преступники, мошенники, рекой льётся «запотелая», делают своё страшное дело наркотики.

А наши героические пенсионеры, стоические учителя, терпеливые рабочие и крестьяне всё ждут, всё надеются на «Тулеича»: он обещал, он клялся. А газета «Кузбасс», рупор областной администрации, тем временем публикует «Сиблаг ГУЛАГа».

*Газета «Народовластие», № 27 (67)
8 июля 1999 года.*

Губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев

Аман Гумирович Тулеев — российский государственный и политический деятель: председатель Совета народных депутатов Кемеровской области (Законодательного собрания) (10 апреля — 14 сентября 2018 г.), губернатор Кемеровской области (с 1 июля 1997-го по 1 апреля 2018 года), министр РФ по сотрудничеству с государствами СНГ (22 августа 1996 — 1 июля 1997 гг.), председатель Кемеровского облисполкома (27 декабря 1990 — 27 августа 1991 гг.), начальник Кемеровской железной дороги (1 декабря 1988 — 27 декабря 1990 гг.), ректор Кузбасского регионального института развития профессионального образования (сентябрь 2018-го — ноябрь 2023 года), полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством». Родился 13 мая 1944 года (при рождении Амангельды Молдагазыевич Тулеев) в городе Красноводске (позднее Туркменбаши Туркменской ССР) в семье казаха Молдагазы Колдыбаевича Тулеева и Муниры Файзовны Власовой (урождённой Насыровой, татаро-башкирского происхождения). Отец погиб на фронте в 1943 году, ещё до рождения сына. Аман Тулеев воспитывал отчим Иннокентий Иванович Власов. В 1951 году семья переехала в Кемеровскую область.

В 1964 году А.Г. Тулеев окончил Тихорецкий техникум железнодорожного транспорта, в 1973 году — Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТ), заочно; в 1989 году окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Свою трудовую деятельность А.Г. Тулеев начал в качестве дежурного по железнодорожной станции Мундыбаш Новокузнецкого отделения Кемеровской железной дороги.

В 1964—1967 годах проходил срочную военную службу в ЗабВО, в железнодорожных войсках. После прохождения службы вернулся на прежнюю работу.

В 1969—1973 годах работал начальником железнодорожных станций Мундыбаш и Междуреченск Новокузнецкого отделения Западно-Сибирской железной дороги. В 1983—1985 годах — началь-

ником Новокузнецкого отделения Кемеровской железной дороги, в 1985—1988 годах — заведующим отделом транспорта и связи Кемеровского обкома КПСС, в 1988—1990 годах — начальником Кемеровской железной дороги.

С марта 1990-го по октябрь 1993 года — народный депутат Верховного Совета РСФСР (входил в депутатские группы: «Коммунисты России», «Промышленный союз», «Отчизна» и «Смена»).

В 1990—1993 годы — председатель Кемеровского областного Совета народных депутатов, в это же время с декабря 1990-го по август 1991 года исполнял и должность председателя исполкома областного Совета народных депутатов.

В апреле 1991-го был выдвинут кандидатом в президенты РФ.

В августовских событиях 1991 года как председатель Кемеровского облисполкома пообещал Геннадия Янаеву «подписаться под каждым словом» в обращении ГКЧП, за что позднее был заменён М.Б. Кислюком (одним из лидеров рабочего движения Кузбасса).

В сентябре 1993 года поддержал позиции Верховного Совета СССР, после чего областной Совет был распущен.

В марте 1994 года на выборах в Законодательное собрание Кемеровской области блок «Народовластие» во главе с А.Г. Тулеевым набрал 63,3 процента голосов избирателей; в апреле 1994 года А.Г. Тулеев был избран председателем областного Законодательного собрания.

22 августа 1996 года — назначен министром РФ по делам СНГ.

1 июля 1997 года — назначен главой администрации Кемеровской области. 19 октября 1997 года победил на выборах губернатора Кемеровской области (набрал 94,54% голосов избирателей).

В 1996-м и 2000 годах вновь баллотировался на выборах президента РФ.

На выборах в Госдуму в 1999 году А.Г. Тулеев входил в список КПРФ, но в Кузбассе поддерживал уже «Единство», в 2000 году был исключен из НПСР, в декабре 2003 года возглавил в Кузбассе региональный список «Единой России».

27 декабря 2011 года Законодательное собрание Кемеровской области присвоило А.Г. Тулееву почётное звание «Народный губернатор».

25 марта 2018 года произошёл пожар в торгово-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» города Кемерово, в результате которого погибли 60 человек. После чего начали раздаваться выкрики: «Губернатора — в отставку!».

1 апреля 2018 года А.Г. Тулеев выступил с открытым видеобращением к жителям Кемеровской области, а также к президенту страны с заявлением о своём досрочном прекращении полномочий губернатора Кемеровской области по собственному желанию, которое было принято.

20 ноября 2023 года А.Г. Тулеев умер в больнице в городе Кемерово. Похоронен на Центральном кладбище Кемерово.

Глава администрации Кемеровской области М.Б. Кислюк

Михаил Борисович Кислюк — один из лидеров рабочего движения шахтёров в

Кузбассе в 1989—1991 годах, глава администрации Кемеровской области (27 августа 1991-го — 1 июля 1997 года), руководитель ФС по регулированию естественных монополий на транспорте (1997—1998 гг.), член ДПР.

Родился Михаил Борисович Кислюк 30 апреля 1951 года в украинском городе Житомире. Сам же называет себя сибиряком, потому что родители его приехали на строительство Бачатского угольного разреза в конце 1940 годов, то есть ещё до его рождения. Но перед его рождением мать уехала в Житомир, где и родился Михаил Кислюк.

В 1973 году М.Б. Кислюк окончил горный факультет Кузбасского политехнического института, по образованию горный инженер.

С 1973 года работал горным мастером на угольном разрезе «Кедровский» (в городе Кемерово), в 1976 году — главным технологем угольного разреза «Кедровский».

В 1978 году был назначен на должность главного экономиста угольного разреза «Байдаевский» (город Новокузнецк), с 1980 года являлся заместителем начальника планово-экономического отдела и главного горняка ПО «Кемеровоуголь». С 1986-го по 1990 год работал заместителем директора по экономике угольного разреза «Черниговский», одновременно — преподавателем общей теории статистики и экономики горной промышленности в Кузбасском политехническом институте.

В 1995 году получил учёное звание доктора технических наук за разработку «Кузбасской модели развития», в 1997 году защитил диссертацию на соискание учёного звания кандидата экономических наук.

В ноябре 1989 года стал одним из инициаторов и организаторов создания Союза трудящихся Кузбасса, одним из руководителей Совета рабочих комитетов Кузбасса.

Член КПСС с 1976-го по август 1991 года.

С 1990-го по 1991 годы работал заместителем председателя исполкома Кемеровского областного Совета народных депутатов РСФСР (А.Г. Тулеева).

Весной 1990 года был избран народным депутатом Верховного Совета РСФСР, где являлся членом партий «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы».

В августе 1991 года (в дни ГКЧП) находился в числе защитников «Белого дома» (во главе с Б.Н. Ельциным), в том же месяце был назначен главой администрации Кемеровской области (Указом Президента РФ).

Осенью 1993 года поддержал решение Б.Н. Ельцина по силовому разгону съезда народных депутатов РСФСР и самого Верховного Совета РСФСР.

С 23 января 1996-го по 1 июля 1997 года являлся членом Совета Федерации, членом Комитета Совета Федерации по законодательству и судебноп-правовым вопросам.

1 июля 1997 года был освобождён от исполнения должности главы администрации Кемеровской области Указом Президента РФ.

АКАДЕМИЯ НАУК АВИАЦИИ И ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ
125252, г. Москва, ул. 2-я Гасановая, д. 4
E-mail: anav@yandex.ru
www.anav.ru

Книга правдивая и достоверная

С Анатолием Николаевичем Гуляевым мы знакомы с 1969 года, с той поры, когда стали курсантами Ачинского военного авиационно-технического училища. После окончания училища получили распределение в Государственный Краснознаменный научно-испытательный институт ВВС им. В.П. Чкалова.

Некоторое время спустя наши военные дороги разошлись. А более чем через два десятка лет, когда мы стали военными пенсионерами, мы вновь нашли друг друга и начали переписываться.

При этом я с удивлением узнал, что мой старый товарищ и друг, уволившись с военной службы и вернувшись в Кузбасс, серьёзно занялся журналистикой и литературной деятельностью. Он создал литературно-художественную газету-альманах «Усятская россыпь». Единственная в Кузбассе литературная газета-толстушка (56 полос в каждом номере) публикует произведения не только кузбассовцев, но и авторов из других регионов.

Честно скажу, что публикуемые в Альманахе материалы разных авторов пришлись мне по душе, в том числе и личные материалы (рассказы) А.Н. Гуляева, которые он нередко создавал из легенд, услышанных им от кого-то ещё в детстве. Рассказы носят разноплановый характер, зачастую непохожих тем, к примеру, «Усятский мужик» и «Как мы Черчилля победили», «Веркина любовь» и «Полный расчёт, до копейки». Позднее в литературном арсенале Анатолия Николаевича появились рассказы, созданные из легенд и баск непосредственно из его личной военной службы, «Туннель Тарубарова» и «Знобый Норд-Вест», которые я прочитал с великим удовольствием.

Приятным сюрпризом оказалась книга А.Н. Гуляева «Как рождалась корабельная авиация России», вышедшая в 2018 году. В ней рассказывается об истории воинской части, в которой прошла вся офицерская служба Анатолия Николаевича, о конкретных людях, отдавших лучшие годы жизни делу создания корабельной авиации России.

В книге даны биографические данные если не всех лётчиков-испытателей корабельных самолётов страны Советов, то очень многих.

В конце 2023 года я получил очередной подарок от Анатолия Николаевича — первый том его книги «Русские всполохи» (Гражданская война), охвативший трагические события истории нашего Отечества с начала первой мировой войны (с августа 1914 года) до окончания гражданской войны в Советской России (до 1922/23 годов).

Под русскими всполохами автор подразумевает не только чисто российские яркие военные события, но и те, которые происходили за пределами России и ярко отражались на её истории, всполохи то затухавшего военного пламени, то вновь разгоравшегося.

В первом томе книги «Русские всполохи» автор напомнил читателям, в хронологической последовательности, события, происходившие на фронтах Русской императорской армии, и неподдающееся пониманию предательство высокопоставленных чиновников императора Николая II, его отречение от руководства страной. В книге рассказывается о февральско-октябрьских революциях, о яростном противостоянии «белых» и «красных» русских армий в гражданской войне, о новом предательстве теперь уже командования союзников и Чехословацкого военного корпуса, о действиях Верховного правителя России адмирала Колчака.

Во втором томе «Русских всполохов» (период СССР) автор воссоздаёт картину становления Советской России после окончания гражданской войны, восстановления её экономики, рассказывает о разработке и внедрении в жизнь Плана ГОЭЛРО, причинах НЭПа, коллективизации. Он затрагивает и события, приведшие к боестолкновениям у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Особое внимание он уделяет Финской военной кампании и зарождению новой большой военной угрозы от нацистской Германии.

Великая Отечественная война на западе и война с милитаристской Японией на Востоке занимают особое место во втором томе «Русских всполохов», в этих главах рассказывается о героях, победивших фашизм, и о противоречиях послевоенного мироустройства.

Анатолий Николаевич описывает начало ядерного военного противостояния США и Советского Союза, создание содружества стран «Варшавского военного договора» и Совета экономической взаимопомощи, их распад и распад СССР, военные конфликты в Чечено-Ингушетии, в Грузии.

Не обошёл автор и описание событий в Украине: Киевские майданы, АТО и СВО, мирные переговоры и договоры «Тегеран-43», «Ялта-45», «Минские» и «Аляска-2025». В связи с нестабильностью современного политического состояния в мире, попытками стран Европы и США изменить мироустройство автор предполагает написание третьего тома «Русских всполохов», который будет не менее интересным.

Тем не менее, и двух изданных томов книги достаточно, чтобы сказать, что автор достиг высокого уровня как российский писатель и публицист.

По моему мнению, книга будет полезной и интересной не только любителям военной истории Государства Российского, но и более широкому кругу читателей. Она будет полезна и как учебное пособие учащимся всех уровней по курсу общей истории Российской Федерации, возможно, и за пределами РФ.

От себя добавлю, что написана книга правдиво и достоверно.

Александр Николаевич Акимов,
полковник ВВС в отставке,
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент Академии авиации
и воздухоплавания.

ТВН TV Новокузнецка

Судьбоносные события в истории России XX века (гражданская война) отражены в книге «Русские всполохи» кузбасского писателя Анатолия Гуляева. Забытые эпизоды вековой давности всплывают с новой силой в издании, над которым автор работал 5 лет.

«Русские всполохи», том I. В книге собраны сведения об исторических событиях и даны биографии конкретных исторических личностей. Всё это тесно переплетено, сведения дополняют друг друга для того, чтобы призма событий начала 20 века отражала как можно более точно всё произошедшее в те, далёкие годы.

Автор сказал: «В книге я начал писать и о белых, и о красных. Такого никто не делал. Я пишу про генерала Корнилова и Колчака, Фрунзе и Чапаева, и о других действующих лицах истории. И задаюсь вопросом: вроде и эти наши, и те наши, как к ним относиться? Не противопоставляю и никого не оцениваю, просто описываю события. Оставляю возможность дать оценку тех событий читателю».

Анатолий Гуляев, полковник ВВС в отставке, окончил Ачинское авиационно-техническое училище. Семь лет летал в качестве бортехника. А потом перешёл на инженерную должность. Писать начал ещё со студенческой скамьи. Увлекался поэзией. Позже появилась и тяга к прозе.

«Допустим, в полёте произошёл отказ оборудования самолёта, надо проанализировать ситуацию, описать, как машина себя вела, какие действия предпринял лётчик, то есть это тоже литературно-творческая работа. Я попробовал писать рассказы. Показал сослуживцам своим, они одобрили. Где-то с 1981 года я стал прозаиком».

Анатолий Гуляев в 2006 году создал альманах «Усятская россыпь», на страницах которого публикуются стихи, рассказы, повести кузбасских авторов, предоставляется возможность публикаций творческих работ начинающих поэтов и писателей.

«Русские всполохи» — четвёртая книга автора. Она, как и предыдущие, основана на достоверных литературных источниках. Не зря автором и его книгами серьёзно интересуются новокузнецкие историки, библиотекари, работники музеев. Публицистическая была о гражданской войне рассказывает не только о событиях всероссийского масштаба, но и о том, что происходило в те годы в Сибири.

«В интернете есть такое понятие о Рогове-кузнецкая резня», — рассказывает Анатолий Николаевич, — некоторые авторы утверждают, что Рогов был бандитом, а роговцы отрубили головы 500 жителям в Кузнецке (Новокузнецке). Кто-то приводит цифру — 700 человек, даже до 2 тысяч доходит. Вот я этот вопрос разбирал: когда Рогов пришёл в Кузнецк, когда ушёл, и считаю, что эти цифры вымышленные, простой наговор».

Завершая работу над книгой, Анатолий Гуляев уже знал, что будет продолжение. Автор планирует изучить, а затем и изложить события специальной военной операции.

Всполохи истории. Пора осмысления Газета «Новокузнецк», выпуск №5 (1261)

Писателей и книг в кузбасских рядах прибавляется. На днях в Доме творческих союзов прошла презентация новой книги Анатолия Гуляева, известного в Новокузнецке литератора, журналиста, мещената-издателя печатного издания «Усятская россыпь». Житель Прокопьевска Анатолий Николаевич на собственные деньги издаёт этот объёмный альманах, в котором имеют возможность печататься самобытные писатели и поэты Новокузнецка, а также других городов южной агломерации Кузбасса.

Свет увидела его очередная книга «Русские всполохи. Том первый. Гражданская война», посвящённая 100-летию гражданской войны в Советской России.

Писатель, представивший на суд читателей свою новую книгу, изданную также за счёт собственных средств, родился в Проко-

пьевске (прежнее название — Усаты). В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер, полковник ВВС в отставке. Литературным творчеством он занимается с курсантской скамьи. «Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт, прошедший через тексты технического и служебного характера, перерос в литературно-художественные произведения», — рассказывает он.

С 1998 года на протяжении трёх лет работал главным редактором городской газеты «Народовластие» Прокопьевска. С 2007 года — редактор и издатель литературно-художественной газеты-альманаха «Усятская россыпь».

«Русские всполохи. Гражданская война» — это военно-историческая, документально-публицистическая вещь (есть и такой жанр в исторической литературе), в редактировании книги помощь оказала журналист Людмила Танкова.

В новом издании отражены судьбоносные события отечественной истории с начала первой мировой войны, гражданской войны и до специальной военной операции, а также предшествующие СВО события в Донбассе. Автор рассматривает их через призму личных биографий реальных лиц и персонажей, принимавших участие в описываемых исторических событиях (генералы Деникин, Юденич, Шкуро, Гайда и другие). Кроме того, Анатолий Гуляев рассказывает об исторических событиях, происходивших в обозначенный период в Кузбассе — в годы гражданской войны, а также о шахтёрских забастовках.

Говорит он и о недавних событиях в Крыму, где долгое время ему довелось жить, в которых в какой-то степени ему пришлось принимать участие. «Я как человек военный влез, образно говоря, в самые окопы тех войн, посмотрел на всё происходящее с позиций советского офицера. Через биографии исторических личностей показал те звенья одной цепи, ту цепочку событий, которые пришлось пережить нашей стране», — отметил Анатолий Николаевич.

На презентации он заверил, что на этом томе свою военно-историческую быть не завершит. Она продолжится исследованиями, в том числе и жизненного пути личностей, принимавших участие в Великой Отечественной войне, а также в нынешних военных событиях.

История не имеет сослагательного наклонения, но осмысливать происшедшее и происходящее пытливого уму возможно, считает Анатолий Гуляев.

Чечет И.В., полковник в отставке Республика Беларусь

Закончил знакомиться с вашей книгой «Русские всполохи» том I. Могу сказать, что первый том книги «Гражданская война» можно рекомендовать как преподавателям, так и школьникам старших классов. В своё время мне пришлось изучать историю гражданской войны по университетской программе. Но здесь очень много материала, подробных событий, участвующих в них военачальников с обеих сторон, о которых я прочитал впервые.

Подробно описаны события Белого, Красного и партизанского движения в Сибири, на Дальнем Востоке. Большой интерес вызвала глава 12 «Дела Кузнецкие».

Считаю, что книга имеет право стать учебным пособием по изучению гражданской войны не только в России, но и в нашем содружестве. А что касается примирения, то это очень сложный момент для нашей действительности. Кому-то очень хочется забыть всё то горе, боль и страдания, через которые прошли наши народы в то время. Думаю, ещё рано поднимать этот вопрос.

17.03.2024 г.

Исторические предпосылки образования СССР в контексте книги А.Н. Гуляева

В период структурных перемен становится традиционным пересмотр взглядов на мировую историю. Повышенный интерес к причинам образования и развития СССР проявляют исследователи как западного мира, так и отечественной историографии.

Уходят поколения непосредственных участников и свидетелей эпохальных событий XX века, унося с собой живые знания.

Современные вызовы всё чаще принуждают государства рассекречивать архивы. Раскрытие документов, как правило, носит выборочный характер.

Возникающая из-за такой избирательности фрагментарная картина прошлого может применяться для удобного исторического нарратива — того, что служит сиюминутным целям текущей политики, включая попытки пересмотра итогов второй мировой войны.

В условиях современных испытаний приоритет должен быть отдан не популистским трактовкам, а профессиональной исторической науке. России необходимы труды историков и экспертов, дающие объективную, свободную от конъюнктуры оценку сложного и многогранного пути государства, сменившего несколько общественно-политических формаций.

Вы прочитали второй том большого труда «Русские всполохи» полковника ВВС СССР и РФ в отставке Анатолия Николаевича Гуляева.

Второй том подводит читателя к новому историческому рубежу — эпохе суровых испытаний, великих свершений и трагических противоречий.

Лишь объективный взгляд на образование Советской России, а затем СССР поможет читателю понять характер того времени, его ценности и мировоззрение человека, попавшего в жернова истории.

Первый том Анатолия Николаевича освещал столкновение двух сил: с одной стороны, осколков отжившей царской власти, не способных перестроиться в соответствии с требованиями времени, а с другой, народных масс, не мирившихся с консерватиз-

мом в эпоху нарастающего общественного прогресса.

Первая мировая, а затем и гражданская война стали тяжелейшим испытанием для народа и явились ключевыми факторами возникновения первого в мире социалистического государства.

Автор предложил читателям задуматься над парадоксом того времени: каким образом нищий и малограмотный народ сумел одолеть организованную политическую систему, интервентов и хорошо вооружённую, поддерживаемую извне Белую армию?

Глобальные потрясения и трансформации XX века знаменуют собой фундаментальный сдвиг в истории, переход от цикличности к линейному, необратимому развитию.

В то время как мир на рубеже XX века преображался под напором научно-технического прогресса, российское общество по-прежнему цеплялось за проверенный опыт, а любая новизна воспринималась им как угроза устоявшемуся порядку.

Фатальным стало непонимание природы прогресса, его способностей менять общую парадигму общества.

Индустриальный уклад, научно-техническая революция и новые формы коммуникаций создали единое поле

исторического времени, в котором оказалось общество, в разной степени готовое к историческому переходу.

Несмотря на определённые промышленные успехи, Российская империя конца XIX века оставалась преимущественно аграрной.

Несмотря на семикратный рост после 1861 года из-за крайне низкого стартового уровня производство не смогло преодолеть общего отставания.

За сорок лет отрасль не стала ведущей, оставалась скорее изолированным анклавом в «океане» крестьянского мира: доля городского населения составляла тогда всего 13,4 процента.

Ситуацию усугубляла сырьевая ориентация экспорта. С 1860 года вывоз хлеба увеличился с 1,5 до 6,5 млн. тонн; за границу отправлялось около половины товарного зерна и масла, три четверти льна и яиц.

Эта тенденция сохранилась и в наступившем XX веке: внешнеторговый профицит обеспечивался в основном за счёт вывоза сельхозпродукции.

Показательно, что в 1913 году экспорт хлеба принёс в казну около 430 млн. рублей, в то время как импорт машин, оборудования и автомобилей составил лишь 58 млн. рублей.

Такая диспропорция наглядно демонстрировала технологическую зависимость страны и неспособность её экономики к интенсивному развитию.

Реформа 1861 года не решила основную проблему крестьянства — уменьшение количества земли на каждого дополнительного крестьянина за счёт ежегодного естественного прироста численности сельского населения.

Если предполагалось, что для нормальной жизни крестьянина необходимо 8 десятин земли, то уже на 1905 год норма уменьшилась до 6,7 десятин.

Социальное расслоение аграриев привело к аккумуляции наделов в руках зажиточных хозяйственников. Огромный экспорт зерна существенно уменьшал долю, которая доставалась каждому сельскому подворью.

Скрытую угрозу экономики можно было устранить за счёт внедрения новых технологий, механизации, приме-

нения качественных удобрений, но у крестьян не было ни капитала, ни знаний, ни земли.

Прибыль от экспорта оставалась у предпринимательского сектора и растрачивалась в частном порядке.

Владельцы средств производства не были заинтересованы в инвестициях в основной капитал аграриев, что послужило важным сигналом глубокого кризиса самодержавия.

В итоге складывался порочный круг: промышленность, с одной стороны, не получала достаточного импульса от модернизирующегося сельского хозяйства, а, с другой, не успевала удовлетворять его спрос и поглощать избыточную рабочую силу, безработица в селе достигала примерно трети.

Безработные крестьяне шли в город и нанимались на работу за бесценок, что сбивало среднюю стоимость рабочей силы.

У предпринимателей появлялись «kozyри» при решении трудовых споров в виде лёгкой, незамедлительной замены рабочего, недовольного условиями труда.

Трудящиеся накапливали недовольства: изнурительный рабочий день составлял 12–14 часов, действовали штрафные санкции, но, в первую очередь, отсутствовало собственное жильё — семьи жили в помещениях казарменного типа.

Падало и качество труда, вызванное низкой квалификацией деревенского рабочего и его безграмотностью.

Столкновение интересов крестьян и рабочих порождало новую социальную угрозу.

Вопрос прогрессивных реформ — это вопрос гибкости политической системы, способности отказываться от неэффективных и архаичных методов, адаптироваться к современным вызовам.

Правящий класс формировался по принципу происхождения и родственных связей.

Отсутствовала реальная возможность различных слоёв общества влиять на принятие государственных решений.

Николай II назвал «бессмысленной» идею создания парламентской надстройки для земств, где будет слышен голос других сословий.

Таким образом, возникли 3 основных социальных конфликта:

1. Конфликты крестьянина и помещика, которые часто подавлялись воо-

руженными силами.

2. Конфликт между рабочими и предпринимателями, ярко проявившийся в волне стачек, особенно в текстильной промышленности. Например, протесты рабочих 1885 года в Орехово-Зуево или 1896 года на казенных предприятиях Санкт-Петербурга.

Проявлялась двойственная тактика власти: появлялись трудовые договоры, рабочий день сокращался до 11,5 часа, но при этом ужесточались репрессии за участие в стачках — вводилось наказание до 8 месяцев тюремного заключения.

3. Конфликт студенчества, вызванный идеологическими спорами.

Переходный период поставил новый сословный вопрос: вопрос иерархичного отнесения рабочего.

В традиционном представлении по убыванию слою состояли из дворянства, помещиков, мещан, священников и крестьян.

Кем же был рабочий?

Ведь рабочим мог быть и крестьянин, и бывший мещанин, и сын священника. С развитием индустриального порядка произошли сдвиги в социальном делении общества: наверху — буржуазия (капиталисты), далее — интеллигенция, а затем рабочий класс (батрачество на селе, рабочие мелких фабрик, рабочий класс промышленных предприятий).

За несколько десятилетий доля населения, недовольная острым социальным положением, увеличилась с десятков и сотен до миллионов. У рабочих не было частной собственности на средства производства, отсутствовала конкуренция в рамках занятости, что дало прямые предпосылки сплачивания трудящихся в социально-политические группы.

С 1903 года прокатилась волна стачек по югу России, и государство пошло на уступки — появилось страхование от несчастных случаев.

Недовольства народа были стихийными и не переходили в плоскость политических решений без активного участия новых средних слоёв — интеллигенции.

Интеллигенция стала неотчуждаемым звеном индустриального общества. Это были работники интеллектуального труда, основанного, прежде всего, на инновациях.

Формировалась технократия, появлялись менеджеры промышленного производства, которые могли смоделировать улучшения, но неповоротливый, архаичный, полуаристократичный чиновничий аппарат был серьёзным барьером для реформирования экономики.

Средние слою требовали наделяния их гражданскими правами, возможностью участия в принятии решений в

судьбе государства, что подавлялось властью. Консервативная доктрина была доминирующей, но не единственной. Появилось либеральное течение, влившееся в Россию с Запада. Идея о том, что государство необходимо трансформировать под стандарты европейских передовых государств, крепко закрепились среди интеллигенции, научного общества и крупных предпринимателей.

На этой почве появлялись различные союзы, действующие как легально, так и скрытно.

Россия переживала этот переход с предельной интенсивностью. Её традиционное общественное устройство, державшееся на самодержавии и вере, не выдерживало давления новой реальности, требовавшей от человека образования новых форм солидарности. XX век стал для России временем мучительного поиска новой идентичности — не в прошлом, а в будущем, который требовал «пересобрать» и общество, и самого человека.

Широкий круг свидетельств, от императорских манифестов и правительственных отчётов до личных воспоминаний сановников, генералов и революционеров, выстраивает неумолимую цепь событий.

История ведёт нас от консервативного застоя рубежа веков через нарастание либеральных, социалистических и революционных движений к событиям 1917 года.

Последовавший за ними хаос гражданской войны, распад территорий и борьба за выживание новых советских республик с железной логикой подводили к необходимости политического воссоединения, итогом которого стало создание СССР.

Это был не случайный эпизод, а закономерный итог колоссального социального слома, попытка собрать распавшийся мир в новую государственную форму!

Изучая разные источники, становится возможным раскрыть предпосылки такого исхода.

Во-первых, нерешённость ключевых социальных вопросов — аграрного, рабочего, национального.

Запоздалая и противоречивая земельная реформа Столыпина не смогла унять «революционную силу» крестьянской общины, а лишь раскачала её. Жёсткие методы «столыпинских галстуков» и военно-полевых судов радикализировали общество, затыкали рты, загоняли оппозицию в подполье, сделав насилие нормой политической борьбы.

Во-вторых, маргинализация самодержавия. «Кровавое воскресенье» 1905 года стала точкой невозврата в вере в сакрального царя.

Неудачи в Русско-Японской и первой мировой войнах, разложение тыла, министерская чехарда и, наконец, фатальная связка трона с одиозной фигурой Распутина шаг за шагом подрывали уверенность в монархии.

В судьбоносный 1917 год не только либералы и социалисты, но и значительная часть генералитета и деловой элиты признали неспособность Николая II управлять государством.

В-третьих, слабость и нерешительность альтернатив.

Временное правительство, пришедшее на смену монархии, оказалось «органом-говорильней», парализованным внутренними противоречиями и неспособным на решительные действия — будь то выход из войны, решительная аграрная реформа или наведение порядка.

Его политика «непредрешенчества» и ожидания Учредительного собрания оказалась вакуумом, который с большой скоростью заполнила стихия низовой самоорганизации в виде Советов.

В-четвёртых, феномен Советов становится ключевым базисом, предопределившим форму нового государства.

Даже внутри стихийно рождавшихся Советов, органов прямой демократии, шла внутренняя борьба.

Но их сила и живучесть заключались в верной социально-экономической программе, которая находила отклик в голодном и уставшем от войны обществе и помогала преодолевать политические трудности.

Большевики, как одна из левых фракций, оказались политической силой, которая не побоялась сделать ставку на низовые структуры, сформулировав простые и понятные лозунги: «Мир — народам! Земля — крестьянам! Фабрики — рабочим!».

Разгон Учредительного собрания, подробно описанный в первой части книги А.Н. Гуляева, символически завершил спор между парламентской и советской моделями власти, окончательно утвердив последнюю.

В-пятых, конечно же, фактор распада и угроза потери территорий.

Гражданская война, иностранная интервенция и сепаратизм национальных окраин, ярко показанный на примере сложных отношений с Украинской Центральной Радой, поставили под сомнение существование России как единого пространства.

Брестский мир, унижительный и болезненный, стал жестоким уроком, доказавшим, что в мире враждующих держав раздробленное государство обречено на расчленение.

Таким образом, создавалась мощнейшая прагматическая предпосылка для воссоединения советских республик под эгидой центра — как под предлогом «мировой революции», так и для защиты Отечества.

Новая книга Анатолия Николаевича представляет собой не просто сборник фактов, а целостное и проникновенное повествование о судьбе России. Главная заслуга автора — в уникальном сочетании масштабного исторического полотна и детализированных человеческих портретов.

Автору удаётся оживить эпоху через судьбы её творцов и свидетелей, что превращает чтение не только в познавательный, но и глубоко эмоциональный опыт.

Двухтомник Анатолия Николаевича стал отличным проводником в мир отечественной истории как для молодого поколения, только открывающего для себя прошлое Родины, так и для искушённых читателей, ценящих глубину анализа и ясность изложения.

Александр Танков,
старший преподаватель
кафедры информационных
технологий и экономических
дисциплин филиала КузГТУ.
г. Новокузнецк.

Надежда Кудрявцева-Кузнецова

(Творческий псевдоним – Надежда Козулина)

Родилась 16 декабря 1951 года на станции «Артышта-1» Беловского района Кемеровской области.

Руководитель литературного клуба «Слово», лауреат премии Кузбасса, член Союза журналистов России, член Российского союза писателей, кандидат технических наук, ветеран труда.

Автор многих книг: «Жизнь вторая» (1995г.); «Прикосновение», «Осенняя песня» (1996г.); «МОИ – женский взгляд, МОИ – женский голос...» (2021г.) и другие. Ответственный редактор, автор-составитель книг «Это НАША Победа!»

(2020г.), «Антологии самобытной поэзии Кузбасса» (2022г.) и других коллективных сборников.

Финалистка Национальной литературной премии «Поэт года-2018, 2021» и «Писатель года-2021»; номинант литературных конкурсов «Русь моя», «Георгиевская лента», «Московская ярмарка» разных лет. Награждена общественными «За вклад в развитие русской литературы» – медалями Анны Ахматовой, Ивана Бунина, Фёдора Достоевского, Святой Руси, Просветители Кирилл и Мефодий. Её стихи опубликованы в Антологии русской поэзии за 2019 год (город Москва).

Узаконенный обман или литературное мошенничество?

Стилистика и орфография автора сохранены.

Я помню, как к нам в Кемерово приезжал Ансамбль песни и пляски имени Александрова (ещё до трагедии). Артисты выступали в парке Победы, его сейчас называют парком Жукова (потому что в центре парка установлен бюст маршалу Г. К. Жукову).

Во время выступления ансамбля свою песню исполнил Эдуард Ханок: «Потолок ледяной, дверь скрипучая...», очень уважаю этого поэта и люблю его творчество. После концерта я подошла к Эдуарду Семёновичу, хотела с ним поговорить и подарить ему мою книгу «Пою Отечество моё...», но поэт моей книги не принял. Он сказал «Я уже не пишу стихов, я занимаюсь творческими войнами». Что это такое «творческие войны»? Зачем в мирное время «война»? Пиши, публикуй, пусть поют твои замечательные песни... Ан, нет...

Я вот тоже пишу. Давно. А где они – мои стихи? А где они – мои песни? И почему их, моих стихов, нет ни в журнале «Огни Кузбасса», ни в журнале «Наш современник», ни в других журналах или даже газетах? Я посылала мои подборки стихотворений и мои сборники стихов и в Литературную газету и в редакции всех журналов, что обозначены на последней странице «Огней Кузбасса». Там, где перечислены названия журналов, написано: «По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной». Сумма света... Здесь кроется какой-то обман. Свет имеет силу. Суммы у света нет. А вот сумма бывает в другом месте. Например... в кармане. Сами дадут? Или их (кого-то) надо обмануть?

Как человек учёный (кандидат технических наук) имею обыкновение обращаться к словарям для пояснения терминов и определений.

Что такое «обман»? В словаре С. И. Ожегова* (стр. 367) написано: «Обман» – см. «обмануть». «Обмануть» – ввести в заблуждение, поступить недобросовестно по отношению к

кому-либо (обманщик – тот, кто обманывает)». На стр. 312 обман приравняется к мошенничеству, а именно сказано: «мошенничество – обман, неблагоприятные жульнические действия с корыстными целями». Это у Ожегова.

*Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.

А у В. Даля** написано: «Обманывать... – словом или делом, вводить кого в заблуждение..., обмануть..., плутовать, мошенничать»

(Бога не обманешь, хоть и пораньше нашего встанешь)... Обманщик – кто обманывает, лжёт, обещает, не исполняя, морочит, проводит, мошенничает; враль, вун, лгун, огудал, надуватель, обирок...» «Мошенничать – заниматься мошенничеством, кражей и обманом».

**Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык. – Том 2. – И – О. – 599 с.

А что можно красть? Кто мне ответит? Крадут деньги. Это мошенники, которые обманом лишают людей, чаще пенсионеров, (и не только) их накоплений. Это... Да мало ли способов и схем отнимать у людей их заработанное или, просто, им принадлежащее?

А вот в литературе, в творчестве? Можно украсть? Крадут – тексты, стихи, песни, выдают за свои. Может быть им (с обеих сторон) пришли те же строки или та же музыка? Доказать трудно.

В моём случае – совсем другое. У меня много лет воруют (занимаются обманом, мошенничеством?), но себе не присваивают, а выбрасывают, просто... выбрасывают. Фамилия в публикации – моя, а вот слова... слова – не мои!!! Обман? – Да! Мошенничество? – Да! Литературное мошенничество?! Факты? Пожалуйста.

Посмотрите журнал «Огни Кузбасса» – № 2 за 2009 год. Я подала в журнал статью (сама принесла в редакцию): «На алтарь любви». Вышла статья в названии «Иду домой». Кто идёт домой, почему со мной не согласовали? В стихотворении (там же) «Одеяло лоскутное» у меня были строки: «Укрывались лос-

кутными и сестрёнки, и братики», – появилось другое: «Их ладошками трогали и сестрёнки, и братики...». Зачем «трогали», если... если «укрывались». В деревне жили... И всё это сделал главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Донбай С. Л.

Дальше-больше. В журнале «Огни Кузбасса» за № 3 от 2013 года вместо моей подборки стихотворений (её подготовил вместе со мной к 20-летию моей творческой деятельности – поэт, член Союза писателей России Соколов Владимир Боевич) в названии: «Собираю, как манну небесную...» появилась совсем другая подборка: «Страсти кипят – на бумаге, в кастрюле кипят щи...». Вместо 13 стихотворений, одобренных поэтом, вышла всего одна страница, вернее 32 строки моих стихов. Щи... Щи-то оно – хорошо, я не против щей, но на тот момент мой муж-шахтёр, участник событий на острове Даманском Александр Кудрявцев уже 6 лет был... в земле. Щи-то я уже себе одной не варила. Как больно было от такой бестактности Главного редактора журнала «Огни Кузбасса» Донбая С. Л. ЗАЧЕМ? Зачем, если, тем более, его название никак не отражает содержания, того, что приведено (например, стихотворение «Юность». В юности щи не варят! По крайней мере, я – не варила!) Это уже – безграмотность!

А в журнале «Огни Кузбасса» – в № 6 за 2011 год вместо моей статьи «К вопросу о состоянии русского языка и о слове в современном литературном процессе» вышла статья с моей фамилией, но в другом названии: «Должна появиться «мода» на чистую русскую речь» и... с выброшенными ссылками на 22 литературных источника, цитируемых мною, из которых я взяла конкретные строки: и стихи, и мнения, и размышления... Просто, выброшены и всё, источники, авторы которых: и Максим Кронгауз, и Сергей Карамурза, и В. М. Бехтерев, и Патриарх Кирилл... На стр. 125 журнала написано: «В газете «Советская Россия» приведён пример...», а за какой год газета,

какое название статьи? – Нет этих данных, да и многих других! Они, просто выброшены!

И есть мнение доктора наук, профессора А. Б. Коновалова, что отсутствие ссылок на цитируемую литературу «обедняет текст». Что «доказательность и аргументированность» статьи не состоялось (никак не принято во внимание). А это уже не принял суд по делу № 2-740/2019 о защите чести, достоинства и деловой репутации автора. Но статья 1266 ГК РФ в названии «Право на неприкосновенность произведения и защита его от искажений» действует и её никто не отменял!

А в журнале «Огни Кузбасса» № 4 за 2017 год господин Главный редактор журнала Донбай Сергей Лаврентьевич поступил ещё круче. Вместо полной статьи «Тема молитвы в творчестве великих русских поэтов» он поставил в журнал только 2-ю часть статьи «Молитвы русских поэтов», выбросив первую в названии «Молитва и Слово Божье». Как можно приводить молитвы поэтов, если нет главного: определения по Далю, что такое «молитва» и если нет совершенной молитвы «Отче наш» нашего Господа Иисуса Христа?! А фамилия-то стоит моя перед статьёй! И указана моя принадлежность к творческому Союзу: член Союза журналистов России?

Почему такое случилось? Или «зачем»?

Зачем господин Донбай С. Л. (он сказал на суде, что это он, как Главный редактор «улучшал» мои стихи и произведения, он менял названия! Чтобы читателям журнала «было интересней») из года в год изменяет мои публикации, мои названия, убирает моё, вставляет своё, никак об этом меня не предупреждая? Это он исправил моё на такое: «Поэт говорит устами Бога». Я такого НЕ ПИСАЛА! Потому что я знаю. Физику. Бог – Свет. А скорость света равна 300 000 километров в секунду! Поговорите, господин Донбай, устами Бога! Это элементарная безграмотность, хуже даже, чем «сумма света» на обложке

журнала «Огни Кузбасса». Всё это Главный редактор делал, не испрашивая моего согласия на его бездарные и безграмотные правки! В одном из исков я ходатайствовала, чтобы суд запросил у ответчика Донбая документ об образовании. Суд в этом отказал, а мне очень хотелось знать: какое же «великое» образование позволяет главному редактору так бездумно и безграмотно менять слова нас, живых поэтов и писателей? Не даёт мне Право быть самой собой, а не Донбаем?

И зачем столько лет господин Главный редактор Донбай С. Л., член Союза писателей России в журнале «Огни Кузбасса» (который из регионального кузбасского превращён с 2006 года в Общероссийский журнал) порочит меня Кузбасскую писательницу и поэтессу, унижает моё женское и писательское достоинство? Помещает рядом со стихами поэтессы из Орла Корневой В. мои «щи», когда у неё-то 2-е страницы стихов и в названии «Испить воды, как Богу поклониться...», а у меня полстраницы «щей»? В Орле — поэтессы, в Кузбассе — кухарки? Щи? — зачем?

В марте во Всемирный День поэзии я была в Доме правительства города Москвы, поскольку стала Финалистом Национальной литературной премии «Поэт года»-2018, получила мой Диплом и книгу «200 поэтов» с 10-ю моими стихотворениями. И я многое поняла.

Господин Донбай С. Л. — член Приёмной комиссии в Москве (в Общероссийскую общественную организацию «Союз писателей России» (ООО «СПР»). Именно он представляет Кемеровских писателей, когда их принимает Москва после Общего собрания Кемеровского областного Отделения ООО «СПР». Как он писателя представит, так его и примут.

Я вступаю в ООО «СПР» в Кемеровское отделение с 1996 года. Поэт Матвеев В. Ф. дал мне Рекомендацию в Союз в июне 1996 года, там сказано, что я «вполне достойна», но уже 2019 год, этот поэт давно умер, а я всё ещё не в Союзе? Поэт признал меня поэтессой, а вот на студии «Притомье», которой тогда руководил С. Л. Донбай, разбирали мои 3-и сборника стихов и вынесли вердикт, что я пишу «Муляж духовной пищи». Была эта статья в газете «Кузнецкий край», на которую я подала в суд за оскорбление. Да, «Муляж — слепок, лишённый содержания (пустышка)» было признано судом — оскорблением для творческой личности. Газета привлекла к суду автора статьи писательницу Лавряшину Ю. А., дело закончилось вроде бы миром: появилась в этой же газете статья филолога В. А. Фетисовой «Как слово наше отзовется». Но... Но в Москве г-н Донбай долгое время утверждал, что я подавала в суд на Союз писателей — Святая Святых?! Нет, не на Союз писателей, а на кузбасскую газету.

Ещё в 2015 году этот господин заявил «Я вас никогда не приму в Союз писателей России», а в декабре 2018 года сказал «Вам нечего делать в Союзе

писателей». Почему? Ведь я автор 13 книг и 200 публикаций в разных источниках (в том числе в Беларуси, США и Германии). У меня и переводы стихотворений Гёте и Шиллера с немецкого опубликованы. Кто этим может похвалиться?

А ведь именно Донбай С. Л. представлял меня Москве. Как? Как недостойную быть в Союзе? Посмотрите мои (?) публикации в «Огнях Кузбасса»! Да это же — графоманка и кухарка, полная бездарность. Навырывала молитвочек поэтов? — Ума много не надо?

А кто знает, что это НЕ МОИ публикации, что это всё ТАК сделал именно Главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Донбай С. Л.? НИКТО ЭТОГО НЕ ЗНАЛ! До сих пор! Теперь знайте, уважаемые поэты, писатели, литераторы России. Что есть и ЛИТЕРАТУРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО.

...Если я «великий», то... то, кого хочу, того пушу в «СПР», как хочу, так и представлю там в Москве, как хочу, так и обрежу, искажу, извращу Ваше творчество. Я Член! Приёмной комиссии в Москве! Я Член Высшего Творческого Совета в Москве! Я Главный редактор Российского журнала «Огни Кузбасса». Кузбасса там нет?! Есть те, кого я пустил в поэты и писатели???

Тем более, если Творчество связано с деньгами. Мошенничество от слова «мошна» — мешок, кошелек? У нас в Кузбассе, ещё в 1997 году «плохой» губернатор Аман Тулеев помогал всемерно творческим людям: сделал им 36 губернаторских «стипендий» (тогда было столько поэтов — Членов «СПР») по 3000 рублей ежемесячно, сейчас это по 5000 рублей, а это 60000 рублей в год (только Членам, хорошо?). А ещё — бесплатное зубопротезирование, ещё бесплатные путёвки в санаторий «Борисовский», и материальная помощь неплохая и книги бесплатные по 10-13 в год (за 20 лет более 200 книг для Членов — за счёт Администрации?) Но, простые Члены об этом просто не знают, они радуются ежемесячным 5000 рублей и боятся их потерять?

А вот списки-то на все эти блага подаются за подписью Председателя КОО ООО «СПР» и Члена приёмной Комиссии в Москве (Бурмистрова Б. В. и Донбая С. Л.), всё-таки Члены Высшего Творческого Совета в Москве! Правда, кого вписывают в эти списки мне узнать не довелось. И книги КОМУ издавали? Можно проверить?!

Что я смогла? Смогла заявить, что Я ТАК НЕ ПИСАЛА, что МОЕГО СОГЛАСИЯ на эти жульничества со статьями, стихами и публикациями я не давала! Меня о том Главный редактор журнала «Огни Кузбасса» не спрашивал. Соглашений с моей подписью НЕТ!

Жаль, что о ст. 1266 ГК РФ я узнала поздно, как узнала, так подала в суд. Но суд... Он сейчас основывается на принципах доказательности и состязательности, а не законности... Суд решил, что Главный редактор Донбай не унизил своими действиями мою честь и достоинство... И Донбай уже получил

из моей пенсии 10000 рублей якобы за свои судебные издержки. И ещё готов получить? (спасибо Гавриловой—Ильдимировой Т. Н.!)

Моё же «Право на неприкосновенность произведения...» попирается много лет. Меня г-н Донбай представляет Кузбассу и России ненадлежащим образом. Посмотрите качество моих (?) публикаций в «Огнях Кузбасса». Кроме того, он лжесвидетельствует на суде, говорит, что я просила у него Рекомендацию в «СПР». НЕТ, НЕ ПРОСИЛА! У меня есть рекомендации: поэтов, членов «СПР»: Матвеева В. Ф., Ширяева В. М., Фроловой И. А., Литвака Ю. И., Тереховой Л. В.

Ещё в декабре 2015 года Общее собрание КОО ООО «СПР» приняло меня в члены «СПР» вместе с поэтами Филиппенко Д. и Тотышем Ю. (наши фамилии — в одном Протоколе). Общее собрание приняло, а господин Донбай С. Л. НЕ ПРИНЯЛ?! Это же один из фактов литературного мошенничества?!

Удивляет очень-очень то, что руководители ООО «СПР» в Москве верят этому господину и не желают побеседовать со мной. Я написала 7 писем, просила о личной встрече, когда была в Москве. Но... Получила 2 ответа из Москвы, что «Приёмная комиссия отказала в приёме в «СПР» литератору из Кемерово Кудрявцевой-Кузнецовой Н. Я.» Да, мои дела связаны больше с бывшим Председателем ООО «СПР» Ганичевым В. Н. (земля ему пухом!). И суд Центрального района города Кемерово по делу № 2-3489/2018 один из этих отказов уже отменил, потому что «признал незаконным». Принимает в Союз Общее собрание, Приёмная комиссия в Москве устанавливает Квалификационный уровень писателя.

Более 22 лет господин из города Кемерово — Главный редактор журнала «Огни Кузбасса» занимается обманом и СЛОВОМ и делом, вводит в заблуждение творческий народ, и кто же он после этого, как не «враль, вун, лгун, огудал, надуватель»? — как это сказано у Владимира Даля?

И что же мне делать? Как мне восстановить моё честное имя? Как отстоять «Право на неприкосновенность произведения...» (ст. 1266 ГК РФ). Тем более, что в п. 1 ст. 1267 ГК РФ сказано, что это Право действует бессрочно (даже после смерти автора!). Что же мне идти до Европейского суда? Да, я человек грамотный, смогу.

Но неужели никто не может (не хочет!) остановить беззаконников и мошенников в литературной среде? Я уверена, что в таком положении в РОССИИ я НЕ ОДНА! А Правлению «СПР» в Кемерово и Правлению ООО «СПР» в Москве не надо ли провести «ревизию» таких «великих», которые затоптали на Духовном поле Провинции других, настоящих писателей?

У нас в Кузбассе литературный клуб «Слово», которому уже 10 лет, 4 раза провёл ежегодную Творческую встречу «Поэзия Кузбасса. Живые голоса» и

увидел Кузбасских Поэтов — это Людмила Иванова (Каменный Ключ), она была Финалистом Национальной литературной премии «Поэт года» - 2013; Константин Лапицкий (Кемерово), автор нескольких книг; Лидия Музыка (Мариинск), автор многих книг, руководитель литературного клуба «Мариинск литературный». Жаль, что при жизни ни Кузбасс, ни Россия не узнали имён и поэзии других настоящих поэтов, уже ушедших в Мир иной, это: Татьяна Попова, Галина Медина, Николай Уланов... Этот список намного больше! Этих фамилий нет ни в «Огнях Кузбасса», ни в Союзе писателей России. Почему? Работники от культуры сидят у входа в «СПР», в редакции «Огней Кузбасса» и... И не пускают! Достойных не пускают, только «удобных»? Пока Добрые люди молчат, обман и мошенничество в литературе продолжают и процветают?

А я? Я — из Кузбасса, которому скоро исполняется 300 лет. Я уже — Финалист Национальной литературной премии «Поэт года»-2018. И в книге «200 поэтов, М: РСП, 2019» опубликовано 10 моих стихотворений. Россия меня узнала и даже мировое литературное сообщество (в Москве на вручении Премии были поэты из Израиля, Беларуси, Украины и других стран). И не пора ли в родном Кузбассе мне торжественно вручить Членский билет Кемеровского регионального Отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» с 2-мя датами: Датой выписки билета в Москве и датой Приёма меня Общим собранием КОО ООО «СПР» от 18 декабря 2015 года? (как это делается при защите кандидатских и докторских диссертаций в России). Это вполне разумно.

Интересно, что на встрече в марте 2019 года в областной научной библиотеке им В. Д. Фёдорова из уст Председателя ООО «СПР» Иванова Н. Ф. прозвучало ... «в Союз писателей через суд не принимают». Так почему же доводите до суда, уважаемые Господа? Зачем потакаете литературному мошенничеству в Провинции? Обман, который длится более 20 лет, почему не обнаружен?

Почему после событий 1996-1997 годов, после суда с газетой Кузнецкий край и писательницей, членом Союза писателей России Лавряшиной Ю. А., которая своё частное мнение приравнила к мнению Союза писателей России, появляется продолжение? В 2015 году я получила от Правления Союза писателей Кузбасса (КОО ООО «СПР») на руки отзыв писателя, члена Союза писателей России Мурзина Д. В. на книгу литератора Кудрявцевой-Кузнецовой Н. Я. «Пою Отечество моё...» в названии «Чего Ваня не выучил, того Иван не выучит»? В этом отзыве всё та же оценка творчества Кудрявцевой с оценкой «Муляж...», да ещё и обращение к «авторитетам»: «как верно сказала о её творчестве писательница Лавряшина...»

Помилуйте, господа писатели! «Что написано пером, того не вырубить топором» – не знаете эту поговорку? И не знаете слов из Великой книги Библии: «В начале было слово... И слово было Бог»? Писатель словом творит Мир! Что творите Вы? Я поняла теперь писателя Эдуарда Ханка, что же это такое «творческие войны», это борьба Света с Тьмою. Это борьба с хорошими, светлыми писателями и поэтами. В моём случае это ещё и использование чиновниками от литературы своего служебного и общественного положения (названные мною господа Бурмистров, Донбай и Мурзин) работали в ГУК КО «Доме литераторов Кузбасса» и сегодня работают в ГАУК КО «Кузбасский центр искусств». Работают! И имеют бесплатные компьютеры, телефоны, командировочные в Москву и другие города, в том числе и в Крым...

А в суд на ООО «СПР» я подала спустя 20 лет после того, как Ваши Члены «СПР» много раз оболгали меня и моё творчество, унизили моё женское и писательское достоинство обманом и литературным мошенничеством! И если Ваши уши, Господа, не захотели услышать «гласа вопиющего в пустыне», то... имеем то, что имеем. Что же мне, простите, морды лица бить этим «великим»? Думаете мне приятно слышать от моих внуков: «Бабушка Надя, а ты знаешь, что про тебя пишут в Интернете Писатели?». Открывают мне Яндекс, показывают статью писательницы, Члена Союза писателей России Ильдимировой Т.Н. (в миру – Гавриловой): «В Союз писателей – через суд?». А там... Там вся Россия уже меня топчет, эту «сутяжницу», «графоманку», которую «пора в психушку»...

Грамотная писательница? Выступает на суде адвокатом у нарушителей законов (1266, 1267 ГК РФ и других), которые попрали честь и достоинство Женщины. Грамотный юрист должен бы знать законы, а он (вернее, она) выставляет моё фото со всеми медалями (и Орденом Почёта Кузбасса). И берёт мои стихотворения из «Стихи.ру» без моего письменного согласия? А как же закон о персональных данных? И ещё заявляет на суде: «Мы её не хотим... Мы никогда не примем её в Союз писателей России». Борьба почти как с чернокожими в Америке в своё время! «СПР» – Общероссийская общественная организация, и я принята Общим собранием Кемеровского областного Отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» 18 декабря 2015 года большинством голосов вместе с поэтами (повторюсь) Филиппенко Д. и Тотышем Ю. Что же у нас и дискриминация по половому признаку? Господа, побойтесь Бога! Да, у меня осталась только эта единственная возможность: взывать к Богу, Великому и Всемогушему.

По поводу правды хочу сказать: у каждого своя правда. Госпожа Ильди-

мирова пишет Вам свою правду. А про Истину кто подумал? Если женщине дали столько медалей, так вопрос можно задать: работала!? Зачем хочет в Союз? Чтобы в каждом увидели частицу Бога. Мы все Божьи дети?! Чтобы обмана и мошенничества не было в литературной среде. Чтобы литераторы бережно относились к себе подобным, чтобы народное творчество сберегалось. А моя поэзия – это моя. И если у меня «Лотос расцвёл в пруду...», то представьте данную мне силу – в пруду, где нет ничего живого, расцветает лотос – цветок жизни! Это, дорогие мои «медитативная» лирика. Кто знаком с такой?

«Нас много, поэтов, – хороших и разных», и не надо всех причислять под один гребень. У кого-то – образы, у кого-то метафоры, а у кого-то – Простота... А кто сказал: «На Вершине поэзии нет образов»? Все мы имеем Право на неприкосновенность произведения и защиту его от искажений. Имеем Право даже на Ошибку! Потому что это ошибка – Автора. А Великими могут быть даже ошибки!

18 декабря 2025 года уже исполнилось 10 лет, как автор статьи была принята Общим собранием КОО ООО «СПР» в члены Союза писателей России (в городе Кемерово, в библиотеке им. В.Д. Федорова). В одном Протоколе обозначены 3 фамилии: Тотыш Ю.С., Филиппенко Д.А., Кудрявцева-Кузнецова Н.Я., протокол подписан самим Бурмистровым Борисом Васильевичем.

Вот на пороге уже 2026 год! К большому сожалению, НЕТ того Ансамбля песни и пляски имени Александрова (и доктор Лиза с ними погибла!).

Литературному клубу «Слово» уже идёт 20-ый год. И ООО «Союз писателей России» уже оплатил Кудрявцевой-Кузнецовой Н.Я. 7000 руб. – за незаконное решение по делу номер 2-3489/2018 (её полное Приёмное дело КОО ООО «СПР» в Москву не отправлял, об этом на суде сказал Д.В. Мурзин!).

А клуб «Слово» провёл уже 13-ю Творческую встречу «Поэзия Кузбасса. Живые голоса». И у Кудрявцевой-Кузнецовой Н.Я. вышла в Москве её 17-я книга «Любовь моя Земная...» в книжной серии «И всё о любви», в которой будет 100 книг.

Писатель и издатель Глеб Стафеев уже представил в ИТАГ ТАСС в Москве серию книг о любви, в которую вошли книги известных поэтов: Александра Шаганова «Весенние сады», Ильи Резника «Моя молитва о тебе» и ... Надежды Кудрявцевой-Кузнецовой...

Позлесе же Кузбасса, Кудрявцевой-Кузнецовой Н.Я. членский билет ООО «СПР» так и не дали. Посути, «воз и ныне там»!

Надежда Кудрявцева-Кузнецова,
руководитель Литературного клуба
«Слово»,
член Союза журналистов России,
член Российского союза писателей,
лауреат премии Кузбасса (2013 г.),
кандидат технических наук (1993 г.),
ветеран труда (2008 г.),
награждена Орденом Почёта
Кузбасса (2016 г.).
г. Кемерово

Анатолий ГУЛЯЕВ

В предыдущих двух номерах «Устьятской россыпи», в двух своих публицистических статьях «Разделяй и властвуй!» и «Не было ни гроша и вдруг алтын!» я вёл разговор о делах моей кемеровской коллеги Надежды Яковлевны Кудрявцевой-Кузнецовой.

И вот, недавно, получил от неё солидное очередное послание копии всей её многолетней переписки с различными физическими и юридическими лицами по поводу её «приёма и не приёма» в члены Союза писателей России в 2015 году.

«Приёма и не приёма» потому, что её действительно принимали в члены Союза писателей России в 2015 году, но выдать удостоверение члена Союза писателей России «позабыли»!

Надежда Яковлевна – человек с характером и ждать «милостей от природы» не умеет, добивается всего своим трудом: по образованию она не просто инженер – окончила Томский политехнический институт, но ещё и учёный – кандидат технических наук.

В своё время являлась одним из руководителей аспирантуры и докторантуры Кемеровского государственного университета, работала в системе подготовки руководящих кадров в Кемеровской области, за что имеет благодарности от Правительства РФ; работала в администрации Кемеровской области. Да и литератор – прозаик и публицист – она не новичок, и поэт она хороший, о чём говорит подборка её стихов «Собираю, как манну небесную»:

*На небе – звёзды,
Люди – на земле.
Мы для того,
Чтобы светить во мгле!*
15.04.2007 г.

*Поэты – почти как «маги»:
и не терял, а ищи.
Страсти кипят на бумаге,
В кастрюле – кипят щи.
На кухне – мешаю ложкой,
Пером – запишу в тетрадь.
Вот бы понять немножко:
где мне тебя искать?*
06.10.1995 г.

Слава БОГУ

*Ничего, кроме прожитых лет,
Я на этой Земле не скопила,
В закромах моих тления нет –
В этом, знаю я, главная сила.*

*Ворам годы мои не украсть,
И не съесть их прожорливой моли.
Надо мною Всевышнего власть,
Лёгко путь мой в подлунной юдоли.*

*Надо мною всегда Его Сень,
Я мудрей становлюсь понемногу,
И за каждый мой прожитый день
Говорю я опять: «Слава Богу!»*

Надежда Яковлевна Кудрявцева-Кузнецова живёт в городе Кемерово, член Союза журналистов России с 1996 года. Много лет подряд является руководителем Кемеровского городского литературного клуба «СЛОВО». Она автор 16 личных сборников стихов и прозы, среди которых: «Жизнь вторая», «Прикосновение», «Осенняя песня», «Эхо любви земной», «Память сердца», «Пою Отечество моё» и другие. Публиковала свои стихи в 15 коллективных авторских сборниках РСП. Она лауреат премии Кузбасса, награждена орденом Почёта Кузбасса.

В 2015 году была рекомендована и принята в СПР на общем собрании членов Кемеровского городского отделения СПР и на его правлении. Но удостоверение «Члена Союза писателей России» до сих пор ей не выдали. И в какие только государственные и общественные инстанции ни отправляла по этому поводу она свои письма и запросы с жалобами, Надежда Яковлевна даже судилась с правлением (и решение суда было в её пользу) и никакого толку, всё остаётся на своих местах: удостоверения как не выдали, так и не выдают!

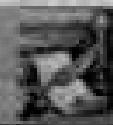
Из Москвы, из правления СПР, сообщают, что никаких документов из Кемеровского областного правления СПР на выдачу удостоверения члена СПР Н.Я. Кудрявцевой-Кузнецовой ни поступало. При этом сообщают же, что в приказном порядке сделать это своим кемеровским коллегам они не могут приказать! Общественная организация!

Из министерства культуры Кемеровской области (есть и такая организация) сообщают: госструктура не имеет права вмешиваться в деятельность общественной организации.

Оттого и остаётся нерешённым по сути дела, можно сказать, пустяшный вопрос, не стоящий и скорлупы выеденного яйца! Пустяшный потому, что он ничего не стоит: никаких привилегий обладатель членского билета «Члена Союза писателей России» ни от кого не получает!

Да и «счастливчики» – обладатели удостоверения «Члена Союза писателей России» особо ничем себя не проявляют, тем более в нашей Кемеровской областной писательской организации, поскольку их нигде не видно и не слышно! О чём они говорят и сами.

К примеру, в не так уж и далёкие времена (18.04.2018 года) была опубликована в газете «МК в Кузбассе» публицистическая статья «В чём сила, брат?», автором которой является тогдашний главный кузбасский литератор Бурмистров Б.В. (председатель правления Союза писателей Кузбасса, секретарь правления Союза писателей России, директор Дома литераторов Кузбасса, заслуженный работник культуры РФ, член общественной палаты Кемеровской области, автор 12 поэтических

Размышления редактора о большом и мелком!

сборников (книг) и так далее, как сообщала о нём интернетовская справка).

Так вот, уважаемый наш главный областной писатель поведал тогда в своей статье читателям о плачевном состоянии в писательской организации Кемеровской области. «В чём сила, брат?!», — спрашивает автор в самом начале своей статьи, повторяя знаменитую фразу из кинофильма о беспредельщиках-уголовниках «Брат», и тут же отвечает словами из этого же фильма: «Не в деньгах, брат, а в правде, у кого больше правды, тот и сильнее».

Печалась о том, что из писательской организации «чиновники от культуры» делают «писательскую шарашку», в которой не кормят, но требуют зарабатывать деньги, Бурмистров Б.В. взмолился: «Господи! Прости мя грешного. Прости, что не хватило сил отстоять Дом литераторов, наш духовный храм от разрушения, от торгашей. Не хватило сил показать всей общественности пагубность той системы, которую внедряют чиновники от Культуры в нашу реальную жизнь».

И что же внедряют чиновники от культуры в реальную жизнь Бурмистрова Б.В., что же явилось поводом для обращения к БОГУ нашего главного и уважаемого писателя области?

Оказывается, «с приходом в департамент культуры Кемеровской области нового руководства начались унижительные, необоснованные обвинения в адрес писательского сообщества области. Наиболее явно это выразилось на 2-м съезде литераторов Кузбасса, где руководство департамента облило всю нашу деятельность чёрной краской, даже серого цвета не нашлось».

Ознакомившись с этой публикацией в «МК в Кузбассе» и как бы полемизируя с Бурмистровым Б.В., с его позициями, я написал объёмную статью «Если гора не идёт к Магомету» (открытое письмо к культурному сообществу Кузбасса), которое опубликовал в очередном номере ЛХГА «Усятская россыпь», увидевшем свет в апреле 2019 года.

В этой статье (открытом письме) я изложил своё видение вопросов, о которых ведёт речь Бурмистров Б.В.

И вот, ведя разговор о возмутительном скотско-чванском отношении членов правления областной писательской организации СПР по отношению к Н.Я. Кудрявцевой-Кузнецовой, уважаемому, достойному и заслуженному человеку нашей области, мне вновь захотелось поговорить теперь уже на эту тему. Но, как бы и опираясь на вышеназванную свою статью.

Так вот, несмотря на все вышеназванные регалии Бурмистрова Б.В., как

говорит он сам в оценках деятельности областной писательской организации руководством области: всё плохо (всё в чёрном цвете) за всю историю областной писательской организации.

И уж тем более — более чем за 20-летнее правление областной писательской организацией Бурмистровым Б.В. областная писательская организация не вырастила ни одного писателя (поэта или прозаика), которого знала бы вся наша страна: ни одного! (не беру во внимание Александра Волошина). Напрашивается вопрос: почему?

По моему мнению, руководители областной писательской организации относились ко всем, скажем так, «стоящим ниже их литераторам», так же, как они отнеслись и относятся к Н.Я. Кудрявцевой-Кузнецовой.

При этом сами ничего не значат и не значили в Российской литературе, как говорит об этом руководство области!

Если перевести это на спортивный язык, то можно сказать так: ведущий наш спортсмен — прыгун в высоту, перепрыгивает через планку метр с хвостиком и не более того, сколько его ни тренируй. А нужно, чтобы он перепрыгивал через планку на высоте два метра и более! Но наш не в состоянии взять такую высоту, при этом никому другому попробовать сделать это он не позволяет!

Оттого и топчется и топталась наша областная писательская организация несколько десятилетий подряд на одном и том же месте.

При этом же её руководители важно раздували щёки и время от времени получали почётные звания, титулы и награды. Важно цепляли их себе на грудь!

Кроме того, хочется сказать мне ещё, что, на мой взгляд, отрицательным в деятельности нашей областной писательской организации являлось и то, что в большинстве своём она состояла из поэтов «средней руки». Которые, за очень редким исключением, переходили в литературном творчестве далее небольших произведений любовной лирики к женщине, мужчине, Родине, природе и тому подобное. Оттого всегда как бы и говорили об одном и том же. Что никем и нигде высоко не оценивается.

На сложные поэтические произведения — поэмы, романы, никто не решался, амбициозных планов ни перед собой, ни перед писательской организацией никто не ставил.

Их же словами о них можно сказать так: «Мелкота, мелкота, мелкота. Нет больших тем и нет больших книг! Интонация слов их не та! Куча «мусора», а не родник! Оттого мысль кричит, говоря, белый лист был испорчен тут зря! И

бездарненькие мальчишки, в коротеньких штанишках, оставят МИРУ пальчики, в своих никчёмных книжках».

Как-то на одной из литературных встреч, на которой довелось присутствовать и мне, Сергей Донбай сообщил, что когда-то, на каком-то литературном форуме в Москве руководитель тогдашнего СПР В.Н. Ганичев сказал: «Спасибо поэтам за то, что после распуска Союза писателей СССР и РСФСР российские поэты спасли русскую литературу от полного её самоуничтожения».

С чем нельзя не согласиться, поскольку в начале 1990 годов, когда советские писательские организации закрыли, а российские писательские организации получили статус общественных, не государственных организаций, большинство известных российских писателей совсем недавно находившихся на положении чуть ли не госслужащих, в один миг стали безработными. Оттого и российская литература начала «тонуть».

Писатели, оказавшись безработными, перестали получать от государства зарплату и прекратили работу. Которая, к тому же, скоро оказалась и никому не нужной. В это время шустрые поэты «средней руки» заполнили своим творчеством все образовавшиеся литературные ниши и пустоты.

И вот, какое-то время спустя, непопулярный в народе и невостребованный поэтический литературный материал поэтов «средней руки» начал тормозить дальнейшее развитие русской литературы. Наглядный пример — безрезультатная деятельность наших кузбасских поэтов-литераторов.

Справедливости ради, я, как редактор литературного печатного издания с многолетним стажем, не могу согласиться с Надеждой Яковлевной Кудрявцевой-Кузнецовой с предъявляемой ею претензией к редакции журнала «Огни Кузбасса» — в отсутствии обязательности публикаций литературных произведений кузбасских авторов, в том числе и из её литературного клуба «Слово», отсутствии какой-то определённой последовательности публикации в «Огнях» публикуемых ими материалов (по ФЗ о СМИ редакция любого издания не обязана публиковать все поступающие материалы).

Что, в свою очередь, опровергается ответными письмами руководителей министерства культуры и национальной политики Кузбасса (01-10/06-1951 от 07.06.2025) с указанием конкретных дат и номеров (шесть, за шесть лет) журналов «Огни Кузбасса» с публикациями её личных материалов.

Хочется сказать руководителям областного министерства культуры: про-

делывая огромную работу по отпискам на все поступающие к вам письма (в данном случае, в переписке с Н.Я. Кудрявцевой-Кузнецовой) вы не понимаете главного, которое заключается не в том, что областной литературно-художественный журнал «Огни Кузбасса» должен публиковать произведения всех кузбасских авторов, а в том, что с каждой публикацией журнал должен поднимать планку качества публикуемых произведений кузбасских авторов, соответственно, поднимать планку качества и весомости самой кузбасской литературы.

По моему мнению, для литератора (поэта или прозаика) публикация двух-трёх журнальных страничек в год ничего этому литератору не даёт, как ничего не стоит и литератор (поэт или прозаик), пишущий за год литературный материал объёмом в две-три журнальных странички.

К примеру: я пишу каждый день до десятка страниц (11-го формата, старого советского ГОСТа); соответственно, за год «настукиваю» под две тысячи страниц!

И что стоит для меня публикация в «Огнях» двух журнальных страничек в год?!

Ровным счётом — ничего! Как и для любого другого, постоянно пишущего литератора (особенно прозаика).

Один раз в год я в состоянии заполнить полностью своими наработанными материалами весь объём своего 60-полосного Альманаха «Усятская россыпь».

Хотя и так в каждом номере «Усятской россыпи» разработанных мной материалов публикуется если не третья часть всего объёма Альманаха, то — четвёртая, это точно.

За что, бывало, звучала в наш адрес и «критика» понимающих людей.

Критику мы понимаем и принимаем. Тем не менее, ЛХГА «Усятская россыпь» — частное печатное издание, существующее (на все 100 процентов) на мои личные финансовые сбережения.

Поэтому, с моральной и нравственной точек зрения, я не вижу ничего аморального в своих объёмных публикациях в своём Альманахе.

Тем не менее, при формировании каждого очередного номера «Усятской россыпи» мы стараемся разместить представленные материалы в редакцию Альманаха наших постоянных авторов и, по возможности, размещаем материалы новых авторов.

Таким образом, за всё время существования ЛХГА «Усятская россыпь» (которой, формально, в 2026 году исполняется 20 лет), параллельно с ростом качества литературных произве-

дений создателей и издателей Альманаха заметно растёт качество литературного творчества и наших постоянных авторов, имена которых я называю с нескрываемой гордостью:

— **Новокузнецк** — прозаики Владимир Неунывахин, Аделя Мачкова, Александр Макаревич, Александр Калтаков; фантасты — Дмитрий Семёнов, Сергей Загнухин;

поэты — Людмила Лукьянцева, Елена Острых, Юрий Гамов, Григорий Афанасьев, Владимир Черноусов, Нина Струц, Людмила Иванова-Выгловская, Дамир Ибрагимов;

— **Прокопьевск** — прозаики Виктор Иванович Давыдов, Вячеслав Иванович Елатов, Людмила Владимировна Любоненкова;

поэты — Виктор Иванович Савинков, Иван Иванович Горбаченко, Пётр Сергеевич Синицын, Сергей Гнездилов, Николай Клочков, Александр Тулупцев, Лилия Григорьевна Клапатун, Николай Васильевич Янкин, Александр Петрович Валиков;

— **Киселёвск** — поэт Николай Борисович Подсевалов;

— **Белово** — прозаик Зоя Николаевна Гулишевская;

— **Междуреченск/Калтан/Осинники** — прозаики Юрий Проскоков, Сергей Вдовин, Николай Миронов;

поэты — Александр Кремнёв, Евгения Шкаева;

— **Таштагол** — прозаик Александр Васюнов;

поэты — Ольга Беккулиева, Ольга Ромашка, Владимир Дегтярёв.

Публиковались в ЛХГА «Усятская россыпь» и ведущие поэты нашей области: Л.А. Никонова, Б.В. Бурмистров, С.Л. Донбай, Д.В. Мурзин, Александр Катков, Анатолий Иленко, Наталья Мурзина и некоторые другие. Можно было бы и ещё продолжать список наших литераторов, выросших (скажу так) в «Усятской россыпи».

Наши авторы правильно понимают всё то, о чём я говорю. К примеру, вот что отвечали мне они под занавес 2025 года:

«Мы уверены, умный читатель разглядит сквозь мелькание лиц, как Прокопьевск, а раньше — Усыты, смотрит с ваших газетных страниц. Не имел бы такого размаха и не жил столько лет, точно знаем! Если б не был отцом Альманаха и главой Анатолий Гуляев. Пусть останутся в новой истории и раздвинут границы незнания Ваших россыпей лучшие стороны. И идёт за изданием издание!».

Любовь Хабарова,
г. Прокопьевск, декабрь 2025 г.

«Пока не убрали Ватсап, хочу поздравить нашего дорогого шефа: в год смородины и крыжовника все мы дружно поздравим полковника! Собирает, как малые просфоры, он кузбас-

ских талантов россыпи. В Альманахе — стихи и проза, юмор, много статей серьёзных. Словом, жизнь во всех проявлениях — в долгих днях и кратких мгновениях. Он на поприще литературы служит Родине и Культуре. Долгих лет, здоровья желаем, так держать, полковник Гуляев!».

Евгения Шкаева,
г. Калтан, декабрь 2025 г.

«Ну вот и полковнику Гуляеву досталось от Савинковского отделения прокопьевских рифмачей: «Значит не зря, не смыкая очей, «Россыпи» под гранки собирал, перечитывал их и перебирал, словно горсти яшмы и янтаря. Отбирал, нанизывал не зря. Ограня и шлифуя до красы: от Абушки до Кинзаса и Усы, Кондомы, не ближней Сарбалы, Таштагола — и про «дальние углы». Разбирая гранки — «мастерство огранки!»

Пётр Синицын,
г. Прокопьевск, декабрь 2025 г.

«Хотелось бы людям
жить мирно, спокойно!
Но мир сотрясают
гражданские войны.

И есть в том причины,
основа и повод,
разлад, антипатии,
жадность и голод.

Об этой войне все почти
уж забыли!
Хоть книги писали
и оды слагали.

Ан нет, не забыли!
Коль кров разорён,
скотины лишлись,
нет прежних имён!

Да уж, воевали!
Хотелось скорей
Россию прославить
и сделать своей:

Тут красный, тут белый.
За кем постоять?
Сибирским мужчинам
пришлось выбирать!..

А что выбирать,
если двор опустел
и нету заботы
среди праведных дел?

То белые мчатся,
то красные жмут!
И мобилизация
строит редут.

Гуляев неспешно
перо отточил
и справедливость
искать порешил.

Что выйдет из тома —
не станем гадать!
А вдумчиво будем
степенно читать.

Доверимся автору —
полковник, а значит:
он верит в победу
И верит в удачу!

Гражданской войною
он нас проведёт
и личной истории
след вдруг найдёт!

Там корни и наши
найдутся, порой,
и прадед окажется,
вправду — герой!..

Том первый, а выйдет,
затем, и второй —
о русской судьбе,
заповедной, родной.

Поверим на слово,
ведь вы — журналист!
Истории новой
откроете лист.

Наверное, важно —
держать и искать
и честное слово
в науке сказать!

И русские всполохи
грозной войны
сегодня припомним
с волнением мы».

Н.И., г. Новокузнецк.

...Так вот, продолжая мысль о поднятии планки качества литературы Кузбасса, расскажу и о своём личном литературно-творческом опыте: ЛХГА «Усятская россыпь» на моём счету второе печатное издание (газета), первым было — «Народовластие» начавшее свою деятельность в Прокопьевске в далёком теперь уже 1998 году. Которое по своему объёму не превышало десяти полос, которые я научился делать (как еженедельную городскую общественно-политическую газету), опираясь на опыт и помощь тогдашних своих учителей и помощников.

С уровнем того опыта пришёл я и в ЛХГА «Усятская россыпь».

Первые номера которой (в начале 2007 года) делались по образу и подобию «Народовластия». Когда объём ЛХГА «Усятская россыпь» начал перерастать за 20-полосный объём, то вначале в головах у нас весь газетный объём не укладывался. Но, как говорится, «тихой сапой» освоили мы и эти объёмы.

В дальнейшем некоторые номера Альманахов превышали и 60-полосный объём.

То же самое было у меня и с изданием своих книг: первая книга — «Прокопьевск... в летописях» получилась объёмом всего лишь в 102 страницы. Но и они путались в голове, когда я начал «складывать» вместе весь её материал. Были повторы в тексте, которые вычислялись методом многоцветной считки и сравнения между собой разных страниц общего текста.

Книга была выпущена в 2013 году.

Вторая книга «Как рождалась корабельная авиация России» получилась общим объёмом уже в 576 страниц.

И с этим текстовым объёмом не всё гладко получалось, вновь было много повторов в тексте, временной интервал внесения всего текста в книгу был около пяти лет.

Вновь повторы убирались тем же методом — многоцветными считками и сопоставлением друг с другом разных страниц, отпечатанных на принтере личного компьютера.

Книга была выпущена в 2018 году.

Третью книгу, «Из истории Сибири и Кузнецкого края», начал я делать изначально как бы с целью переиздания книги «Прокопьевск... в летописях», с некоторой переделкой и добавлением появившегося нового материала.

Добавлений получилось много, общий объём книжного текста вырос со 102-х страниц до 900 с лишним.

При этом формирование общего текста по частям сразу сделать я не догадался. Оттого после набора всего объёма книги я разделил его на две более-менее самостоятельные части (тома).

Третьим томом в эту книгу поставил часть моих рассказов, опубликованных ранее в «Усятской россыпи» и теперь собранных в общий сборник.

Эту книгу выпустил я в два срока в 2021 году. Фактически сделал её за три года, при этом выпустил ещё три номера ЛХГА «Усятская россыпь».

За четвёртую книгу — «Русские всполохи» я взялся сразу же после окончания работы с предыдущей книгой.

При этом тема её содержания — «Гражданская война» — была навеяна мне на товарищеской встрече с однокашниками по военному училищу в городе Барнауле.

Первоначально «Гражданской войной» я и хотел ограничить четвёртую свою книгу.

Но когда работал с текстом книги, началась СВО. Некоторое время спустя, после начала СВО, меня осенила мысль, что СВО — это продолжение гражданской войны на территории «самораспустившегося» СССР.

Первый том 4-й книги увидел свет под конец 2023 года, общий его объём получился 428 страниц.

К началу июня 2025 года, когда начались (вначале американско-российские, затем и российско-украинские) переговоры по заключению мира между воюющими сторонами, вышел я на финишную прямую по завершению 2-го тома 4-й книги «Русские всполохи», общий объём которой получился 656 страниц.

Оттого общий объём двух томов 4-й книги получается немногим более 1000 страниц. Большая книга, как называют такие издания.

По временному интервалу содержание её охватывает исторический промежуток более одного века: от начала 1-й мировой войны (от 1914 года) до СВО (2025–2026 гг.).

При этом своим содержанием книга охватывает не только российские исторические события, но и мировые (Германию, Италию, Японию; военные инциденты 1937-1938 годов на Хасане и Халхин-Голе; ядерную бомбардировку американцами Японии и Корейские войны, военные инциденты в странах соцлагеря в конце 1950-х — начале 1960 годов).

В общем, по своему литературному жанру, содержанию и охвату книга была «Русские всполохи» получилась литературной эпопеей.

Такого за всю историю существования кузбасской писательской организации (с 1962 года, как сообщает Евгений Буравлёв в своём стихотворном сборнике «Острова», выпущенном Кемеровским книжным издательством в 1967 году) никто из кузбасских литераторов (авторов, прозаиков и поэтов) ещё не делал.

Для чего всё это я рассказал вам, мой дорогой читатель?

Для того, чтобы на своём личном примере показать своим коллегам и руководству литературного объединения нашей области и руководству не только министерства культуры нашей области, но и общему руководству области, как видится мне выстраивание литературной работы в нашей области, чтобы она была результативной, как должна выстраиваться и к чему должны стремиться все её участники.

Поскольку задумка и осуществление такого большого литературного проекта — это не только мой личный (и моих помощников) литературный успех и победа, но и — успех и литературная победа управления культуры и литераторов всей области.

При этом понимаю, что организация своей личной литературной деятельности и жизни по моему примеру под силу не каждому по разным жизненным причинам и обстоятельствам.

Мне повезло, прежде всего, благодаря реальной помощи президента нашей страны Владимира Владимировича, поскольку благодаря достойной военной пенсии, которую выплачивает мне государство по его указанию, у меня и появилась возможность сделать реальными свои литературные проекты, свои литературные планы и задумки исключительно за счёт своих личных денежных сбережений (от своей пенсии и заработной платы, которую я получал в Новокузнецком аэропорту, где работал все эти годы авиационным техником).

В Кузбассе — я такой один, и это точно! В России — не знаю, может ещё кто-то есть?! А, может, и там нет!

В завершение этой мысли ещё раз хочется подчеркнуть, что проделал я (с 1998 года) всю названную работу, не имея в кармане удостоверения члена СПР, соответственно, и не являясь членом этой организации.

Поэтому и говорю, что удостоверение члена СПР — лично для меня не стоит и «скорлупы выеденного яйца».

Оттого считаю, что многолетняя «война» между правлением Кемеровской областной писательской организации «СПР» и Кудрявцевой-Кузнецовой Н.Я. — очень мелкое и постыдное дело!

«Бремя графоманов»

Под таким заголовком опубликована двухполосная статья в Литературной газете № 43 (7007) 29 октября — 4 ноября 2025 года, автором которой является Олег Нехаев (родившийся в 1955 году в городе Снежное Донецкой области, ныне проживающий в городе Кан в Красноярском крае), известный российский журналист, публицист и прозаик.

Статья объёмная, тем более, что продолжение её в таком же объёме опубликовано в последующих 44, 45 и 46 газетных номерах.

Начинается названная статья ветивато и не совсем понятно, подзаголовком «Судьба толстых журналов — отражение судьбы современной российской словесности» с освещения опять же «интересной» авторской мысли таким образом и как бы с выводом, что время «толстых журналов» завершается: «Средство это действительно очень эффективное. Простое и недорогое.

Лучшее из всего того, что можно применить для уничтожения отечественной литературы. Той самой, которую у нас привыкли называть главной составляющей российской культуры.

Просто-напросто нужно поспособствовать размножению графомании. А для этого требуется совсем немного. Всего-навсего нужно обесценить труд профессиональных писателей. И чем быстрее, тем лучше.

Хорошо бы ещё предать забвению и понимание того, что вначале всего было слово.

Но прежде немного истории: в доперестроечное время добротный советский литератор получал у нас за хорошую книгу вознаграждение, равное стоимости автомобиля, а то и двух.

Этого было достаточно для того, чтобы писательство, для тех кто им занимался, становилось основным занятием. Хватало им и на хлеб, и на масло.

А теперь другой показательный факт. Писателям за их произведения платят гроши, а то и совсем ничего не платят! — А.Г./.

Но, обратите внимание, количество российских литераторов в новом веке заметно увеличилось. И они уже теперь не только сами пишут книги, но и издаются за свой счёт.

Как говорится, было бы смешно, если бы не было так грустно.

Государство сегодня финансирует издание многих литературных журналов, выделяет деньги на оплату работы его сотрудников и при этом, как правило, не считает нужным вознаграждать главное, труд литераторов», — говорит автор, поскольку, надеюсь, он считает себя таковым.

При этом, без зазрения совести, всех тех, кто пишет бесплатно и издаёт свои труды за свои личные, называет графоманами а их литературные труды графоманией.

Не знаю, знает или нет «уважаемый» журналист и литератор Олег Нехаев, что графомания — это медицинский диагноз психически больных людей, непрерывно пишущих всякую, зачастую бессвязную, чушь?!

Если знает, тогда произносимое им утверждение, тем более в письменном виде, я, лично, считаю оскорблением, как для себя — постоянно пишущего бесплатно, во Славу своего Отечества, так и всех остальных многочисленных современных (самобытных) своих коллег-литераторов (прозаиков и поэтов), тех, кого платный (или прикормленный) писак называет графоманами и кого считает таковыми. Пусть даже качество письма, которых несколько и худшее, чем у него самого.

Кроме того, на мой взгляд, за более чем 30-летний срок, когда писательские Союзы были переведены (по статусу) из государственных в общественные организации, львиная доля нынешних российских литераторов, в частности, писателей (прозаиков и поэтов), так и начинала свою писательскую деятельность.

Тем более, всем известно, что чем больше писатель пишет, тем лучше становится его слог.

Независимо от того, оплачивает кто-то или нет его творчество.

Оттого можно сказать и то, что свободная и доступная практически всем желающим возможность создания и издания своих литературных произведений за «свой счёт» (как, впрочем, и в других искусствах) делает возможным и выбор лучшего из созданного ими. Ярким примером этому может служить и оговоренный выше опыт моего собственного маленького литературно-творческого и издательского коллектива, редакции ЛХГА «Усятская россыпь».

За что, как мне думается, когда-нибудь Отечество скажет спасибо нам и всем нынешним самобытным литераторам. Чего, как ни странно, видимо, не знает и не понимает журналист и литератор Нехаев.

При этом вызывает удивление и то, что опираясь на опыт советской литературы (говоря, что в советские времена государство оплачивало писателям за их книги по стоимости «одной, а то и двух — легковых автомобилей») он и охаивает её: «Литература при Советах могла изначально существовать только в рамках ущербного «пролетарского реализма», который через несколько лет был преобразован в ещё более крепостной «социалистический реализм».

Самые лучшие, идеальные образцы его произведений выглядят сегодня отражением чудовищной убогости в прямом и переносном смысле», — вот так, видимо, «сколько волка ни корми, он

всё равно в лес смотрит».

«Звериный инстинкт»

У меня дома, на даче, живут две большие собаки, два кобеля. В общем, неплохие «ребята» — задачу свою и обязанности выполняют хорошо: если кто-то повернёт в мой проулок, то лай они поднимают большой.

В свободное от своей работы время между собой они ладят, хвостами помахивают друг другу.

Но когда приходит к ним время приёма пищи, дружба между ними заканчивается — кидаются друг на друга как настоящие звери. И если бы не удерживающие их цепи, не позволяющие им вплотную приблизиться друг к другу, то в это время они способны порвать друг друга на клочья — злость и ненависть их друг к другу в эти моменты запредельная, звериная!

Так уж создала их природа, свой «хавчик» необходимо защищать и отгонять от него, всех!

Но то — у собак, у зверей!

Как ни странно, звериный инстинкт присущ и людям. Не всем, конечно, но многим! Особенно характерно это, вероятно, для творческих коллективов, постоянно испытывавших и испытывающих безденежье.

Тут уж, как говорится, дружбы не бывает, как у моих псов!

Оттого, вероятно, всегда так сложно было вступление в Союз писателей: как в прежние, так и в нынешние времена — если ожидается звон монет, то писательская солидарность заканчивается. Мы — скаковые лошади азарта.

На нас ещё немало ставят карт.

И, может быть,

Мы тяжко рухнем завтра.

Но это завтра.

А сейчас — азарт.

Андрей Дементьев,
2009 г.

В предыдущем номере Альманаха «Усятская россыпь» в рубрике «Литературная жизнь Кузбасса» я рассказал о том, что после многолетнего «сидения» в руководителях областной писательской организации СПР и редакции областного литературного журнала «Огни Кузбасса» «ушли» в желаемую многими «отставку» Бурмистров Б.В. и Донбай С.Л.

На смену которым пришли относительно молодые Дорофеев В.В. и Мурзин Д.В.

Но, почему-то, в скором времени в областном правлении СПР произошла «рокировка» — Дорофеева В.В. поменяли местами с Филиппенко Д.А.

Ну — поменяли, так поменяли! Лишь бы, как говорится, польза была общему делу! А польза, как бы и есть: Дмитрий Александрович, по всему видно, парень хваткий, не подняв до желанного и заявленного уровня Союз молодых литераторов Кузбасса, получил уже «кресло» и в Москве, а также в Союзе молодых литераторов, как говорят знающие люди.

Дмитрий Филиппенко

Родился 7 декабря 1983 года в городе Ленинске-Кузнецком. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет в городе Новокузнецке. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Юность», «Нева» и в других изданиях. Главный редактор альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля имени Алексея Бельмасова. Автор семи книг стихотворений. Лауреат региональных и российских премий. Секретарь правления Союза писателей России. Живёт в Ленинске-Кузнецком.

«Огни Кузбасса» № 3/2025,
май–июнь

Проводы

Почернела внезапно луна,
Ветер с крыши срывает антенну.
Провожает шахтёра жена
На войну. На войну — не на смену.
В сонной печке стрекочут дрова,
На столе пироги и окрошка.
Муж от пыли глаза отмывал.
Всё равно не отмыл он немножко.
Дочь рыдает и плачет сынок.
Лишь бы воздуха в лёгких хватило.
И жена собрала тормозок,
Горняка на войну отпустила.

В подкошном доме скрипит тишина
И больше никто не смеётся.
Живёт баба Нюра всё время одна,
Вон, воду несёт из колодца.
В снегу утонул невысокий забор,
Под тяжестью лет наклонился.
Уходят дрова, потерялся топор
И погреб давно провалился.
В мундире картошка, вкрутую яйцо.
Покушав, уснёт ближе к ночи.
Когда ляжет снег
и не скрипнет крыльцо,
Приснится любимый сыночек.

Убрал на фотографии морщины
Художник у немого старика.
Морщины, словно слёзы, у мужчины.
И в них хранится времени река.
Как будто деду не хватает вдоха,
И выдаёт густая седина.
Закончилась советская эпоха.
На чёрно-белом снимке тишина.
Но в мудром взгляде тает бесконечность,
И вспоминают дети об отце.
Переливается на фото вечность,
Как лёд, блестит на молодом лице.

Я так устал от темноты,
По свету белому скучаю.
И утро каждое встречаю
На чёрных струнах хрипоты.
И выпиваю горький чай —
Не помогает больше кофе.
Автобуса зелёный профиль
Разделит на душе печаль.
Держусь. Кремень всегда в строю.
Деньки сменяет календарик.
В груди моей горит фонарик
И освещает жизнь мою.

Бледные люди

Ходят по городу бледные люди.
С бледными судьбами, в бледных очках.

Бледно одетые в бледные худи.
В бледных ботиночках и башмачках.
Бледные улицы, бледные души
В бледных троллейбусах бледно везут.
Бледные Тани, Наташи, Катюши
Русских героев из армии ждут.

Я не умею воскрешать.
И сам я больше не воскресну.
И полумёртвая душа
Моя погасла, если честно.

Профукал новый поворот,
И стало бесконечно вьюжно.
Я не жалею свой живот,
Но это никому не нужно.

В гробу, а, может быть, в клетке
Прошу врагов в порядке бреда.
И где-то там, в конце пути
Я отрекусь от тех, кто предал.

И полумёртвая душа
Моя устала, если честно.
Я не умею воскрешать.
И сам я больше не воскресну.

Забор с почтовым ящиком стоит.
Гниёт штакетник, скоро покосится.

Калитка на одной петле висит.
Застыло время в мёртвых половицах.

В зелёном доме шепчет мягкий свет,
Но замолчит на полуслове.
В сарай дрова несёт горбатый дед.
К зиме последний уголь приготовил.

Он вспоминает сына, дочь, жену.
На чёрно-белом снимке все в обнимку.
Он не забудет страшную войну.
И снова снятся: Оля, Света, Димка.

Шахтёрской славы полный кавалер,
Но не хватает молока и хлеба.
На кладбище уснул пенсионер,
Где три креста в оградке цвета неба.

Тьма

Я видел тьму. Я был на самом дне.
Она меня встречала чёрным взглядом.
И на трёхсотметровой глубине
Лицом к лицу была со мною рядом.
В неё спускался двадцать долгих лет,
И нашей дружбе нет конца и края.
И провожал к ней мягкий зябкий свет,
Над головою зайчиком играя.
Похоже, без неё я не смогу.
Она давно моей души частица.
И у неё я навсегда в долгу.
Прошу её, но не могу проститься.

Надежда Кудрявцева-Кузнецова

Я - Немига

1. Белорусская я Немига,
А в поэтах меня ведь нет!
Неизвестности сбросить иго
Не могу уже сколько лет!
Моя бабушка — белоруска
Оказалась в Сибири злой.
Да, я стала с рожденья русской,
А в поэзии вот — немой!
Не «пускают» меня долбаи,
Я такая здесь не одна.
Белорусов так много в крае.
А услышать нас не судьба?
И не ценится слово наше,
Я о предках моих пишу.
Жизни быть и счастливей, и краше —
Я об этом сказать спешу.
2. Наши годы промчатся, знаю,
Память будет в семье, а с ней
Белорусы, вас заклинаю,
Чтоб узнали о правде моей.
Как 100 лет уже пролетело,
Белорусы в Сибирь пришли.
Я пишу о них ярко, смело,
Имена их шепчу в тиши.
Был мой дед, помню я, Игнатом,
А Кастусь был его отец.
И Филипп был Игнату братом,
В своём деле был каждый спец.
А Алёщенко баба Марфа

Часто драники нам пекла.
С белорусской своею мовой
В новый век к нам она пришла.
Сёстры бабушки были с нею,
И столыпинский был вагон.
Очень, очень сейчас жалею,
Что не помню я всех имён!
Были Вера, Прасковья, Репина —
Я успела о них записать.
И Данилою звали сына,
Чтоб потомкам моим это знать!
3. Нет, конечно, о жизни новой
Не сказать, что была очень зла.
Но вот трудной, порой суровой,
А деревня та — Карагайла.
Ходоками пришли вначале,
Собирали в деревне сход.
Чтоб и «в радости, и в печали»
Разрешил переезд им народ.
А потом родилась моя мама,
(300 лет сейчас Карагайле).
Я писала о них упрямо,
Все работали на земле.
А отец мой — Солдат Победы,
На войне был 6 с лишним лет.
Без меня кто б о них поведал?
Но ни мамы, ни папы уж нет.
4. Воевал белорус Данила,
Под Смоленском — узнала я.
Победила там ратная сила.
Сын погиб, но в других краях.

Коля — мой белорусский братик,
Не вернулся он с той войны.
Но в Советске я, как фанатик,
Отыскала его следы.
Это школьники отыскали,
Им от нас — благодарный поклон!
В «Танке» — Память, в Мемориале
Навсегда узаконен он.
И поведать об этом может
Именная его плита.
Мы нашли его, славься, Боже,
Там «Алёщенко» навсегда!
5. Я о том написала книгу.
Только Память — она права.
Закопали под землю Немигу?
А она, она есть, жива!
Белорусы мои узнают —
Угрюмов есть имена.
Журавлями они улетают.
Только память — на все времена!
Мы наследники той Победы,
Победителям славу поём.
Надо, надо о том поведать!
Они БЫЛИ, а мы ЖИВЁМ!
6. Да, и мама моя — белоруска.
Но в Кузбассе стала она,
Как и все, она стала русской
И хлебнула горя сполна.
6 годов ждала папу верно,
С бабой Марфой, двумя детьми.
И с войны он вернулся, наверное,
По молитвам своих родных!?

Он вернулся, нас стало много —
Девять нас, строил новый дом.
Я, как бабушка, помню Бога.
Написала уже я о том!
7. А в редакции мне сказали:
«Это Ваш семейный вопрос.
Ну и что, что были медали,
До героя он не дорос!».
Знаю точно, России история
Состоит из историй семей.
И Кузбасс — её территория.
Но вычёркивать нас не смей!
Сколько нас ещё вспомнят дедов
И напишут с любовью о них.
Для потомков своих поведаю,
Кто-то прозой, а кто-то в стих.
8. Это мама меня научила
В дневники все писать слова.
Я же знаю, что Слово — Сила,
Слово — Бог и Любовь! Правда,
Ты моя дорогая мама!
Твой я помню наказ — урок:
От Избы-Читальни до Храма.
Всё исполнит Господь наш в срок!
А свой век отживут долбаи,
Свет в Кузбасс придёт навсегда.
В это верю я и знаю:
Смелость, да, берёт города!
Наша Память — она навечно!
Для меня эта мысль — елей.
Белорусов люблю сердечно!
Белорусам создам Музей!